Ем. Ярославский

Международное значение Октябрьской революции

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИ200
Я635

СОЦЭКГИЗ

В ИЛ

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

ГИ200
Я 635 Р

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*

1 экз.

ОГИЗ • СОЦЭКГИЗ • 1934

84
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
П

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1 Маркс и Энгельс о революции в России и ее международной роли .	3
2 Ленин и Сталин о социалистической революции в России .	19
3 Условия, обеспечившие победу пролетарской революции	35
4 Ленин и Сталин о международном значении Октябрьской революции	50
5 Советы—государственная форма диктатуры пролетариата . .	72
6 Завершение построения фундамента социалистической экономики	86
7 Международное значение решения аграрно-крестьянского вопроса Октябрьской революцией	100
8 Решение национального вопроса	106
9 Третий коммунистический интернационал	116
10 Послевоенное революционное движение и его опыт	122
11 Наши враги об Октябрьской революции	140
Послесловие	145

ГИ200
Я 635 Р
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
№ 69653 У

Ярославский «*Международное значение Октябрьской революции*».
Редактор *Д. Кардашов*. Техред *В. Мартынюк*.
Сдано в набор 29/XII 1933 г. Подписано к печати 15/I 34 г.
Формат 82×111/32. Тираж 20.000 Заказ № 1539.
Изд. л. 10 3/4. Бум. л. 2 3/4. 155.800 зн. в бум. листе
Москва. Уполномоченный Главлита Б 35024 ОГИЗ № 1296.
16-я типография треста «Полиграфкнига», Трехпрудный пер., д. 9.

1

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И ЕЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ РОЛИ

«Всемирно-историческое значение III, Коммунистического интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием: диктатура пролетариата» (ЛЕНИН, Соч., т. XXIV, стр. 248, изд. 2-е).

«Революция на этот раз начнется на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции» (МАРКС, Письмо к Зорге).

7 ноября (25 октября) 1917 г. прочно вошло в историю мирового рабочего движения, как один из наиболее значительных моментов, когда осуществились многовековые надежды рабочего класса и трудящихся всего мира. Впервые в истории человечества пролетариат огромной страны, бывшей «тюрьмы народов», сверг власть буржуазии и основал первое в мире пролетарское государство, далеким прообразом, предвидением которого была кратковременная Парижская коммуна. Еще в 1902 г. Ленин в своей брошюре «Что делать» писал, что «история поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь), и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»[1]. Февральская революция свергла царское самодержавие. Октябрьская революция в России открыла собой эпоху мировой пролетарской революции, стала ее составной неразрывной частью. Эту международную роль Октябрьской

[1] Ленин. Соч., т. IV, стр. 382.

революции Ленин отметил на первом же заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 7 ноября (25 октября) 1917 г.

«Товарищи,—говорил Ленин,—рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма...

...В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!» [1].

Пролетариат нашей страны взял власть под руководством партии большевиков, в борьбе против всех других партий. Пролетарская революция конечно не могла не вызвать яростной ненависти русской и всей мировой буржуазии. Белогвардейская генеральская контрреволюция внутри страны; блокада и интервенция со стороны империалистических государств, чьи грабительские планы сорвала Октябрьская революция; голод и разруха, как наследие империалистической и гражданской войны; саботаж и прямое вредительство буржуазной интеллигенции, боровшейся против победы пролетарской революции; культурная и техническая отсталость страны,— все эти препятствия должна была преодолеть пролетарская советская страна, чтобы стать тем, чем она стала в последующие годы,—передовой страной социалистической индустрии, страной электрификации, Днепростроя, Магнитогорска, Уралмашстроя, Кузнецкостроя, страной передового социалистического земледелия, культурнейшей страной в мире. Пролетариат, идя во главе многомиллионных масс крестьянства, мог выполнить эту задачу и выполнил ее только потому, что он шел под руководством партии большевиков—единственной революционной партии пролетариата, возникшей в 1903 г. на гранитной основе революционного учения Маркса—Энгельса; пролетариат мог выполнить и выполнил эту задачу только потому, что партия большевиков, партия Ленина, накопила величайший революционный опыт, имеющий международное значение.

---

[1] Ленин. Соч., т. XXII, стр. 4—5.

Октябрьская революция сделала возможной организацию III Интернационала. Борьба с оппортунизмом и центризмом социал-демократических партий, а также с ошибками левых во II Интернационале проходит красной нитью через всю историю большевистской партии, которая с самого начала сложилась как партия нового типа—партия борьбы за пролетарскую диктатуру, как партия революционного восстания пролетариата против буржуазии. Только пролетарская революция создала условия для развития Коммунистического интернационала.

«Большевизм *создал* идейные и тактические основы III Интернационала, действительно пролетарского и коммунистического, учитывающего и завоевания мирной эпохи и опыт *начавшейся эпохи революции*» [1].

Октябрьская революция не только утвердила новые формы классового господства—пролетарскую диктатуру, не только выполнила задачу обороны пролетарской диктатуры против буржуазных государств, против эксплоататорских классов всего мира, но и развила гигантскую творческую энергию рабочего класса и широких трудящихся масс, превратив Страну советов в мощный хозяйственный социалистический организм, гигантски развернув производительные силы страны.

Опыт Октябрьской революции полностью подтвердил правильность той оценки, которую дал Маркс социалистической революции в «Коммунистическом манифесте»:

«... Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и как можно быстрее увеличить совокупность производительных сил.

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средства для переворота во всем способе производства» [2].

Дальше мы рассмотрим как авторы «Коммунистического манифеста» ставили вопрос о том, как и при каких условиях Россия сможет начать эру мировой пролетарской революции?

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 385.

[2] Маркс и Энгельс, Манифест коммунистической партии, изд. ИМЭЛ, 1933 г., стр. 36

Ответ на этот вопрос имеет большое значение с точки зрения того, как Маркс и Энгельс представляли себе ход пролетарской революции. В то время как Маркс и Энгельс писали «Коммунистический манифест», назревала революция 1848 г. В 1848 г. Маркс и Энгельс предупреждали рабочих, что «немецкие либеральные буржуа скоро придут к власти и тогда обратят свою только что приобретенную власть против рабочих». «Вы видели,—писали Маркс и Энгельс в первом обращении ЦК к Союзу коммунистов,—как это исполнилось. И в самом деле, именно буржуа тотчас после мартовского движения 1848 г. захватили власть и воспользовались ею для того, чтобы отбросить опять в их прежнее угнетенное положение рабочих, их союзников в борьбе» [1].

Исследуя роль различных буржуазных и мелкобуржуазных партий, Маркс в 1850 г. указывал пролетариату путь пролетарской революции. «В то время как демократические мелкие буржуа,—читаем мы в только что приведенном обращении,—хотят возможно быстрее закончить революцию... наши интересы и наша задача заключается в том, чтобы революция была перманентной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти и пока объединение пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что прекратится конкуренция пролетариев в этих странах, и пока, по крайней мере, самые главные производительные силы не будут концентрированы в руках пролетариев» [2].

Энгельс в письме к Вере Засулич от 23 апреля 1885 г. выражал уверенность, что «раз прорвется 1789 год, 1793 год не замедлит последовать» [3]. А мы знаем, какое содержание Энгельс вкладывал в понятие 1793 год. «Во время террора,—говорит он,—неимущие массы Парижа захватили на минуту власть и смогли таким образом использовать буржуазную революцию против самой же буржуазии. Но их минутная победа послужила наилучшим доказательством всей невозможности прочного господства рабочего класса при тогдашних условиях. Пролетариат, еще не выделившийся из общей массы неимущих людей, представлял в то время лишь зародыш будущего класса и не был способен к самостоятельным политическим действиям. Он являлся лишь угнетенной, страдающей массой, способной в своей беспомощности ждать избавления только от каких-нибудь внешних, высших сил».

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 480.
[2] Там же, стр. 483.
[3] «Группа «Освобождение труда», сборник, т. III, стр. 27.

Сравнивая революцию 1905 г. с Великой французской революцией, Ленин говорил о широчайших международных перспективах, которые откроются перед русской революцией, поскольку она совершалась уже в условиях империализма, в условиях нисходящей линии развития капитализма.

Конечно наш 1905 г. нельзя отождествлять с 1789 г. и с 1793 г. во Франции: революция 1905 г. в России развивалась в совершенно иной исторической обстановке, при совершенно другом соотношении классовых сил, при наличии классово-сознательного и классово-организованного пролетариата, при наличии большевистской партии, руководившей движением.

«Полной победы,—пишет Ленин,—не суждено было завоевать якобинцам главным образом потому, что Франция XVIII века была окружена на континенте слишком отсталыми странами и что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов, капиталистов, машинной индустрии, железных дорог.

«Якобинство» в Европе или на границе Европы и Азии в XX веке было бы господством революционного класса пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII века, но и привести во всемирном масштабе к прочной победе трудящихся» [1].

Так Ленин оценивает совершенно новую международную обстановку для революции XX века в Европе и в России.

Об этой же международной обстановке говорил Ленин на IV съезде партии: «Франция конца XVIII века была окружена феодальными и полуфеодальными государствами. Россия XX века, совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией» [2].

***

В начале 1905 г. Ленин исследовал вопрос о том, какого типа революция происходит в России, революция типа 1789 г. (Великая французская революция) или революция типа 1848 г. (Ленин имел в виду главным образом революцию 1848 г. в Германии). И Ленин тогда приходил к выводу, что в России гораздо больше шансов за революцию типа 1789 г.

«У нас перелом к р у ч е, у нас между самодержавием и политической свободой не было и нет н и к а к и х промежу-

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XX, стр. 556.
[2] Там же, т. IX, стр. 150.

точных ступеней (земство не в счет), у нас деспотизм азиатски девственен. (2) У нас несчастная война [1] делает еще более вероятным резкий крах, ибо она запутывает царское правительство до конца. (3) У нас международная конъюнктура выгоднее, ибо пролетарская Европа сделает помощь русской монархии со стороны монархов европейских невозможной. (4) У нас развитие сознательно-революционных партий, литературы и организации их во много раз выше, чем в 1789, 1848 и 1871 годах. (5) У нас целый ряд угнетенных царизмом народностей, поляки, финляндцы и т. д., делают натиск на самодержавие особенно энергичным. (6) У нас крестьянство особенно разорено, обнищало невероятно, и ему уже абсолютно терять нечего» [2].

Но нужно ли было партии большевиков, пролетарской партии нового типа, образовавшейся в 1903 г., «дожидаться», когда в передовых странах Запада начнется социалистическая революция? Меньшевики ставили вопрос так: «Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и по возможности дольше удержать ее в своих руках,—именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма. В этом случае ограниченные исторические пределы русской революции могут значительно раздвинуться, и явится возможность выступить на путь социалистических преобразований» [3]. Так формулировали в 1905 г. отношение к возможности прихода пролетариата к власти меньшевики, которые считали, что, так как условий для прихода к власти пролетариата в 1905 г. по их мнению еще не было, то рабочая партия в совершающейся тогда буржуазно-демократической революции могла быть только партией революционной оппозиции.

В противоположность этим взглядам, превращающим социал-демократию в простой придаток буржуазной партии, в орудие буржуазной революции, Ленин (большевики) считал возможным удержание власти при наличии союза рабочего класса с крестьянством. «Если «решительная победа над царизмом» открывает такую возможность,—писал Ленин,—тогда мы должны указывать на нее, активно звать к ее превращению в действительность, давать практические лозунги, не только на случай перенесения революции в Европу, но и для такого перенесения» [4].

---

[1] Ленин имел в виду русско-японскую войну 1904—1905 гг. Прим. Е.Я.
[2] Ленин, Соч., т. VII, стр. 181—182.
[3] Протоколы III съезда, Госиздат, 1924 г. Приложения. Резолюц. Женевской конференции, стр. 552.
[4] Ленин, Соч., т. VIII, стр. 84.

Если мы обратимся к Марксу и Энгельсу, то убедимся, что и Маркс и Энгельс в конце 70-х и начале 80-х годов (а Энгельс и в начале 90-х годов) ставили вопрос так: Россия может стать застрельщиком революции на Западе, она может дать толчок этой революции, стать началом ее. Наблюдая усилия западноевропейского пролетариата в отдельных странах, направленные к осуществлению самостоятельной социалистической программы, организуя это движение пролетариата, Маркс и Энгельс не могли не думать об огромном государстве на Востоке и о его роли в революции. Однако в период домонополистического капитализма не могло быть и речи о возможности победы социализма в одной стране.

«Трудный вопрос,—писал Маркс Энгельсу 8 октября 1858 г.,—заключается для нас в следующем: на континенте революция неизбежна и примет немедленно социалистический характер. Но не будет ли она неизбежно подавлена в этом маленьком уголке, так как на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделывает еще восходящее движение»? [1].

И в первую очередь конечно Маркс и Энгельс предвидели опасность со стороны царской России—«международного жандарма», организовавшего для ликвидации последствий Великой французской революции «Священный союз» монархов в начале XIX столетия, усмирявшего революцию 1848 г. и всеми мерами подавлявшего Парижскую коммуну.

Маркс и Энгельс зорко следят за всеми событиями, происходящими в России. Впрочем не только Россия привлекала их внимание. Так же внимательно они относятся к тому, что происходит на Ближнем и Дальнем Востоке, в Турции, Китае. В «Международных обзорах» Маркс и Энгельс писали в 1850 г. о Китае, предсказывая неизбежность развития в этой стране не только своего 1789, но и своего 1793 года. Описывая глубокие изменения, которые произошли за первую половину XIX столетия в экономической структуре Китая, массовую пауперизацию, революционные восстания, Маркс и Энгельс рассказывают про некоего Гюцлаффа, который наблюдал в Китае эти процессы.

«Среди мятежной черни,—читаем мы в «Международных обзорах»,—выступили люди, которые указывали на бедность одних, на богатство других, которые требовали иного распределения имуществ, требовали и теперь еще требуют полного уничтожения частной собственности».

Немецкий миссионер Гюцлафф, наблюдающий эти явления в Китае, вернулся в Европу и вот:

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 362

«Когда господин Гюцлафф после 20-летнего отсутствия опять попал в среду цивилизованных людей и европейцев, он услышал разговоры о социализме и спросил, что это значит. Когда ему это объяснили, он с испугом воскликнул: значит я никуда не могу уйти от этого пагубного учения. Ведь именно это с некоторых пор проповедуют многие из черни в Китае».

По этому поводу Маркс и Энгельс делают замечательное пророческое примечание:

«Пусть китайский социализм имеет такое же отношение к европейскому, как китайская философия к гегелевской. Все же отрадно, что самая древняя и самая прочная империя в мире под воздействием тюков ситца английских буржуа за восемь лет очутилась накануне общественного переворота, который во всяком случае должен иметь чрезвычайно важные результаты для цивилизации. Когда наши европейские реакционеры в предстоящем им близком будущем бегстве в Азию доберутся наконец до китайской стены, к вратам, которые ведут к архиконсервативной твердыне, то, как знать, не найдут ли они там надпись:

République Chinoise! Liberté, Égalité, Fraternité!» (Китайская республика. Свобода, равенство [1], братство [1]).

***

Когда началась русско-турецкая война 1854—1855 гг., Маркс и Энгельс самым внимательным образом следили за всем ходом событий именно потому, то они были уверены в неизбежности крупнейших социальных и политических сдвигов в России под влиянием военного поражения. Да, они были пораженцами по отношению к царской России, они желали поражения войск царя в уверенности, что это поражение развяжет силы революции.

Маркс писал Энгельсу 8 октября 1858 г.:

«Русская война 1854—1855 гг., хотя и паршивая и мало повредила русским..., все же очевидно ускорила нынешний поворот событий в России» [2].

Прямо пророчески звучит позднейшее письмо Маркса к Зорге (сентябрь 1870 г.), касающееся взаимоотношений России и Германии. Реакционнейшая Германия для своего господства нуждалась в союзе с реакционнейшей Россией. Прусский орел Гогенцоллернов был сродни двуглавому орлу романовской монархии.

Маркс был уверен в сентябре 1870 г., что франко-прусская война приведет к новой войне между Пруссией и Францией.

---

[1] Маркс и Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 210—211.

[2] Там же, т. XXII. стр. 362.

«Истинное пруссачество,—пишет Маркс,—никогда не существовало и существовать не может иначе, как только в союзе с Россией и в рабской от нее зависимости. Кроме того такая война № 2 сыграет по отношению к неизбежной русской социальной революции роль повивальной бабки» [1].

Что франко-прусская война оказала большое влияние на взаимоотношения между Германией и Францией, в этом не остается никакого сомнения.

И если война между Германией и царской Россией 1914—1917 гг. не явилась следствием франко-прусской войны 1870—1871 гг., то последствия этой войны оказались как раз такими, о которых писал Маркс в 1870 г. Ибо действительно война между Россией и Германией сыграла роль повивальной бабки по отношению к социальной революции в России.

Россия того времени, 60-х—80-х годов, давала Марксу и Энгельсу основания строить самые смелые предположения в отношении близости революции. В переписке Маркса и Энгельса поражает это напряженное страстное ожидание революции, вера в ее близость. Так, в феврале 1870 г., по прочтении книги Флеровского-Берви «Положение рабочего класса в России», Маркс выражает уверенность, что «нынешнее положение в России недолго удержится и уничтожение крепостного права в сущности лишь ускорило процесс разложения» и что «предстоит социальная революция».

В письмах к Зорге в 1877 г. по поводу поражения России в русско-турецкой войне Маркс снова выражает уверенность в близости революционного переворота в России.

«Что касается России,—пишет Маркс,—состояние которой я изучил по русским оригинальным источникам, — неофициальным и официальным (последние доступны только немногим лицам, и были доставлены мне моими друзьями в Петербурге),—то она давно уже находится накануне переворота; все элементы для этого готовы. Бравые турки ускорили взрыв на годы ударами, нанесенными не только русской армии и русским финансам, но и лично командующей армией династии (царю, наследнику и шести другим Романовым). Переворот начнется по всем правилам искусства игрой в конституцию, и будет баталия. Если судьба не будет к нам особенно немилостива мы еще доживем до этого праздника... Все слои русского общества находятся экономически, морально и интеллектуально в сосостоянии полного разложения. Революция на этот раз начнется на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервом армии контрреволюции» [2].

---

[1] Маркс и Энгельс, Письма, изд. «Московский рабочий», 1923 г. стр. 222.

[2] Маркс, Письма к Зорге, 163.

И здесь Маркс выступает пораженцем по отношению к армии царского правительства, и здесь снова Маркс выражает уверенность в том, что поражение царской армии развяжет не только русскую, но и международную революцию. Маркс предвидит, что революция на этот раз начнется на Востоке.

Маркс уверен, что от этой революции ничто уже не может спасти Россию (как и Германию).

«Вообще для меня несомненно одно,—пишет Маркс Энгельсу 24 сентября 1878 г.,—что бы ни делали помимо того Россия и Пруссия на мировой сцене, все неизменно будет иметь только вредные последствия для их режима и уж отнюдь не может остановить падения последнего, а лишь ускорит его ужасный конец»[1].

***

Конечно Маркс и Энгельс видели и знали, что Россия того времени не является страной пролетарского движения. Пролетариат еще не выступал в качестве гегемона революции. Народники ни в какой степени не являлись партией, которая могла организовать пролетарское движение. Их утопический социализм уводил их в сторону от пролетарского движения. Для народников человек будущего—мужик, крестьянин. Крестьянский социализм народников, утопический, мелкобуржуазный, социализм революционеров-мечтателей не мог привести к победе социализма. Этот социализм был продуктом отсталости общественных отношений в тогдашней России. Однако крестьянская революция в России вызывала большие надежды у Маркса и Энгельса. В период революционного затишья после революции 1848 г. и Парижской коммуны, в период глубочайшей реакции, революционное движение в России будило надежды на то, что лед реакции скоро будет сломан, что революция придет с Востока. При резко критическом отношении к утопизму революционных народников Маркс и Энгельс называли революционную Россию того времени «авангардом революционного движения в Европе».

Мы знаем, какое уважение питали Маркс и Энгельс к партии «Народной воли». Маркс был представителем русских революционеров в первом Международном товариществе рабочих. Маркс и Энгельс читали в подлинниках произведения русских революционеров, они были прекрасно осведомлены о том, что делается в России. А то, что происходило в России, начиная с 60-х годов, блестяще характеризует Ленин, который писал:

«Правда, на наш современный взгляд кажется странным говорить о революционной «партии» и ее натиске в начале

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 502.

60-х годов. Сорокалетний исторический опыт сильно повысил нашу требовательность насчет того, что можно назвать революционным движением и революционным натиском. Но не надо забывать, что в то время, после тридцатилетия николаевского режима, никто не мог еще предвидеть дальнейшего хода событий, никто не мог определить действительной силы сопротивления у правительства, действительной силы народного возмущения. Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян—мировых посредников применять такое «Положение», студенческие беспорядки,—при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание—опасностью весьма серьезной» [1].

Изменилось ли это положение и в какую сторону в 70-х годах? Все те силы, которые перечисляет Ленин, еще более обнаженно выступили как революционные факторы в 70-х годах. Положение стало еще более напряженным в связи с русско-турецкой войной, когда Маркс указывал Вильгельму Либкнехту на то, что:

«...поражение русских (в турецкой войне.—*Е. Я.*) очень ускорило бы социальный переворот в России, элементы которого налицо в огромном количестве и тем самым укорило бы и резкий перелом во всей Европе»[2].

В письме Германа Лопатина к М. Н. Ошаниной Лопатин рассказывает о том, как Энгельс относился в это время к революции в России.

«Россия,—говорит Лопатин, приводя слова Энгельса,—это Франция нынешнего века, ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива нового социального переустройства»[3].

Образование партии «Народной воли» Маркс и Энгельс приветствовали как событие величайшего значения. Они воз-

---

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 125—126.

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 381.

[3] «Летопись марксизма» № 7—8 за 1929 г. Энгельс о России, из письма Г. Лопатина к М. Н. Ошаниной.

лагали большие надежды на эту партию. Известно, с какой иронией, с каким сарказмом относился Маркс к группе «Черный передел», которая выделилась после раскола партии «Земля и воля». Маркс писал Зорге:

«В России, где «Капитал» нашел больше читателей и признания, чем где бы то ни было, наш успех еще больший. Мы имеем там, с одной стороны, критиков (в большинстве молодых профессоров университетов, частью лично моих знакомых и иногда участвующих в прессе), и с другой стороны, центральный комитет террористов, программа которого, недавно тайно напечатанная и изданная в Петербурге, вызвала большую ярость среди русских анархистов в Швейцарии, издающих в Женеве «Черный передел».

К декабрю 1879 г. Энгельс выражает уверенность в том, что «в России через несколько месяцев дела должны принять решительный оборот» [1].

Энгельс писал это при первых известиях о начавшихся революционных актах «Народной воли». Через год примерно Энгельс пишет опять Бебелю:

«Поздравляю тебя и всех вас с новым годом и русской революцией, которая в наступающем году наверное снова придет в движение и тотчас же придаст всей Европе другой облик»[2].

Убийство Александра II вызвало большие надежды у Маркса и Энгельса. Маркс и Энгельс попрежнему уверены, что все эти акты предвосхищают канун революции в России. В условиях оживления революционного движения в Европе Маркс и Энгельс страстно ищут силы, которая дала бы толчок этому движению. Эту силу они попрежнему видели в России. Энгельс пишет в 1882 г., уже после того, как Исполнительный комитет «Народной воли» был разгромлен:

«В Германии положение таково, что оно с возрастающей быстротой приближает нас к революции. Чего нам недостает — это только толчка извне, а таким является положение в России, где начало революции — это вопрос месяцев. Наши товарищи в России почти что взяли в плен царя, дезорганизовали правительство и разрушили народные традиции» [3].

Мы видели, что Энгельс считал вопросом нескольких месяцев развязывание революционного кризиса в России. Он писал 30 ноября 1882 г. Марксу о том что «только «взрыв кризиса в России» мог бы освободить Германию от исключительного закона про-

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 169—170.
[2] Там же, стр. 172.
[3] Там же, т. I, стр. 309.

тивсоциалистов. «Удивительно,—писал Энгельс,—что люди не могут привыкнуть к мысли, что толчок должен притти оттуда» [1].

Еще через год Энгельс в ответ на просьбу Веры Засулич разрешить перевод II тома «Капитала» на русский язык выражает уверенность в том, что ближайшая революция в России может в корне изменить обстановку.

«Политическое положение в России так напряженно,—пишет Энгельс,—что кризис может произойти со дня на день. По-моему возможно даже, что в России печать будет свободна раньше, чем в Германии» [2].

Еще через два года по поводу книги Плеханова «Наши разногласия» Энгельс высказывает твердую уверенность в близости и неизбежности революции, которая должна иметь гигантские международные последствия.

«То, что я знаю или думаю, что знаю, о положении России,—пишет Энгельс,—склоняет меня к мнению, что там приближаются к 1789 г.: революция должна разразиться через определенное время; она может разразиться каждый день.

В этих условиях страна подобна заряженной мине, где остается только приложить фитиль. Особенно—с 13 (1) марта. Это один из исключительных случаев, когда возможно для горсти людей сделать революцию, другими словами, одним небольшим ударом заставить рухнуть целую систему, находящуюся в очень неустойчивом равновесии (пользуюсь метафорой Плеханова), и освободить одним актом, самим по себе незначительным, такие разрушительные силы, которые потом станут неукротимыми» [3].

Энгельс считал при этом, что достаточно лишь толчка, чтобы революция разыгралась. Общее положение в России ему казалось настолько напряженным, экономическое положение огромных масс народа настолько невыносимым, противоречия, сдерживаемые насильственно деспотизмом, настолько обостренными, что неизбежность взрыва ему представлялась неоспоримой.

Уделяя такое громадное внимание перспективам революции в России, Маркс и Энгельс еще в 70-х и 80-х годах ставили вопрос о возможности для русской революции стать началом пролетарской революции в Европе, сыграть роль толчка по отношению к этой революции.

Ленин отмечает неоднократно; что в давным давно прошедшие времена, когда Каутский, был еще марксистом, а не ренегатом, он, Каутский, предвидел возможность наступления такой

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV. стр. 595. (Разрядка моя.—*Е.Я.*).
[2] «Группа «Освобождение труда», Сборник, т. I, стр. 137.
[3] Тамже, Сборник № 3, Гиз, 1925 г., стр. 26.

ситуации, при которой революционность русского пролетариата станет образцом для Западной Европы. Это было в 1902 г., когда Каутский писал в революционной «Искре» статью «Славяне и революция». Вот что он писал в этой статье:

«В настоящее же время (в противоположность 1848 г.) можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам. Революционный центр передвигается с Запада на Восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. и Германия вступила в ряды революционных наций... Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставить снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России... С царем русские революционеры, быть может, давно уже справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника—европейского капитала. Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами, и что новый «Священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественник. Но как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее. В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую счастливую весну для народов» (К. Каутский, Славяне и революция, «Искра» № 18, 10 марта 1902 г.).

Хорошо писал 18 лет тому назад Карл Каутский» [1].

---

[1] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 172—173.

* * *

А когда пришла эта весна революции, когда октябрьский вихрь разметал не только власть буржуазии в России, но всколыхнул миллионные массы угнетенных во всем мире, когда российский пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством, под руководством ленинской партии совершал «красногвардейскую атаку» против старого мира, когда происходило «триумфальное шествие советской власти»,—Каутский не нашел ничего лучшего в этот момент, как пророчествовать, что «русский пролетариат не был ни достаточно сильным, ни достаточно развитым, чтобы взять в руки бразды правления огромной правительственной колесницы», что «диктатура пролетариата приведет страну к катастрофе и хаосу, и таким образом революция потерпит моральное поражение» [1].

История 16 лет пролетарской диктатуры дала ответ на эти и другие, им подобные, пророчества. Оправдались предвидения Маркса и Энгельса: Россия стала Францией новой эпохи, она открыла новую эру, эру мировой пролетарской революции. Маркс и Энгельс в письме от 21 марта 1881 г., посланном председателю славянского митинга, Льву Гартману, по поводу десятилетней годовщины Парижской коммуны, писали:

«Когда Парижская коммуна была подавлена после свирепой бойни, устроенной защитниками «порядка», победители меньше всего думали о том, что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие, которое после борьбы — быть может длительной и жестокой — в конце концов должно неизбежно привести к созданию Российской коммуны» [2].

Это замечательное пророчество, осуществленное через 35 лет с лишком спустя, еще сильнее подчеркивает то, что Маркс и Энгельс придавали исключительно важное значение борьбе с царизмом, которую вела партия «Народной воли». Да, борьба оказалась, как это предвидели Маркс и Энгельс, и длительной и жестокой. Понадобились три революции, прежде чем знамя «Российской коммуны» взвилось над Россией. Но эта борьба велась и победила иными силами и иными методами, чем те, какие могли наблюдать в России народнического периода Маркс и Энгельс. «Российская коммуна»—

---

[1] Каутский, Торжество большевизма, «Попюлэр», 28 апреля 1918 г.

[2] «Правда» от 7 ноября 1933 г., № 308 (5834).

Советская Россия—возникла в октябре 1917 г. в результате борьбы рабочего класса в союзе с беднейшим крестьянством под знаменем революционного марксизма, послужившего руководством к действию самой революционной партии в мире—партии большевиков.

На наших глазах во всем мире нарастают и зреют силы для победы грядущей мировой социалистической революции, для победы Мировой коммуны. Путь к ней проложен и освещен Октябрьской революцией 1917 г. Жертвы, понесенные в этой борьбе, оправданы величайшими победами 16 лет существования первого в мире социалистического государства—СССР.

2

ЛЕНИН И СТАЛИН О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ И ЕЕ МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ

Основоположник большевистской партии Владимир Ильич Ленин прошел серьезную школу революционного марксизма, прежде чем он выступил как организатор петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», прежде чем он практически начал осуществлять боевую программу пролетариата. Если говорить о том, в борьбе с какими врагами росло и крепло марксистское мировоззрение Ленина и первых революционных марксистов вообще, то надо отметить, что этим врагом было народничество. Ленин должен был начать с решительной борьбы против теорий утопического, народнического социализма, в частности с борьбы против народнического учения о некапиталистическом пути развития России. Эту теорию о возможности некапиталистического пути развития России народники и их предшественники проповедывали в течение более полувека, связывая эту теорию с возможностью крестьянской социалистической революции. Их программа была рассчитана «на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества» [1].

Вся последующая история показала несостоятельность этих «социалистических мечтаний» народников, всю утопичность расчетов на возможность крестьянской социалистической революции. То, что в течение десятков лет эти теории имели успех в России, объясняется ее исключительной отсталостью. Эта отсталость была причиной того, что и в других странах в течение десятков лет господствовали идеи и теории, выражавшие точку зрения мелких буржуа.

«Каких-нибудь тридцать лет тому назад,—писал Ленин в 1905 г. в статье «Мелкобуржуазный и пролетарский социа-

[1] Ленин, Соч., т. I, стр. 165.

лизм»,—марксизм не был еще господствующим даже в Германии, где преобладали, собственно говоря, переходные, смешанные эклектические воззрения между мелкобуржуазным и пролетарским социализмом. А в романских странах—во Франции, Испании, Бельгии — самыми распространенными учениями среди передовых рабочих были прудонизм, бланкизм, анархизм, явно выражавшие точку зрения мелкого буржуа, а не пролетария» [1].

Против этой мелкобуржуазной теории народников была направлена борьба марксистов на протяжении по крайней мере четверти века, прежде чем была создана партия большевиков.

Воюя против утопического социализма народников, указывая, что народнический социализм является реакционным, утопическим,—Ленин четко наметил пути коммунистической революции и ее победы в международном масштабе. О международном характере революционного движения в России Ленин думал и писал еще в 90-х годах. Ставя перед собой задачу организовать передовые слои рабочего класса в политическую партию, ставя перед собой задачу, которую Ленин выражал словами Вильгельма Либкнехта — изучать, пропагандировать, организовывать,—Ленин рассматривал эту задачу с точки зрения «исторической роли русского рабочего». В чем же видел эту историческую роль русского рабочего Ленин? В 1894 г. в работе, «Что такое друзья народа?», написанной в этот период, Ленин выражает уверенность в том, что «когда эти идеи (научного социализма.—*Е. Я.*) получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,—тогда русский р а б о ч и й, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет р у с с к и й п р о л е т а р и а т (рядом с пролетариатом в с е х с т р а н) п р я м о й д о р о г о й о т к р ы т о й п о л и т и ч е с к о й б о р ь б ы к п о б е д о н о с н о й к о м м у н и с т и ч е с к о й р е в о л ю ц и и»[2].

Уже в этих строках содержится постановка Лениным поновому вопроса о пролетарской революции по сравнению с Марксом и Энгельсом. Известно, что в своем «Ответе Ткачеву» Энгельс в 1875 г. писал: «Только тогда, когда с капиталистическим хозяйством будет покончено на его родине, в странах высшего процветания, только тогда, когда отсталые страны увидят воочию, «как это делается», каким образом современные

---

[1] Л е н и н, Соч., т. VIII, стр. 360.
[2] Л е н и н, Соч., т. I, стр. 194.

производительные силы употребляются в качестве общественной собственности на службу всего народа, только тогда отсталые общества смогут приняться за сокращение процесса своего развития» [1]. Причисляя Россию 70-х годов к отсталым странам, которые не в состоянии еще употребить «современные производительные силы» «на службу всего народа в качестве общественной собственности» без помощи промышленного пролетариата Запада, который «берет на буксир» эти отсталые страны, Энгельс приходит к следующим выводам относительно перспектив ближайшей революции в России: «Эта революция даст новый толчок рабочему движению Запада, даст ему лучшие условия борьбы и тем ускорит победу промышленного пролетариата, без которого современная Россия не может притти к социалистическому перевороту ни через общину, ни через капитализм» [2].

Из этих высказываний Энгельса видно, что он в условиях домонополистической стадии развития капитализма смотрел на отсталую Россию, как на страну, в которой социалистический переворот невозможен без победы промышленного пролетариата Запада.

Между тем как Ленин в условиях империализма, в условиях эпохи краха капитализма и пролетарских революций уже в 1894 г. в «Что такое друзья народа?» дает новую постановку стратегическо-тактических задач, стоявших перед российским пролетариатом, шедшим в условиях новой всемирноисторической обстановки навстречу буржуазно-демократической революции, как к этапу революции пролетарской. Ленин в «Друзьях народа» уже непосредственно увязывает задачи буржуазно-демократической революции в России с задачей «победоносной коммунистической революции», к которой российский пролетариат в меру своей силы, организованности и сознательности, при наличии руководящего авангарда—коммунистической партии,—будет переходить тотчас же, без того, чтобы между буржуазной и пролетарской революцией существовал длительный интервал.

В заключительных строках «Что такое друзья народа?» Ленин исходит уже из расстановки классовых сил на международной арене, соответствующей объективным историческим условиям новой эпохи, эпохи империализма. В эту эпоху загнивающего капитализма на смену буржуазной демократии выступает поднимающийся к власти пролетариат. Пролетариат становится самостоятельной, ведущей исторической силой, способной в России повести за собою «все демократические

---

[1] Ф. Энгельс о России, Женева, 1894 г., стр. 30.
[2] Там же, стр. 38.

элементы» против царского самодержавия с тем, чтобы, выполнив эту задачу, пойти по пути социалистической революции.

Таким образом Ленин кладет новую всемирноисторическую веху, делает крупнейший шаг вперед в развитии теории пролетарской революции Маркса—Энгельса.

Ленинский этап в постановке вопроса о пролетарской революции и в частности вопроса о перерастании, состоит в том, что Ленин, учитывая общую обстановку распада капитализма, учитывая значительное продвижение России 90-х годов вперед по пути капиталистического развития по сравнению с Европой 1848 и 1871 гг., считает уже посильным для российского пролетариата как подлинного гегемона революции, опираясь на внутренние силы, без прямой государственной помощи пролетариата Запада, при поддержке со стороны «пролетариата всех стран» пойти «прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

Вот путь, каким он рисовался Ленину в 1894 г. Разве не оправдался этот путь российского пролетариата? Разве этот путь не был намечен Лениным с максимальной точностью? Именно на этом пути, который начался с образования сильной, монолитной партии пролетариата, большевистской партии нового типа, рабочий класс России не только выполнил ближайшую историческую задачу свержения самодержавия, но и, став «во главе всех демократических элементов», повел российский пролетариат «прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

Чтобы оценить все значение этого нового ленинского этапа в постановке вопроса о пролетарской революции, о путях ее развития, следует напомнить о том, что 90-е годы были годами пышного расцвета ревизионизма на Западе. В 1883 г. умер Маркс, в 1895 г. умер Энгельс. Тогда Бернштейн, Герц, Давид, Фольмар, Бауэр, Мильеран, Вандервельде и другие оппортунисты II Интернационала хоронили идею пролетарской диктатуры, идею вооруженного восстания пролетариата. Тогда оппортунизм в самых разнообразных его проявлениях почти безраздельно господствовал во II Интернационале, в котором наша партия—партия большевиков—была единственной организацией, отстаивавшей последовательно точку зрения революционного марксизма. Ленинская постановка вопроса о пролетарской диктатуре в программе нашей партии имела тем большее значение, что все партии II Интернационала сознательно игнорировали задачи борьбы за диктатуру пролетариата, выдвинутые еще в «Коммунистическом манифесте» Маркса и Энгельса.

Отчетливо сознавая, что революция в России должна пройти через буржуазно-демократический этап, Ленин никогда не рассматривал программу нашей партии как программу буржуазно-демократической революции, как ее рассматривали меньшевики, правые оппортунисты и троцкисты, как клеветнически пытаются извратить этот вопрос троцкистские контрабандисты. Всегда и с самого начала Ленин учитывал своеобразие русской революции. Особый характер нашей революции до февраля 1917 г. Ленин видел в сочетании двух социальных войн—в сочетании крестьянской войны против помещиков, против остатков крепостничества, против царского самодержавия и войны рабочего класса против буржуазии за социализм. Активное участие широких революционных масс крестьянства сближало, по мнению Ленина, нашу революцию с «великими буржуазными революциями старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль» [1].

Грубейшим извращением большевистской стратегии перерастания, троцкистской клеветой на большевизм является приписывание Ленину теории двух социальных войн после Февральской революции. Именно эту точку зрения отстаивали в 1917 г. Каменев и Зиновьев, которые, по словам Ленина, смотрели «только на прошлое революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. А для нее на деле уже началось будущее» [2].

В борьбе за Октябрь не могло быть и речи о союзе со всем крестьянством. Пролетариат шел к Октябрю в союзе с беднотой при нейтрализации середняка.

Также неправильна теория двух социальных войн в Октябре, которую поддерживают правые оппортунисты (Бухарин).

Ленин всегда подчеркивал пролетарский характер программы нашей партии, принятой на II съезде. С этой точки зрения он рассматривал и аграрную программу, когда писал, что «аграрная программа российской социал-демократии есть пролетарская программа в крестьянской революции, направленной против остатков крепостного права, против всего средневекового в нашем аграрном строе» [3].

Возглавляя на первом этапе борьбу за буржуазно-демократическую революцию, задачей которой было установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, партия всегда связывала осуществление демократических задач с борьбой за непосредственное перерастание

---

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 210.
[2] Там же, т. XX, стр. 106—107.
[3] Там же, т. XI, стр. 437. (Разрядка моя.—*Е. Я.*).

демократической революции в социалистическую. Наша партия не могла и не должна была «связывать» русское рабочее движение с исходом буржуазной революции, ибо Ленин был уверен в том, что «победа демократической революции в России будет сигналом к началу социалистической революции, к новой победе наших братьев, сознательных пролетариев всех стран» [1].

Таким образом Ленин еще накануне революции 1905 г. в «Двух тактиках» и, как мы видели, еще раньше, в «Друзьях народа» в 1894 г. точно указал на международное значение русской революции. Ленин рассматривал революцию 1905 г. как «генеральную репетицию», как пролог 1917 г., как пролог социалистической революции. Первая революция в России была в то же самое время первой буржуазной революцией эпохи империализма. Позади был огромный опыт буржуазных революций в других странах, в иные эпохи, когда пролетариат не имел еще самостоятельной партии, когда он не мог организованно руководить движением крестьянских масс. Позади был опыт Парижской коммуны, кратковременного существования государственной власти, которая была зачатком пролетарской диктатуры. В условиях новой эпохи Ленин считал не только возможным, но и неизбежным перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. «Китайской стены» в виде длительного промежутка между победой буржуазно-демократической революции и победой революции социалистической, стены, которую воздвигали и воздвигают меньшевики, оппортунисты во всех странах,—не существовало для большевистской партии. Для большевистской партии вопрос о перерастании был вопросом борьбы, вопросом соотношения сил революции. Ленин предвидел в 1905 г., что при полной победе буржуазно-демократической революции «мы «подменим» (может быть, при ужасных воплях новых будущих Мартыновых) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т. е. полного социалистического переворота» [2].

«Мы не остановимся на полпути,—писал Ленин,—...мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, чтобы тем легче было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче—революции социалистической» [3].

Таким образом еще задолго до 1917 г. Ленин поставил вопрос о социалистической революции в России, считая возмож-

---

[1] Ленин, Соч., т. VII, стр. 365.
[2] Там же, т. VIII, стр. 119.
[3] Там же, стр. 186—187.

ным, что эта революция может начаться в России раньше, чем она произойдет в передовых странах капитализма.

Ленин неоднократно подчеркивал, что мы не станем «дожидаться», когда социалистическая революция начнется в других странах, что может сложиться обстановка, при которой победа буржуазно-демократической революции в России гораздо раньше приведет к началу социалистической революции. За такой исход мы должны бороться, в предвидении такого исхода мы должны воспитывать, подготовлять нашу партию. Эту точку зрения Ленин отстаивал в особенности на IV «Объединительном» съезде партии против Плеханова, против других меньшевиков, которые обвиняли Ленина в народовольчестве за эту проповедь захвата власти, за выдвинутые им требования национализации земли, за последовательно проводившуюся Лениным идею боевого союза пролетариата и революционного крестьянства.

История полностью оправдала ленинскую постановку вопроса. Между победой буржуазно-демократической революции в России (февраль 1917 г.) и победой Октябрьской революции не оказалось никакой «китайской стены». Промежуток между двумя революциями был сокращен—благодаря особой, сложившейся во время империалистической войны обстановке—до молниеносно промелькнувших восьми месяцев, когда миллионные массы в течение нескольких месяцев поняли необходимость социалистического переворота. В этом величайшая заслуга нашей партии, сумевшей правильно оценить соотношение классовых сил и выбрать момент для решающего удара по врагу.

* * *

Таким образом еще в период первой русской революции и накануне ее Ленин предвидел возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Во время империалистической войны в 1915 г. Ленин дает развернутое обоснование тезиса о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, стране. Ленин выводил эту возможность из закона неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран.

В статье «О лозунге Соединенных Штатов» Ленин писал:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство,

встал бы п р о т и в остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» [1].

Ленинское учение о пролетарской революции было поднято на новую принципиальную высоту и гениально развито т. Сталиным, который со всей остротой подчеркнул коренную разницу между эпохой Маркса—Энгельса и эпохой Ленина. По словам т. Сталина, эпоха Маркса и Энгельса была периодом «господства домонополистического капитализма», — периодом «плавного эволюционирования капитализма и его «мирного» распространения на весь земной шар. Эта старая фаза кончилась к концу XIX и к началу XX столетия, когда Маркса и Энгельса не было уже в живых» [2].

Началась новая фаза в развитии капитализма—фаза империализма.

«... Плавное эволюционирование капитализма сменилось скачкообразным, катастрофическим развитием капитализма, когда неравномерность развития и противоречия капитализма выступили с особой силой, когда борьба за рынки сбыта и вывоза капитала в условиях крайней неравномерности развития сделала неизбежными периодические империалистические войны на предмет периодических переделов мира и сфер влияния» [3].

Тов. Сталин подчеркивает, что в 50-х—60-х годах прошлого столетия решали вопрос о победе социализма в одной стране, решался в условиях, «когда монополистического капитализма не было еще, когда закон неравномерного развития капитализма не был еще открыт и не мог быть открыт, когда в связи с этим вопрос о победе социализма в отдельных странах не ставился еще в той плоскости, в какой он был поставлен впоследствии». «Мы все, марксисты, — продолжает т. Сталин,— начиная с Маркса и Энгельса придерживались тогда того мнения, что победа социализма в одной отдельно взятой стране невозможна, что для того, чтобы социализм победил, необходима одновременная революция в ряде стран, в ряде по крайней мере, наиболее развитых цивилизованных стран. И это было правильно тогда» [4].

Поэтому в тот период утверждение Энгельса, что «к о м м у н и с т и ч е с к а я р е в о л ю ц и я б у д е т н е т о л ь к о н а ц и о н а л ь н о й, н о п р о и з о й д е т о д н о в р е м е н н о в о в с е х ц и в и л и з о в а н н ы х с т р а н а х, т. е. п о к р а й н е й

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XVIII, стр. 232—233.
[2] С т а л и н, Вопросы ленинизма, стр. 263—264.
[3] Там же, стр. 264.
[4] С т а л и н, Об оппозиции, стр. 337.

мере в Англии, Америке, Франции и Германии»[1] было совершенно правильным.

«В новый период, в период развития империализма, когда неравномерность развития капиталистических стран превратилась в решающую силу империалистического развития, когда неизбежные конфликты и войны между империалистами ослабляют фронт империализма и делают возможным его прорыв в отдельных странах, когда закон о неравномерности развития, открытый Лениным, превратился в исходный пункт теории о победе социализма в отдельных странах,—в этих условиях старая формула Энгельса становится уже неправильной, в этих условиях она неизбежно должна быть заменена другой формулой, говорящей о возможности победы социализма в одной стране.

Величие Ленина, как продолжателя Маркса и Энгельса, в том именно и состоит, что он не был никогда рабом буквы в марксизме. В своих исследованиях он следовал указанию Маркса, неоднократно говорившего, что марксизм есть не догма, а руководство к действию. Ленин знал это и, строго различая между буквой и сутью марксизма, никогда не считал марксизм догмой, а старался применить марксизм, как основной метод, в новой обстановке капиталистического развития. В том именно и состоит величие Ленина, что он открыто и честно, без колебаний, поставил вопрос о необходимости новой формулы о возможности победы пролетарской революции в отдельных странах, не боясь того, что оппортунисты всех стран будут цепляться за старую формулу, стараясь прикрыть именем Маркса и Энгельса свое оппортунистическое дело» [2].

Именно Ленин, как пишет т. Сталин, «открыл и обосновал закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран», и «исходя из этого закона, исходя из факта развития и обострения неравномерности, Ленин пришел к идее о возможности победы социализма в одной стране» [3].

В чем заключается сущность закона неравномерности и обострение неравномерного развития капитализма в условиях империализма? Это с исключительной четкостью изложено т. Сталиным в его борьбе против зиновьевско-троцкистской оппозиции, вслед за социал-фашистами отрицавшей возможность построения социализма в одной стране. «Из чего исходит закон неравномерности развития? Он исходит из того, что:

1) капитализм старый, домонополистический, перерос и развился в капитализм монополистический, в империализм;

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 337
[2] Там же, стр. 338—339.
[3] Там же, стр. 385.

2) раздел мира на сферы влияния империалистических групп и держав уже закончен;

3) развитие мирового хозяйства протекает в обстановке отчаянной смертельной борьбы империалистических групп за рынки, за сырье, за расширение старых сфер влияния;

4) это развитие происходит не равномерно, а скачкообразно, в порядке вытеснения с рынков забежавших вперед держав и выдвижения вперед новых;

5) такой порядок развития определяется возможностью для одних империалистических групп быстрейшим образом развивать технику, удешевлять товары и захватывать рынки в ущерб другим империалистическим группам;

6) периодические переделы уже поделенного мира становятся, таким образом, абсолютной необходимостью;

7) переделы эти могут происходить, таким образом, лишь насильственным путем, в порядке проверки могущества тех или иных империалистических групп силой;

8) это обстоятельство не может не вести к усиленным конфликтам и к грандиозным войнам между империалистическими группами;

9) такое положение неизбежно ведет ко взаимному ослаблению империалистов и создает возможность прорыва империалистического фронта в отдельных странах;

10) возможность прорыва империалистического фронта в отдельных странах не может не создавать благоприятных условий для победы социализма в одной стране» [1].

Доказывая, что «раздел мира между империалистическими группами закончен», что «свободных» земель нет больше в природе и передел поделенного является абсолютной необходимостью для достижения экономического «равновесия» путем империалистических войн; во-вторых, ... что небывалое раньше колоссальное развитие техники, в широком смысле этого слова, облегчает одним империалистическим группам перегонять и опережать другие империалистические группы в борьбе за завоевание рынков, в борьбе за захват источников сырья и т. д.» [2], т. Сталин делает вывод, что только обыватели в теории могут смешивать экономическое неравенство промышленных стран в прошлом с законом неравномерности экономического и политического развития, получившим особую силу и остроту лишь в период развитого монополистического капитализма.

Разоблачая зиновьевско-троцкистскую оппозицию, обвинявшую партию в национальной ограниченности, пытавшуюся ссылками на Маркса—Энгельса обосновать свое неверие в воз-

---

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 387—388.

[2] Там же, стр. 388.

можность построения социализма в одной стране, т. Сталин доказал, что в эпоху империализма, когда Россия превратилась в одно из звеньев империалистической цепи, вопрос о революции в России встал совсем по-иному, чем в эпоху Маркса. Тов. Сталин показал всю контрреволюционность утверждений Троцкого и троцкистско-зиновьевской оппозиции, которые фальсификаторски пытались использовать положения Маркса и Энгельса, относящиеся к совсем другой эпохе, для того чтобы протащить контрреволюционный тезис о невозможности построения социализма в одной стране, чтобы наклеветать на СССР, выковывая оружие интервенции.

Если в эпоху Маркса и Энгельса для победы социализма была необходима одновременная революция в ряде стран, по крайней мере в наиболее развитых цивилизованных странах, если Маркс и Энгельс в эпоху домонополистического капитализма могли ставить вопрос лишь о победе пролетарской социалистической революции в пределах европейского континента, если в отношении тогдашней России Маркс и Энгельс могли ставить вопрос только о демократической революции, о некапиталистическом же пути развития России речь могла итти лишь при условии помощи и поддержки со стороны более развитых стран победившей пролетарской диктатуры,—то Ленин, развивая дальше основные положения марксизма, продолжая учение Маркса и Энгельса применительно к новым условиям борьбы пролетариата, поставил уже вопрос «о возможности победы пролетарской революции в отдельных странах, не боясь того, что оппортунисты всех стран будут цепляться за старую формулу, стараясь прикрыть именем Маркса и Энгельса свое оппортунистическое дело» [1].

В ожесточенной борьбе с контрреволюционным троцкизмом т. Сталин с исключительной полнотой и гениальностью развил и обосновал на основе опыта всего нашего социалистического строительства теорию о возможности построения социализма в нашей стране.

Троцкистам не удалось опровергнуть этот тезис Ленина. Он оправдан всем дальнейшим ходом революции. Этот тезис наносит смертельный удар по оппортунистическим попыткам вождей II Интернационала представить дело таким образом, будто победа социализма невозможна в отдельно взятой стране. 16 лет пролетарской диктатуры являются блестящим доказательством положения о возможности победы социализма в одной или в нескольких отдельных странах.

Россия, являясь узлом наиболее острых противоречий империализма, оказалась в то же время более слабым зве-

---

[1] Сталин, Об оппозиции, стр. 339.

ном в цепи империализма, которое легче удалось прорвать в период империалистической войны. В России пролетариат мог повести за собой миллионные массы беднейшего крестьянства, около половиныармии и флота, мобилизованных в империалистическую войну, когда империалисты были связаны ходом войны и в момент Октябрьской революции не могли обрушить всех своих сил для немедленного ее подавления, для разгрома пролетарской диктатуры. В России оказалась налицо—чего не было н и в о д н о й другой стране—боевая революционная партия пролетариата, способная руководить пролетарской революцией и привести ее к победе.

* * *

С самого начала революции 1917 г., при первых известиях о ней, Ленин был уверен в том, что февральско-мартовский переворот—это только п е р в ы й э т а п, за которым должен последовать второй—переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства.

За этот второй этап, за наиболее быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую Ленин призывал бороться с первых же дней революции, уже в своих «Письмах издалека». В апрельских тезисах Ленин сформулировал эту задачу как «шаги к социализму», которые партия должна сделать немедленно. В резолюции апрельской конференции о текущем моменте эта мысль о назревающих шагах к социализму сформулирована со всей четкостью.

«Пролетариат России,—читаем мы в этой резолюции,—действующий в одной из самых отсталых стран в Европе среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования.

Но было бы величайшей ошибкой, а на практике даже полным переходом на сторону буржуазии, выводить отсюда необходимость поддержки буржуазии со стороны рабочего класса или необходимость ограничивать свою деятельность рамками приемлемого для мелкой буржуазии, или отказ от руководящей роли пролетариата в деле разъяснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму» [1].

Единый ленинский план перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую в применении к новой конкретно-исторической обстановке был развит на VI съезде

---

[1] Петроградская общегородская конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г. Истпарт, Гиз. 1925 г., стр. 167.

партии т. Сталиным. Движение рабочего класса, создавшее советы рабочих и солдатских депутатов, стало перед необходимостью вмешательства в область экономических отношений. А двоевластие, создавшееся в результате февральско-мартовской революции, ставило перед пролетариатом со всей остротой вопрос, в чьих руках будет власть, какой класс будет регулировать политическую и экономическую жизнь страны. Это двоевластие было основным источником непрерывных кризисов власти между Февралем и Октябрем 1917 г.

Тов. Сталин в своем докладе о политической деятельности ЦК говорил об основных фактах, определяющих деятельность нашей партии:

«Это прежде всего факт развития нашей революции, ставящий вопрос о вмешательстве в область экономических отношений в форме контроля над производством, о передаче земли в руки крестьянства, о передаче власти из рук буржуазии в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Все это определяет глубокий характер нашей революции. Она стала принимать характер социалистической рабочей революции» [1].

И в докладе о современном моменте т. Сталин развивал мысль о том, что пролетариат не может уже ограничиться закреплением завоеваний февральско-мартовской революции, что он должен итти дальше по пути социалистической революции.

«Между тем, война продолжается,—говорил т. Сталин,—экономическая разруха растет, революция продолжается, получая все более социалистический характер. Революция врывается в сферу производства — ставится вопрос о контроле. Революция врывается в сельскохозяйственную сферу — ставится вопрос не только о конфискации земли, но и о конфискации инвентаря живого и мертвого. Поскольку большевики являлись глашатаями пролетарской революции, они верно определили ее характер. Те, которые предлагали ограничиться закреплением революционных завоеваний, были не революционеры. Путь соглашательства, избранный меньшевиками и эсерами, был обречен на бессилие. Не было никакой силы, не было никакой возможности остановить революцию на полпути. Таким образом тот факт, что у нас революция развивалась и шла вперед, толкал нас на путь необходимости перешагнуть через революцию буржуазную к революции социалистической» [2].

Мы знаем, что группа правых оппортунистов—Рыков, Ка-

---

[1] VI съезд, Протоколы съездов и конференций ВКП(б). 1919 г., стр. 16. (Разрядка моя.—*Е. Я.*).

[2] Там же, стр. 98—99.

менев, Ангарский и др.—в своих выступлениях решительно возражали против постановки вопроса о социалистической революции в 1917 г. С другой стороны, троцкисты изображали дело так, будто бы история оправдала их антимарксистскую, антиисторическую постановку вопроса о перманентной революции, по которой пролетариат в социалистической революции останется один против подавляющего большинства крестьянской массы. Троцкисты (как и люксембургианцы) представляли себе дело так, что только при наличии пролетарской революции на Западе мы можем поставить перед собой задачу социалистической революции. Когда мы предлагали в резолюции сказать, что «задачей этих революционных классов явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и к социалистическому переустройству общества», Преображенский предложил заменить слова «для направления ее в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и к социалистическому переустройству общества» словами—«для направления ее к миру и—при наличии пролетарской революции на Западе—к социализму».

Этой оппортунистической попытке троцкистов отсрочить, отодвинуть пролетарскую революцию т. Сталин дал решительный отпор на VI съезде партии. Установка троцкистов тянула нас назад.

«Я против такого окончания резолюции,—говорит т. Сталин,—не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой абсолютной свободой, какая была в России, не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»[1].

История оправдала «творческий марксизм» Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, который отстаивал т. Сталин на

---

[1] VI съезд, Протоколы съездов и конференций ВКП(б), 1919 г., стр. 214. (Разрядка моя.—*Е. Я.*).

VI предоктябрьском боевом съезде нашей партии. Победил «марксизм творческий», ленинизм, который был для нас с самого начала руководством к действию.

Мы знаем о тех колебаниях, которые проявила небольшая группа капитулянтов в нашей партии во главе с Зиновьевым и Каменевым в этот период, когда они ставили под сомнение самую возможность захвата власти пролетариатом и предлагали создать коалиционное правительство из различных социалистических партий. По сути дела это была меньшевистская постановка вопроса о революции, попытка заменить диктатуру пролетариата каутскианской мелкобуржуазной демократией, которая могла явиться лишь ступенькой для полной реставрации капитализма, для разгрома революции, для прихода фашизма, как это произошло в Германии и в ряде других стран.

В своей брошюре «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин отмечал, что все условия тогдашней России вплотную поставили вопрос о завоевании власти пролетариатом, поставили вопрос о том, чтобы сделать это завоевание власти исходным пунктом мировой пролетарской революции.

«Идеи становятся силой,—писал Ленин,—когда они овладевают массами. И именно теперь большевики, т. е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами.

Одна справедливость, одно чувство возмущенных эксплоатацией масс никогда не вывело бы их на верный путь к социализму. Но когда вырос, благодаря капитализму, материальный аппарат крупных банков, синдикатов, железных дорог и т. п., когда богатейший опыт передовых стран скопил запасы чудес техники, применение коих тормозит капитализм, когда сознательные рабочие сплотили партию в четверть миллиона, чтобы планомерно взять в руки этот аппарат и пустить его в ход, при поддержке всех трудящихся и эксплоатируемых; когда есть налицо эти условия, тогда не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, если они не дадут себя запугать и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции» [1].

Мы сумели взять власть в Октябре 1917 г., мы не дали себя запугать, мы удерживаем власть на протяжении 16 лет самой отчаянной, самой острой борьбы, борьбы всеми средствами капиталистического мира против системы советов. Мы гигантски расширили базу этой власти. Мы не только удержали эту

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 279.

власть, но мы создали самое важное и необходимое для упрочения победы социализма—мы создали фундамент социалистической экономики. И какие бы ни были трудности на пути мировой социалистической революции, мы удержим власть до ее победы. В этом порукой 16 лет пролетарской диктатуры, в этом порукой победы всемирноисторического значения, одержанные СССР на пути социализма. В этом порукой создание во всем мире партий Коммунистического интернационала!

3

УСЛОВИЯ, ОБЕСПЕЧИВШИЕ ПОБЕДУ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Быструю победу февральско-мартовской революции в России Ленин объясняет тем, что «в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации с л и л и с ь вместе и замечательно «дружно» слились с о в е р ш е н н о р а з л и ч н ы е п о т о к и, с о в е р ш е н н о р а з н о р о д н ы е классовые интересы, с о в е р ш е н н о п р о т и в о п о л о ж н ы е политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти в и н т е р е с а х п р о д о л ж е н и я и м п е р и а л и с т и ч е с к о й в о й н ы, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах и з б и е н и я н о в ы х м и л л и о н о в рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирпи... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это—с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера з а х л е б, з а м и р, з а н а с т о я щ у ю с в о б о д у»[1].

Эту мысль о наиболее благоприятных условиях для победы февральско-мартовской революции Ленин очень кратко выразил в статье «К лозунгам» в следующих словах: «27 февраля все классы оказались вместе против монархии».

Конечно это ни в какой мере не означает, что «у всех классов» интересы оказались одинаковыми. Конечно эти силы участвовали в революции по совершенно различным причинам, конечно ни союзно-капиталистическую группу, ни либеральную буржуазию отнюдь нельзя называть движущими силами февральско-мартовской революции. Движущими силами февральско-мартовской революции были, как и дви-

[1] Л е н и н, Соч., т. XX, стр. 16—17.

жущими силами революции 1905 г., пролетариат и крестьянство.

Империалистическая война поставила перед иностранным капиталом «союзников» и перед русской либеральной буржуазией вопрос о необходимости смены власти в России в интересах продолжения империалистической войны, в интересах удовлетворения аппетитов русской и иностранной буржуазии. В этом был смысл участия в революции союзного капитала и русской либеральной буржуазии.

«С чего пошла революция?—говорил т. Сталин на VI съезде.— С коалиции четырех сил: пролетариата, крестьянства, либеральной буржуазии и союзного капитала. Почему шел пролетариат? Он—самый смертельный враг царизма. Почему шло крестьянство? Оно доверяло пролетариату и оно жаждало земли. Почему шла либеральная буржуазия? Потому что она в ходе войны разочаровалась в царизме. Она думала, что царизм даст ей возможность завоевать новые земли. Не надеясь на увеличение емкости внутреннего рынка, она избрала путь наименьшего сопротивления: путь экстенсивного расширения рынка. Но она ошиблась: царизм и его войска не смогли даже оградить границы и отдали 15 губерний. Отсюда — измена либеральной буржуазии царзму. А союзный капитал? Он смотрел на Россию как на подсобное предприятие для своих империалистических целей. Между тем царизм, первые два года подававший надежды на сохранение единства фронта, стал склоняться к сепаратному миру. Отсюда—измена союзного капитала царизму.

Царизм оказался изолированным и тихо и спокойно помер» [1].

Такое благоприятное сочетание объективных и субъективных условий привело к победе буржуазно-демократической революции в России. То обстоятельство, что в февральско-мартовской революции принимала участие и либеральная буржуазия, сбило с толку на первых порах значительную часть трудящихся масс города и деревни. Этим в значительной степени объясняется то, что под влиянием меньшевиков и эсеров советы в первые дни февральско-мартовской революции п е р е д о в е р и л и власть буржуазии. В революцию втянуты были обывательские элементы. Именно этим Ленин объясняет, почему ч а с т ь р а б о ч и х и к р е с т ь я н доверяла меньшевикам и эсерам в начале февральско-мартовской революции. Необыкновенно быстрое, крутое и резкое увеличение числа «обывателей», начинающих принимать активное участие в политике, — явление конечно не

[1] VI съезд, Протоколы съездов и конференций ВКП(б), 1919 г., стр. 98.

специфически русское; оно имело место и в других народных революциях.

«Россия сейчас кипит,—писал Ленин: Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, проснулись и потянулись к политике. А кто такие эти миллионы и десятки миллионов? Большей частью мелкие хозяйчики, мелкие буржуа, люди, стоящие посредине между капиталистами и наемными рабочими. Россия наиболее мелкобуржуазная страна из всех европейских стран.

Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику» [1].

И дальше Ленин продолжает:

«Доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам, худшим врагам мира и социализма,—вот что характеризует современную политику масс в России, вот что выросло с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелкобуржуазной из всех европейских стран. Вот классовая основа «соглашения» (подчеркиваю, что имею в виду не столько формальное соглашение, сколько фактическую поддержку, молчаливое соглашение, доверчиво-бессознательную уступку власти) между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов,—соглашения, давшего Гучковым жирный кусок, настоящую власть, а Совету—посулы, почет (до поры, до времени), лесть, фразы, уверения, расшаркивание Керенских» [2].

Кроме того Ленин особо подчеркивал, что «недостаточная численность пролетариата в России, недостаточная сознательность и организованность его,—вот другая сторона той же медали» [3].

Таков был первый этап революции 1917 г., поставивший перед пролетариатом, руководимым большевистской партией, задачу осуществления ленинского единого стратегического плана перерастания, перехода «от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,—ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» [4].

---

[1] Ленин, Соч., т. XX, стр. 114—115.
[2] Там же, стр. 115.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 88, «Апрельские тезисы».

Для того, чтобы совершить такой переход, надо было создать революционную армию. Нельзя представлять себе дело так, что у нас была уже готова эта революционная армия, способная совершить октябрьский переворот. Так изображал дело Троцкий, утверждавший, что «апрельская манифестация, взявшая «левее», чем полагалось,—была разведывательной вылазкой для проверки настроений масс и взаимоотношений между ними и советским большинством» и что апрельская демонстрация 1917 г. «по существу дела и на этот раз сводилась к новой, более широкой разведке на новом, более высоком этапе движения».

«Выходит таким образом,—писал т. Сталин, возражая Троцкому,—что у большевиков уже в марте 1917 г. имелась готовая политическая армия из рабочих и крестьян, и если они не пускали ее в ход для восстания ни в апреле, ни в июне, ни в июле, а занимались лишь «разведкой», то это потому и только потому, что «данные разведки» не давали тогда благоприятных «показаний».

Нечего и говорить, что это упрощенное представление о политической тактике нашей партии является не чем иным, как смешением обычной военной тактики с революционной тактикой большевиков.

На самом деле все эти демонстрации являлись прежде всего результатом стихийного напора масс, результатом рвущегося на улицу возмущения масс против войны.

На самом деле роль партии состояла тут в оформлении и руководстве стихийно возникавших выступлений масс по линии революционных лозунгов большевиков.

На самом деле у большевиков не было, да и не могло быть в марте 1917 г. готовой политической армии. Большевики лишь создавали такую армию (и создали ее наконец к Октябрю 1917 г.) в ходе борьбы и столкновений классов с апреля по октябрь 1917 г., создавали ее и через апрельскую манифестацию, и через июньскую и июльскую демонстрации, и через выборы в районные и общегородские думы, и через борьбу с корниловщиной, и через завоевание советов» [1].

Для того, чтобы создать такую армию, надо было, чтобы массы на опыте убедились в обмане меньшевиков и эсеров, в обмане либеральной буржуазии, чтобы они сознательно повернули на путь поддержки социалистической пролетарской революции, чтобы ложь меньшевиков и эсеров о большевистской партии была разоблачена, чтобы массы активно стали на путь поддержки нашей партии. Все участники революции 1917 г. помнят, как порой чрезвычайно трудно шел процесс завоева-

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, Гиз, 1933 г., стр. 90.

ния масс, разоблачения меньшевистско-эсеровского обмана, и клеветнических вымыслов буржуазии. Но в то же время этот процесс освобождения масс из-под классово враждебных влияний шел гигантски быстро, если измерять историческим масштабом. От Февральской революции до Октября, на протяжении 8 месяцев, миллионные массы прошли большую политическую школу, гигантски выросли в огне классовых боев.

В феврале-марте у нас еще не было налицо условий, которые позволили бы немедленно взять власть в руки, мы не ставили перед собой эту задачу ни в период апрельского кризиса власти, ни в июньские, ни в июльские дни. Мы должны были в этот период вести борьбу на два фронта—против небольшой группы, которая проповедывала немедленный захват власти, и против правых, которые не прочь были пойти на соглашение с меньшевиками и эсерами.

В статье «Марксизм и восстание» Ленин перечисляет причины, почему мы не могли взять власть в июльские дни:

«1. Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано только историей июля и августа, опытом «расправы» с большевиками и опытом корниловщины.

2. Не было тогда всенародного революционного подъема...

3. Не было тогда колебаний, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии...

4. Потому 3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенским, и к Церетели—Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция до корниловщины могли пойти и пошли бы на Питер» [1].

Могли ли мы взять власть в июле? На это Ленин отвечает: «Мы могли бы власть захватить, но вряд ли в июле рабочие и солдаты дрались бы за эту власть».

Июльские дни были рубежом, когда для самых широких масс стало ясно, что «не те классы стоят «по одну и по другую стороны баррикады».

---

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 196.

Если в феврале-марте «была революция пролетариата, крестьянства и буржуазии в союзе с англо-французским финансовым капиталом против царизма», то теперь нарастала «новая революция, революция иных классов».

«Теперь растет революция пролетариата и большинства крестьян, именно: беднейшего крестьянства против буржуазии, против ее союзника, англо-французского финансового капитала, против ее правительственного аппарата, возглавляемого бонапартистом Керенским».

«...Переменилось взаимоотношение классов. В этом суть» [1].

Каким же образом шел под руководством партии большевиков рост политической армии Октябрьской революции? Какими темпами шло полевение рабочего класса? Об этом красноречиво говорят цифры, характеризующие выборы в районные думы и городскую думу Москвы в июне и в сентябре 1917 г.

	Выборы 25/VI	Выборы 24/IX
Подано всего голосов	646 568—100%	385 847—100%
Из них		
Кадеты	108 782—16,85%	101 106—26,2%
Эсеры	374 885—57,98%	54 374—14%
Меньшевики	76 407—11,82%	15 887— 4%
Большевики	76 409—22,66%	198 320—51,3%

В статье «Кризис назрел» Ленин, имея в виду эти данные, дает им такую оценку:

«И вот в Москве голоса эсеров и меньшевиков с 70% в июне падают до 18%. Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции, народ отвернулся от нее, тут сомнения невозможны. Кадеты усилились с 17% до 30%, но они остались меньшинством, безнадежным меньшинством, несмотря на очевидное присоединение к ним «правых» эсеров и «правых» меньшевиков. А «Русские ведомости» говорят, что абсолютное число голосов за кадетов понизилось с 67 до 62 тыс. Только у большевиков число голосов возросло с 34 тыс. до 82 тыс. Они получили 47% всего числа голосов. Что вместе с левыми эсерами мы имеем теперь большинство и в советах, и в армии, и в стране,—в этом ни тени сомнения быть не может» [2].

Владимир Ильич присчитывал голоса «левых» эсеров потому, что он придавал большое значение расколу в среде мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров, который происхо-

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 215—216.
[2] Там же, стр. 238.

дил в этот период. Для него этот раскол был ярким доказательством полевения широких масс, которые в первый период еще доверяли эсерам и меньшевикам. Вот почему Ленин обращал внимание на эти признаки раскола в среде мелкобуржуазных партий.

А то, что полевели массы не только в городах, но и в деревне, выражалось не только в факте раскола мелкобуржуазных партий не только в шатаниях и колебаниях внутри их, отражавших эти настроения в низах, но также в усилении крестьянского движения. Посулы и обещания Черновых—Церетели уже не действовали на крестьянские массы. Дожидаться Учредительного собрания эти массы явно не имели желания. Выжидательные настроения крестьян в начале февральско-мартовской революции сменяются нарастанием революционной волны. В июне-июле эта волна поднимается параллельно с ростом революционизирования рабочих масс городов и в особенности вместе с ростом революционизирования армии. После июльских дней временно, когда до деревни докатились слухи о разгроме большевиков, движение чуть-чуть колебнулось вниз, но в сентябре оно поднялось снова. В особенности же оно поднялось в октябре. Крестьянские волнения прокатились по всей стране. Таких рестьянских массовых выступлений зарегистрировано в 1917 г.

В марте	В апреле	В мае	В июне
49	378	678	988
В июле	**В августе**	**В сентябре**	**В октябре**
957	700	803	1 160

Интересно сопоставить с этим тот факт, что в сентябре мы получили большинство и в Питерском и в Московском советах. В начале сентября в Питерском совете мы имели уже свой президиум, в котором было 4 большевика, 2 эсера и 1 меньшевик.

«Ясно само собою,—писал Ленин в статье «Кризис назрел»,—что если в крестьянской стране после семи месяцев демократической республики дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил к последней черте»[1].

Этот процесс массового перехода рабочих и крестьянской бедноты на сторону решительной борьбы с Временным правительством не мог не отразиться на мелкобуржуазных демократических партиях. В статье «Грозящая катастрофа и как

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 237.

с ней бороться» и в «Проекте резолюции о современном политическом моменте» так же, как и в статье «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин особо подчеркивает это расслоение в партии меньшевиков и эсеров.

«В обеих мелкобуржуазно-демократических партиях растет «левая» оппозиция»,—констатировал Ленин в статье «Грозящая катастрофа». «В Питере 10 сентября 1917 г. городская конференция эсеров дала большинство в две трети л е в ы м эсерам, тяготеющим к союзу с пролетариатом, отвергающим союз (коалицию) с буржуазией» [1].

То же самое отмечает Ленин и в «Проекте резолюции о современном политическом моменте»:

«Одним из признаков потери народом веры в соглашение с капиталистами является то, что в двух главных партиях эс-эров и меньшевиков, которые эту политику соглашений ввели и провели до конца, все растет, особенно после 5-го июля, недовольство изнутри этих партий, борьба против соглашательства, оппозиция, достигшая около двух пятых (40%) на последнем «Совете» партии социалистов-революционеров и съезде партии меньшевиков» [2]. И наконец в статье «Удержат ли большевики государственную власть» он еще раз отмечает значение этого факта:

«Усиление этого левого крыла в особенности после июльской контрреволюции есть один из величайших объективных признаков того, что пролетариат не изолирован».

Ленин придавал особенно большое значение этому факту перехода трудящихся крестьянских масс на точку зрения новой революции, революции пролетарской. Именно поэтому Ленин и наша партия считали возможным пойти на соглашение с левыми эсерами, приняв в основу аграрной программы Октябрьской революции 242 крестьянских наказа. Ленин связывал это участие миллионов трудящихся крестьянских масс самым тесным образом с победой пролетарской революции. Пролетариат должен был опереться на беднейшие крестьянские массы как на союзников, как на резерв. Ленин доказывал, что крестьянские наказы о социализации земли могут быть выполнены только при поддержке пролетариата.

«Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности»,—говорил Ленин крестьянам. «Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь о п ы т м и л л и о н о в, когда они возьмутся за дело.

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XXI, стр. 192.
[2] Там же, стр. 141.

Доверьтесь рабочим, товарищи-крестьяне. Рвите союз с капиталистами! Только в тесном союзе с рабочими вы можете начать осуществлять на деле программу 242 наказов. В союзе с капиталистами, под руководством эс-эров, вы никогда не дождетесь ни одного решительного бесповоротного шага в духе этой программы.

А когда в союзе с городскими рабочими, в беспощадной борьбе против капитала вы начнете осуществлять программу 242 наказов, тогда весь мир придет на помощь вам и нам, тогда успех этой программы—не в ее данной формулировке, а в ее сути—будет обеспечен. Тогда наступит конец государству капитала и наемному рабству. Тогда начнется царство социализма, царство мира, царство трудящихся» [1].

* * *

Огромная работа нашей партии в армии и флоте, создание военных организаций, издание «Окопной правды», газеты «Солдат», «Рабочий и солдат», «Деревенская правда» и других революционных органов, массовое распространение литературы, тесная связь с фронтом, активная борьба большевиков за большевизацию армейских ротных и полковых комитетов, вначале в значительной степени захваченных соглашателями или просто даже монархистами,—все это помогало солдатским и матросским массам быстро понять смысл происходящих событий и усиливало доверие к большевистской партии. В письмах, которые писали солдаты в московскую военную организацию, отражается это нарастание симпатий к нашей партии. Нелегко дается рядовому солдату правильное понимание роли большевистской партии.

«Нам рассказывают,—пишет солдат II пехотного Псковского полка,—что где-то в России имеется 24 партии, которые ужасно между собою спорят, одна партия Ленина идет даже вооруженная». Этот солдат конкретно о политических партиях ничего не знает, он еще не разобрался, ему кто-то рассказывает, что есть 24 партии, которые между собою «ужасно» спорят. Но ленинская партия в сознании этого солдата уже выделяется как особая партия, она даже «вооруженная». Он слышал уже, что партия большевиков стремится вооруженным путем свергнуть капиталистический строй. Это уже большой шаг вперед в его политическом сознании. Ленинская партия его заинтересовывает как особая партия, противостоящая всем другим партиям.

«А затем прошу выслать мне объяснение о вожде социал-

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 113.

демократической партии—Ленине, а то я всецело верю партии большевиков, но между нами многие отвергают призыв т. Ленина, говоря будто, что он куплен Германией»,—пишет другой солдат с фронта.

Вся буржуазная печать твердит о большевиках как о германских шпионах, а Ленина изображает агентом германского империализма, и тем не менее этот солдат, как и сотня тысяч его братьев на фронте, «всецело верит партии большевиков», несмотря на то, что многие еще «отвергают призыв т. Ленина». Этот солдат, как и все другие солдаты, хочет знать правду о нашей партии, «объяснения о вожде социал-демократической партии—Ленине».

«Теперь,—пишет он,—многие казаки поняли и прямо говорят, что самые верные борцы—это наши товарищи—только партия социал-демократов, фракция большевиков. Вот сегодня, товарищи, ваши присланные газеты я роздал казакам, и они так читают и друг другу передают их, а особенно их удивляют листовки «Долой меньшевиков» и о земле, прямо удивляются и вот справедливо до крайних пределов. Еще, товарищи, я вас буду просить и умолять—пошлите моей жене газеты».

Так пишет представитель трудящейся части кубанского казачества. Московская военная организация, как и ленинградская военная организация и др., транспортировала большое количество литературы на фронт. В среде казаков было много противников революции. Они спорят и ругают большевиков. Еще недавно они «думали, что большевики—это не борцы, а какие-то разбойники и негодяи», а сегодня они удивляются, читают наши листовки, убеждаются, что «вот справедливо до крайних пределов». Кубанскому казаку хочется убедить не только всех окружающих. Он думает о том, что на родине осталась его семья, его жена, которая не поймет, почему он, донской казак, который вчера еще с остервенением дрался «за веру, царя и отечество», почему он становится на сторону большевиков. Он хочет убедить свою жену, он хочет убедить всех в том, что требования большевиков «справедливы до крайних пределов».

«Часто в собравшихся группах солдат при получении фарисейской газеты «Русское слово» солдаты переходят к рассуждениям большевиков о немедленном окончании войны, немедленном отобрании земли и немедленном отобрании у капиталистов награбленных ими денег и т. д.»—сообщает писарь 3-й тыловой мотоциклетной мастерской.

Это очень характерно было для настроений значительной массы солдат и крестьян, которые незаметно для себя переходят на позиции большевизма.

Наша борьба за мир, наши лозунги мира сыграли в значительной степени решающую роль в деле революционизирования армии, флота и деревни. «Основным вопросом революции стал вопрос о ликвидации войны» (Сталин).

Не только солдатам было тяжело на фронтах, тяжело было миллионам рабочих и трудящихся, сыновья, братья и отцы которых умирали на фронтах за интересы капиталистов, погибали часто даже не от снарядов, не от пули врага, а от предательства, от невероятно тяжелых условий, которые созданы были на фронтах. «Хватаемся за слово мир, как умирающий от голода за крошку хлеба», пишет рядовой 167-го пехотного Острожского полка в мае 1917 г. «Нам опротивело валяться в берлогах, нас едят вши, мы изнемогаем, нам хочется жить. Товарищи, скажите более точно и определенно, что нам делать». Солдаты с фронта обращаются к партии большевиков с прямым вопросом—что им делать? Они требуют политических директив. Вокруг этого солдата, который требует политических директив, еще много политически неразбирающихся людей. У этих людей еще нередко ясное политическое сознание прорывается сквозь чуждые революции наслоения.

«Товарищи,—пишет один из солдат,—на концах штыков наша свобода. И что же дала она нам, эта проклятая война? Зачем же нам убивать друг друга? Бог сказал шестую заповедь: не убий».

Этот солдат пытается еще опираться на бога, на религию, но в то же самое время он сознает уже, что «на концах штыков наша свобода», он сознает, что империалистическая война ничего не дала и дать не может народу хорошего. Летом 1917 г. этот солдат еще ссылается на шестую заповедь, на бога, а через несколько недель он поймет, что надо бороться против тех, кто именем бога освящает империалистическую бойню. Один из солдат 13-го железнодорожного батальона действующей армии в мае пишет письмо: «Защитнику солдатской жизни и интересов—т. Ленину». Он обращается к Ленину с призывом кончить войну. «Товарищи, со слезами на глазах просим вас—прикажите всему пролетариату кончить ненавистную проклятую бойню»[1].

В особенности быстро пошло революционизирование армии после корниловщины.

«Восстание Корнилова,—писал Ленин в «Проекте резолюции о современном политическом моменте»,—вполне вскрыло

[1] Письма взяты из сборника «От Февраля к Октябрю», «Новая Москва», 1932 г. Такие же письма помещены в сборнике «Письма солдат с фронта», изданном под редакцией М. Н. Покровского.

тот факт, что армия, вся армия ненавидит ставку. Это должны были признать даже такие меньшевики и эсеры, которые месяцами усилий доказали свою ненависть к большевикам и свою защиту политики соглашения рабочих и крестьян с помещиками и буржуазией. Ненависть армии к ставке не ослабеет, а усилится после того, как правительство Керенского ограничилось заменой Корнилова Алексеевым, оставив на месте Клембовского и других корниловских генералов, не делая ровно ничего серьезного для демократизации армии и удаления контрреволюционного командного состава» [1].

Эта громадная работа, которую партия проделала в армии и флоте и в революцию 1905 г., и в течение империалистической войны, и в особенности в 1917 г., помогла нам привлечь на сторону революции значительные массы вооруженного народа.

«Мы гордимся тем,—писал Ленин,—что выполнили свой долг, разлагая классового врага, отвоевывая у него вооруженные массы рабочих и крестьян для борьбы против эксплоататоров».

Так партия большевиков готовила армию революции. Партия была в меньшинстве в начале революции. Большинство в советах было эсеровское и меньшевистское, большинство в районных думах было эсеровское и меньшевистское, большинство полковых, ротных армейских комитетов было в руках эсеров и меньшевиков, лишь незначительная часть органов печати была в руках нашей партии. С самого начала революции для нашей партии были созданы тяжелые условия. В июльские дни был произведен разгром типографии «Правда», захвачены и конфискованы газеты, арестован ряд членов ЦК и руководящих членов нашей партии, начались преследования в тылу и на фронте, партия фактически перешла на нелегальное положение. Съезд нашей партии—VI предоктябрьский съезд—мы должны были проводить нелегально. Но неуклонно, используя все возможности, партия наша вела широкую пропаганду и агитацию, большую организационную работу во всех областях, в профсоюзах, по организации женщин, в создании комсомола на основе решений VI съезда, организации Красной гвардии, привлечения на сторону революции массы рабочих, солдат, крестьян. Шаг за шагом наша партия разоблачала обман мелкобуржуазных партий—эсеров и меньшевиков. Шаг за шагом она отвоевывала массы из-под влияния этих партий.

Она не могла бы выполнить этой задачи, если бы она не дала самого резкого и решительного отпора колебаниям и шатаниям в своей собственной среде, если бы она не одергивала слишком «левых» товарищей, не понимающих необходимости

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 139.

упорной политической и организационной работы для того, чтобы обеспечить успех революции. Партия не одержала бы победы, если бы она не разоблачила предательскую сущность колебаний правых оппортунистов, капитулянтов, если бы она не вела с ними беспощадной борьбы. Партия не победила бы, если бы она разделила руководство революцией с другими партиями, если бы она не сохранила за собой безраздельного руководства движением.

Партия не победила бы, если бы она не выдвинула четких мобилизующих лозунгов, если бы она не выдвинула лозунга «вся власть советам», если бы она не превратила «своих партийных лозунгов в лозунги для миллионных масс» [1].

* * *

Выдвигая лозунг восстания, наша партия тщательно к этому восстанию готовилась. Ленин, как в революцию 1905 г., так и в особенности в революцию 1917 г., подчеркивал, что в в о с с т а н и е н е л ь з я и г р а т ь. Для того, чтобы обеспечить успех восстания, нужно было проделать громадную работу по собиранию сил, пропаганде, агитации, разъяснению массам целей и задач восстания организации масс. Выдвигая лозунг окончания империалистической войны, мы не обольщали массы легкой победой, мы указывали массам на неизбежность и необходимость превращения войны империалистической в войну гражданскую. Но для того, чтобы выдвинуть самый лозунг вооруженного восстания, надо было иметь налицо определенные условия, которые обеспечили бы победу Октябрьской революции. Какие же были эти условия? Мы уже упоминали о них. О них говорит Ленин в статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата». Этих главных условий три: «1) подавляющее большинство среди пролетариата, 2) почти половина в армии, 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армий, близких к центру» [2].

Однако главное условие победы Ленин видит не только в этом. Это главное условие победы—наличие большевистской партии, организующая и руководящая ее роль в подготовке вооруженного восстания, умение «привлечь на свою сторону крестьянство и непролетарские тудящиеся массы, отвоевать их себе у эсеров и у прочих мелкобуржуазных партий» (Ленин).

При отсутствии этого последнего условия Ленин считал возможной лишь самую кратковременную и непродолжитель-

[1] С т а л и н, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов, «Вопросы ленинизма».

[2] Л е н и н, Соч., т. XXIV, стр. 638.

ную победу. Это указание Ленина имеет огромное международное значение. Не раз крупнейшие ошибки совершались рабочими партиями именно потому, что они игнорировали это указание Ленина.

Не следует забывать, что победе Октябрьской революции содействовали и особые условия момента, сочетание условий, вряд ли повторимое.

«1) возможность соединить советский переворот с окончанием, благодаря ему, империалистической войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян;

2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно могущественных групп империалистических хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага;

3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения;

4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (эс-эр, партии, резко враждебной в большинстве своем большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом;—таких специфических условий в Западной Европе теперь нет, и повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим,—помимо ряда других причин,—н а ч а т ь социалистическую революцию в Западной Европе труднее, чем нам» [1].

Так Ленин определял особые условия момента, содействовавшие победе Октябрьской революции.

Однако было бы неправильным, опираясь на эти высказывания Ленина, считать, что другие страны могут начать социалистическую революцию у себя только в том случае, если имеются налицо все вышеперечисленные условия. Вряд ли подобное сочетание условий может повториться полностью.

В каждой стране революционная ситуация может сложиться при других условиях, характерных для данной страны. Весь капиталистический мир чреват социалистической революцией. Октябрьская революция 1917 г. создала две системы государств, и само наличие системы Союза советских социалистических республик является фактором, которого не было в октябре, когда наша партия вела массы на штурм. Пролетариат во всех странах будет совершать пролетарскую революцию в условиях, когда на протяжении 16 лет пролетарская диктатура показала всему

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XXV, стр. 206—207.

миру, «как это делается», показала всему миру преимущества советской системы для пролетариата, для широких трудящихся масс.

* * *

То положение, что в других странах пролетарская революция будет происходить и может происходить в совершенно иных условиях, чем она происходила в Октябре 1917 г. в России, необходимо особо подчеркнуть. В спорах о послеоктябрьском движении в Европе и в других странах наши товарищи нередко становятся на узкосхематическую точку зрения, воображая, что революционное движение в других странах (как в Европе, так и в Азии) должно полностью копировать Октябрьскую революцию. Так например в спорах эстонских товарищей о революции этот схематизм выявился с особой четкостью, когда некоторые товарищи приводили например такой аргумент в отношении эстонской революции, что там, мол, налицо не было всех тех условий, о которых говорил Ленин. Конечно, если дожидаться такого сочетания, когда будут налицо все условия, перечисленные Лениным, с тем чтобы только тогда начать революцию, то это означало бы не дождаться совсем возможности начать революцию.

Задача коммунистических братских партий заключается именно в том, чтобы уметь правильно определить наличие революционной ситуации, чтобы не обмануться насчет наличия этой ситуации и не упустить момента и чтобы так организовать пролетарские массы и союзников пролетариата, чтобы партия могла при наличии революционной ситуации дать сигнал к революционному выступлению масс, возглавить и направить его к захвату власти.

Октябрьская революция являлась проверкой нашей партии, она являлась проверкой правильности марксистско-ленинской теории в применении к пролетарской революции. Учение Маркса—Ленина о вооруженном восстании как об особом искусстве, о руководящей и организующей роли партии в подготовке и проведении вооруженного восстания было усвоено передовыми отрядами пролетариата. Были учтены уроки первой революции. Партия большевиков создала вооруженную силу и смогла не только свергнуть власть буржуазии, но и отстоять при помощи этой вооруженной силы пролетарскую диктатуру в открытых боях с врагом, численно и технически более сильным, нежели мы.

4

ЛЕНИН И СТАЛИН О МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Великие основоположники социализма Маркс и Энгельс,—говорил Ленин на III Всероссийском съезде советов,—наблюдая в течение ряда десятилетий развитие рабочего движения и рост мировой социалистической революции, видели ясно, что переход от капитализма к социализму потребует долгих мук родов, долгого периода диктатуры пролетариата, ломки всего старого, беспощадного уничтожения всех форм капитализма, сотрудничества рабочих всех стран, которые должны слить все свои усилия, чтобы обеспечить победу до конца. И они говорили, что в конце XIX века будет так, что «француз начнет, а немец доделает»,—француз начнет потому, что в течение десятилетий революции он выработал в себе тот беззаветный почин в революционном действии, который сделал из него авангард социалистической революции».

«Мы видим теперь,—говорил Ленин,—иное сочетание сил международного социализма. Мы говорим, что легче начинается движение в тех странах, которые не принадлежат к числу эксплоатирующих стран, имеющих возможность легче грабить и могущих подкупить верхушки своих рабочих»...

«Дело сложилось иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс, они дали нам, русским трудящимся и эксплоатируемым классам, почетную роль авангарда международной социалистической революции, и мы теперь ясно видим, как пойдет далеко развитие революции: русский начал—немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит» [1].

Царская Россия оказалась более слабым звеном в цепи империалистических государств. Это звено было прорвано в момент наибольшего обострения всех социальных противоречий, в период империалистической войны. Крушение царского

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 218.

самодержавия ускорило политическое воспитание трудящихся масс. Их переход на сторону социалистической революции облегчился и ускорился гигантски в обстановке необычайной разрухи, вызванной империалистической войной, когда буржуазная государственная машина стала разваливаться и когда широким массам рабочих и трудящихся стало ясно, что выход из кризиса может быть лишь в победоносной социалистической революции. Жажда мира, страстное желание окончить хищническую, грабительскую войну делали массу особенно восприимчивой к лозунгам нашей партии, давали огромную силу этим лозунгам. Октябрьская революция была для масс прежде всего революционным выходом из империалистической войны. Это необходимо помнить при оценке тех сил, которые помогли нам под железным руководством большевистской партии одержать победу в Октябре 1917 г.

Огромное международное значение имели первые шаги советской власти. Каждый декрет подымал революционную волну не только в нашей стране, но и во всем мире. Каждый декрет первого в мире Советского государства укреплял великое значение пролетарской диктатуры. Декрет о мире, декрет о земле, опубликование тайных договоров, декларация прав народов России, провозглашение права самоопределения наций вплоть до отделения, обращение Совнаркома РСФСР ко всем трудящимся России и Востока, декрет об отделении церкви от государства и от школы, осуществление экономической программы коммунистической партии,—все эти мероприятия привлекали на сторону пролетарской революции, на сторону советской власти миллионные массы во всех странах. Как ни стремились буржуазные государства скрыть от масс, исказить перед ними действительное значение этих мероприятий, они явились огромным революционизирующим фактором. Под их непосредственным влиянием поднимались массы на войну против империалистов. Массы видели, что революция делает новый шаг всемирноисторического значения на пути к созданию нового государства.

«Советская или пролетарская демократия родилась в России. По сравнению с Парижской Коммуной был сделан второй всемирно-исторический шаг. Пролетарски-крестьянская Советская республика оказалась первой в мире устойчивой социалистической республикой. Она не может уже умереть как новый тип государства. Она стоит уже теперь не одиноко» [1].

На IV Всесоюзном чрезвычайном съезде советов Ленин

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 250.

еще раз подчеркивал то, что «советская власть является высшим типом государства, прямым продолжением Парижской коммуны. Она поднялась на ступень вперед остальных европейских революций...» [1].

В первые дни, в первые месяцы и даже первые годы советской власти были моменты, когда существование советской республики ставилось под серьезную угрозу, положение ее было необычайно тяжелым. Кругом блокада, интервенция. Захвачены были важнейшие жизненные области России интервентами, белогвардейскими армиями. Тогда буржуазный мир ставил под сомнение самую возможность изолированного существования Советского государства. Либерально-буржуазные политики, а вслед за ними, плетясь в хвосте у них, теоретики прогнившего II Интернационала—Каутские, Либерданы, Гильфердинги, Бауэры,—склонны были рассматривать Октябрьскую революцию как «опасный эксперимент», как «сумасбродство», как «авантюру» большевиков. Необходимо было известное время, необходимо было, чтобы мы на опыте борьбы доказали правильность нашего пути, чтобы весь мир стал смотреть иными глазами на Страну советов.

На III съезде рабочей кооперации Ленин отмечал, что: «Раньше западные народы рассматривали нас и все наше революционное движение, как курьез. Они говорили: пускай себе побалуется народ, а мы посмотрим, что из всего этого выйдет... Чудной русский народ! Вот этот «чудной русский народ» показал всему миру, что значит его «баловство» [2]. «Вы знаете,—говорил Ленин на этом съезде,—что Англия, Франция, Америка, Испания смотрели на наши действия, как на эксперимент, а теперь они смотрят иначе: они смотрят, все ли благополучно в их-то собственных государствах» [3].

Отвечая специалисту Дукельскому, обозленному на бюрократизм в отдельных звеньях Советского государства, Ленин указывает на то, что Октябрьская революция была не «авантюрой» и не «сумасбродством» большевиков, а началом всемирной смены двух всемирноисторических эпох: эпохи буржуазии и эпохи социализма, эпохи парламентаризма капиталистов и эпохи советских государственных учреждений пролетариата»[4].

В этом величайшее значение Октябрьской революции. Вся дальнейшая ее борьба, дальнейший рост Советского государства служили неоднократным примером того, что может дать пролетарское государство, какую силу это государство может

---

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 401.
[2] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 417.
[3] Там же, стр. 419.
[4] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 185—186.

развить, для того чтобы отстоять пролетарскую диктатуру против всего старого мира.

«Всемирная смена двух всемирноисторических эпох — эпохи буржуазии и эпохи социализма»,—вот в чем величайшее международное значение Октябрьской революции. Это значение еще в большей степени усилено теми гигантскими достижениями, которые одержали на протяжении 16 лет пролетарской диктатуры, в итоге первой пятилетки и первого года второй пятилетки, усиливших значение СССР как оплота борьбы международного пролетариата.

* * *

Враги наши были уверены в том, что пролетарская диктатура не сможет просуществовать сколько-нибудь долго. Мы не говорим уже о буржуазной печати первых дней революции в России, которая ежедневно проповедывала, что большевики доживают последние дни; мы не говорим о гнуснейших измышлениях ренегата Каутского и всех других меньшевиков, которые писали, что «пролетарская диктатура... железное ярмо бессовестной бюрократии, поработившей и эксплоатирующей неорганизованные рабочие массы»[1], что «пролетарская диктатура терпит кораблекрушение», что «власть большевиков недолговечна», что осталось «пять минут до их падения»[2].

Прошло более 15 лет с тех пор, как «Форвертс» изрекал эти пророчества. И самого «Форвертса» нет, нет и германской социал-демократической партии, ибо она помогла подняться к власти фашистам-гитлеровцам. А пролетарская диктатура в СССР, разгромив белогвардейскую контрреволюцию, ликвидировала интервенцию и, успешно завершив план первой пятилетки социалистического переустройства, выдвинувшей нас на место передовой страны крупной социалистической промышленности и социалистического земледелия, перешла к осуществлению политических задач второй пятилетки—к окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, к полному уничтожению причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, к превращению всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества.

Говоря об успехах и трудностях советской власти на митинге в Петербурге 13 марта 1919 г., Ленин напоминал, что «таких революций, которые, завоевав, можно положить в карман и почить на лаврах, в истории не бывало. Кто думает, что такие революции мыслимы, тот не только не революционер, а

[1] «Гезельшафт», т. I, стр. 22, 1924 г.

[2] «Форвертс» № 21, 1918 г., статья Каутского, К роспуску Учредительного собрания.

самый худший враг рабочего класса» [1]. И Ленин приводил в качестве примера французскую революцию.

«Французская революция,—говорил он,—на которую ополчились в начале XIX века старые державы, чтобы раздавить ее, называется великой именно потому, что она сумела поднять на защиту своих завоеваний широкие народные массы, давшие отпор всему миру: тут и лежит одна из ее больших заслуг.

Революция подвергается самым серьезным испытаниям на деле, в борьбе, в огне. Если ты угнетен, эксплоатируем и думаешь о том, чтобы скинуть власть эксплоататоров, если ты решил довести дело свержения до конца, то должен знать, что тебе придется выдержать натиск эксплоататоров всего мира; и если ты готов этому натиску дать отпор и пойти на новые жертвы, чтобы устоять в борьбе, тогда ты революционер; в противном случае тебя раздавят.

Вот как поставлен вопрос историей всех революций» [2].

Каждый день существования Советского государства, его героической борьбы со всем капиталистическим миром, победы, которые одерживает Советский союз в деле уничтожения эксплоататорских классов, в деле создания социалистического бесклассового общества и новой социалистической культуры,— все это гигантски увеличивает силы Советского государства не только внутри, но и далеко за его пределами. С того момента, когда власть перешла в России в руки пролетариата, русский пролетариат приобрел себе миллионные массы союзников во всех странах, и это нас поддерживало в самые трудные моменты.

«Мы видели это в величайшем историческом масштабе,— говорил Ленин на IX съезде партии,—это подтверждает ту основную истину, на признании которой мы строили свою правоту, свою абсолютную уверенность в победе Октябрьской революции, в том, что мы берем дело такое, к которому, несмотря на всю трудность, на все препятствия, будут присоединяться миллионы и миллионы трудящихся во всех странах. Мы знали, что у нас союзники есть, что надо уметь проявить самопожертвование в одной стране, на которую история возложила почетную, труднейшую задачу, чтобы неслыханные жертвы окупились сторицей, потому что всякий лишний месяц, который проживаем мы в своей стране, нам даст миллионы и миллионы союзников во всех странах» [3].

«У нас есть международный союз, который нигде не записан, не оформлен, ничего не представляет из себя с точки зрения «государственного права», а в дей-

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 63.
[2] Там же.
[3] Там же, т. XXV, стр. 97.

ствительности, в разлагающемся капиталистическом мире представляет из себя все»[1].

С этой точки зрения, с точки зрения необходимости пролетарской диктатуры итти в известные моменты на уступки, отступать и лавировать, для того чтобы удержать власть,— надо оценивать и политику Брестского мира, которая была маневренным отступлением для перегруппировки сил, для их мобилизации в целях нового наступления. Уже через два года Ленин констатировал, что «отступление кончилось». Борьба «левых» коммунистов против Брестского мира объективно отражала настроения мелкобуржуазных, непролетарских элементов, которые не понимали, что надо иногда пойти на жертвы в национальном масштабе, чтобы отстоять интересы гораздо более широкие, более важные, интернациональные интересы пролетарской революции. Позиция «левых» коммунистов была теснейшим образом связана с чисто троцкистским отрицанием ими возможности построения социализма в нашей стране до победы международной революции. Именно в период Бреста «ценою национальных жертв, мы сохранили такое интернациональное революционное влияние, что теперь вот... ослаблены оба империализма, а мы окрепли и начали создавать настоящую пролетарскую армию»[2].

Так отвечал Ленин ренегату Каутскому в октябре 1918 г. на его упреки в том, что мы «дезорганизовали» армию и заключили Брестский мир. Это огромное значение Брестского мира с точки зрения укрепления и усиления интернационального влияния нашей Октябрьской революции обнаружилось в течение очень короткого времени. Но тогда, в самый момент заключения Брестского мира, когда Страна советов после «триумфального шествия» советской власти первых недель революции должна была пойти на «похабный» Брестский мир, эсеры и меньшевики, выполняя волю империалистической буржуазии, пытались при посредстве «левых коммунистов» толкнуть партию на путь опасной авантюры— объявления «священной войны» вооруженному до зубов германскому империализму, с целью задушить советскую власть в самом ее зародыше.

В «Письме к американским рабочим» Ленин напоминает, что пролетариату любой страны придется вероятно пойти на величайшие жертвы для дела революции, а в особенности эти жертвы необходимы и неизбежны были в России, которая начала международную пролетарскую революцию. «Тот не со-

---

[1] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 98 (Разрядка моя.—*Е. Я.*).
[2] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 223—224.

циалист,—писал Ленин в «Письме к американским рабочим»,—кто не понимает, что ради победы над буржуазией, ради перехода власти к рабочим, ради начала международной пролетарской революции можно и должно не останавливаться ни перед какими жертвами, в том числе перед жертвой части территории, перед жертвой тяжелых поражений от капитализма иных стран, перед жертвой дани капиталистам. Тот не социалист, кто не доказал делами своей готовности на величайшие жертвы со стороны «его» отечества, лишь бы дело социалистической революции было фактически двинуто вперед» [1].

Напоминая о том, что буржуазия ради своих интересов пошла на разорение целых стран, Ленин спрашивал:

«Ну, а социалисты ради «своего» дела, ради освобождения трудящихся всего мира от ига капитала, ради завоевания всеобщего прочного мира, они должны выжидать, пока найдется путь без жертв? они должны бояться начать бой, пока не будет «гарантирован» легкий успех? они должны ставить выше безопасность, целость «своего», буржуазией созданного «отечества», по сравнению с интересами всемирной социалистической революции? Трижды заслуживают презрения те хамы международного социализма, те лакеи буржуазной морали, которые так думают» [2].

А что, если мы будем раздавлены? Такой вопрос мог встать в труднейшей обстановке борьбы первых месяцев и первых лет пролетарской революции, когда огненное кольцо блокады империалистов сжало нас, когда голод и разруха терзали Страну советов, когда белогвардейские армии и армии интервентов грабили и разоряли ее, заливали ее кровью рабочих и крестьян. И на этот вопрос—имеет ли историческую ценность наша борьба, если бы мы были раздавлены, надо было дать прямой ответ. Обаяние Ленина, сила всей нашей большевистской партии заключались в том, что на самые острые вопросы, которые ставила жизнь, которые ставила перед нами рабочая масса, мы давали и даем ясный, прямой ответ. На I Всероссийском съезде по внешкольному образованию Ленин особо останавливался на этом вопросе о поражении и победе революции.

«Я спрашиваю вас,—говорил Ленин,—чего же стоят «ре«волюционеры, которые пугают начавшуюся революцию тем, что она может потерпеть поражение? Не бывало, нет, не будет и не может быть таких революций, которые не рисковали бы поражением. Революцией называется отчаянная борьба клас-

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 181.
[2] Там же.

сов, дошедшая до наибольшего ожесточения. Классовая борьба неизбежна. Либо нужно отказаться от революции вообще, либо нужно признать, что борьба с имущими классами будет самой ожесточенной из всех революций. На этот счет среди социалистов, сколько-нибудь сознательных, не было различия во взглядах. Когда мне приходилось разбирать всю ренегатскую подоплеку этих писаний Каутского, я год тому назад писал: Даже если бы,—это было в сентябре прошлого года,—даже если бы завтра большевистскую власть свергли империалисты, мы бы ни на секунду не раскаялись, что мы ее взяли» [1].

Мы не были раздавлены, наше поражение в период Брестского мира было временным поражением, от которого мы быстро оправились благодаря тому, что сохранили диктатуру пролетариата, благодаря тому, что этим самым усилили свое интернациональное влияние, смогли разложить армию противника, смогли разложить армию интервентов, смогли разгромить объединенные силы белогвардейцев, благодаря тому что пролетариат сумел сохранить союз с основными массами крестьянства, благодаря тому, что партия большевиков дала решительный отпор как «левым» коммунистам, так и капитулянтам справа. И вся наша деятельность первых и последующих годов пролетарской диктатуры была направлена на то, чтобы сохранить пролетарскую диктатуру, чтобы «эту силу социализма, этот социалистический факел, этот источник социализма, активно действующий на весь мир, поддержать, отстоять и сохранить».

Теперь, спустя 15 лет после того, как сказаны были эти слова, все видят, как глубоко правильна была тогда борьба Ленина и всей нашей партии за сохранение этого факела революции. А тогда часть наших товарищей, недооценивавших и даже отрицавших социалистический характер Октябрьской революции,—«левые» коммунисты, дошли до чудовищного утверждения, что можно поступиться этим факелом. 24 февраля 1918 г. Московское областное бюро нашей партии, в котором большинство было «левых коммунистов», выразило недоверие ЦК, отказалось подчиняться его постановлениям, касающимся проведения в жизнь Брестского мира. Московское областное бюро считало возможным итти даже на раскол. «В интересах международной революции,—заявляло оно в своей резолюции,—мы считаем целесообразным итти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной. Мы попрежнему видим нашу основную задачу в распространении идей социалистиче-

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 303—304.

ской революции во всех иных странах и в решительном проведении рабочей диктатуры, в беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России».

«Странное и чудовищное», так охарактеризовал Ленин это решение. И Ленин спрашивал по поводу этого постановления:

«Стойкость ли пролетария, который знает, что приходится подчиниться, ежели нет сил, и умеет потом, тем не менее, во что бы то ни стало, подниматься снова и снова, накапливая силы при всяких условиях,—стойкость ли пролетария соответствует этой тактике отчаяния, или бесхарактерность мелкого буржуа, который у нас в лице партии левых эсеров побил рекорд фразы о революционной войне?» [1].

«Левые» коммунисты не понимали значения Октябрьского переворота как социалистического переворота, они не понимали того, что советская власть—это «факел революции», активно действующий на весь мир. Исходя из троцкистских установок и рассматривая Октябрьскую революцию как «нечто пассивное, призванное лишь принять поддержку извне» [2] они не понимали международного значения Октябрьской революции как великого почина в деле прорыва империализма, как первого очага социализма в океане капиталистических стран, как первого этапа мировой революции и могучей базы ее дальнейшего развертывания.

***

Опыт 16 лет пролетарской диктатуры показал, что всем странам придется пройти через те или иные этапы, пройденные русской революцией. Мы отмечали уже, что это вовсе не значит, будто для успеха революции в той или иной стране необходимо сочетание всех тех условий, которые были в России в 1917 г. Наш опыт имеет большое международное значение, ибо «большевизм стал мировой теорией и практикой международного пролетариата» (Ленин). Только ренегаты социализма—Каутские, Отто Бауэры—могли утверждать, что большевизм—чисто российское явление. Еще недавно меньшевистский орган «Кампф» пытался убедить читателей, что «большевизм есть только один из путей к социализму, который оказался пригодным для России» [3], что такой социализм «не только не подходит для культурной Западной Европы, но что и для России он явление временное» [4]. Каутские и Отто Бауэры, отрекаясь от русского социализма,

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 302.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма, 1933 г., стр. 102.
[3] «Кампф», май 1932 г., стр. 216.
[4] Отто Бауэр, Большевизм, или демократия, 1927 г., стр. 69.

борясь против большевизма, борются открыто против марксизма, не скрывая этого. Так Каутский в своей последней работе «Материалистическое понимание истории» говорит о том, что «Маркс не может дать нам никакого представления о характере классовой борьбы в условиях вполне развернутой демократии». «И очень глупо,—восклицает он,—когда сейчас некоторые люди пытаются обосновать свой марксизм доводами о влиянии демократии, взятыми из «Коммунистического манифеста», который писался тогда, когда не были известны даже уроки 1848 г.» [1].

Опыт нашего Октября дал блестящее подтверждение теории пролетарской революции, созданной Марксом и Энгельсом, но в то же время этот опыт внес существенно новое в эту теорию, ибо наша Октябрьская революция происходила в условиях новой эпохи, эпохи империализма. Говоря о нашем опыте в 1920 г., Ленин указывал на то, что «первые месяцы после завоевания пролетариатом политической власти в России (25 октября—7 ноября 1917 г.) могло казаться, что громадное отличие отсталой России от передовых западно-европейских стран сделает революцию пролетариата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т. е., понимая под международным значением международную значимость, или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции» [2].

Но уже в 1920 г. Ленин имел все основания писать, что «в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего» [3].

Что же Ленин считал самым основным, самым существенным в пролетарской револю-

---

[1] Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 512.

[2] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 171. (Разрядка моя.—*Е. Я.*).

[3] Там же.

ции? Три главных факта пролетарской социалистической революции отмечает Ленин:

«1. Революционный выход из империалистской всемирной войны; разоблачение и срыв бойни двух всемирных групп капиталистических хищников; это доделано с нашей стороны вполне; со всех сторон могла бы доделать это лишь революция в ряде передовых стран. 2) Создание советского строя, формы осуществления диктатуры пролетариата. Мировой перелом совершился. Эпоха буржуазно-демократического парламентаризма кончена. Началась новая глава всемирной истории: эпоха пролетарской диктатуры. Только ряд стран отделает и доделает советский строй и всяческие формы пролетарской диктатуры... 3) Экономическое строительство основ социалистического уклада. В этой области недоделано еще самое главное, самое коренное. А это—самое верное наше дело, самое верное и с принципиальной точки зрения, и с практической, и с точки зрения РСФСР теперь, и с точки зрения международной» [1].

Остановимся на этих трех главных моментах, отмеченных Лениным в 1921 г., для того чтобы проследить, как выросли эти три фактора на протяжении 16 лет пролетарской диктатуры, как значительно выросло их влияние на ход событий во всем мире. Гигантское значение революционного выхода из империалистической войны заключалось в том, что мы шли против империалистов всего мира. Рабочие всех стран увидели, что «...наша республика—единственная страна в мире, которая не шла рука-об-руку с империализмом, не давала избивать миллионы людей из-за господства французов или немцев над миром. Наша республика—единственная страна, которая вышла насильственным и революционным путем из мировой империалистической войны, которая подняла знамя социалистической революции» [2].

С 1914 г. этот вопрос об империалистической войне стал «краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара».

«Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей. Это вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазией, на наших глазах вырастающей из капитализма империалистской войне перебито 20 миллионов человек (вместо 10 миллионов убитых в войне 1914—1918 гг. с дополняющими ее «мелкими» войнами, не конченными и посейчас), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо иска-

---

[1] Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 81—82.
[2] Там же, т. XXIII, стр. 163—164.

леченных в 1914—1918 гг. 30 миллионов). И в этом вопросе наша Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории. Слуги буржуазии и ее подпевалы в лице эсеров и меньшевиков, в лице всей мелкобуржуазной якобы «социалистической» демократии всего мира издевались над лозунгом «превращения империалистской войны в войну гражданскую». А этот лозунг оказался единственной п р а в д о й — неприятной, грубой, обнаженной, жестокой, все это так, но п р а в д о й среди тьмы самых утонченных шовинистских и пацифистских обманов. Рушатся эти обманы. Разоблачен мир брестский. Каждый день разоблачает все более беспощадно значение и последствия еще худшего, чем брестский, мира версальского. И все яснее, все отчетливее, все неотвратимее встает перед миллионами и миллионами думающих о причинах вчерашней войны и о надвигающейся завтрашней войне людей грозная правда: нельзя вырваться из империалистской войны и из порождающего ее неизбежно империалистического мира (если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова «мира» в обоих их значениях), нельзя вырваться из этого ада и н а ч е, к а к б о л ь ш е в и с т с к о й б о р ь б о й и б о л ь ш е в и с т с к о й р е в о л ю ц и е й» [1].

К этой мысли о величайшем значении выхода из империалистической войны революционным путем, путем превращения империалистической войны в гражданскую войну Ленин возвращается каждый раз, когда приходится подводить итоги борьбы [2]. Война 1914—1918 гг. не была последней империалистической войной. Мы вошли в полосу, в целую эпоху империалистических войн и пролетарских революций. Октябрьская революция 1917 г. была лишь началом целой эпохи пролетарских революций. На протяжении всего послевоенного периода империалисты продолжали политику грабежа и раздела колоний и полуколоний. Хозяйничание Японии в Китае и Манчжурии, Франции — в Сирии и Марокко, Англии — в Египте, Тибете, Индии, империалистические планы фашистской Италии, фашистской Германии, обострение противоречий между всем капиталистическим миром и СССР, все это чревато новыми империалистическими войнами, опасность которых не уменьшалась с тех пор, как мы вышли революционным путем из империалистической войны 1914—1918 гг., подняв знамя гражданской войны, но необычайно возросла, превратившись в непосредственную угрозу. На протяжении всех этих лет Советское государство должно было постоянно думать о возможности новой войны, о возможности нового нападения, должно было воору-

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XXVII, стр. 27—28.
[2] См. т. XXVII, стр. 201—253; т. XXIII, стр. 198.

жать себя, готовить силы на случай, если бы те или иные группировки империалистов сговорились между собой для нападения на Советский союз. Политика Советского государства за все эти годы была политикой мира, которую т. Сталин формулировал словами: «Ни пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

Укрепление мощи Советского государства, усиление его вооруженной мощи, усиление его индустриальной базы, рост материального, политического и культурного уровня масс,— все это превратило первое в мире Советское государство в непобедимую страну, способную дать решительный отпор империалистам в случае их попыток раздавить нас вооруженной силой. Самый факт существования Советского государства на протяжении 16 лет врос в сознание миллионных масс во всем мире как доказательство того, что и для других стран выход из войны, предотвращение опасности войны лежит на том же самом пути,—на пути пролетарской революции.

Вместе с этим еще больше растет в массах страстная ненависть к войне, ведущейся и подготовляемой империалистами ради нового передела мира, ради нового ограбления масс.

Ожесточенная борьба империалистов за рынки и колонии, гонка вооружений уже привели к тому, что новая мировая империалистическая война стала непосредственной опасностью. Вплотную надвигается и особенно ускоряется фашизмом контрреволюционная война против СССР. Вся наша политика в вопросе о разоружении на конференциях по разоружению, созывавшихся за эти годы империалистами, показала, что единственная страна в мире, которая действительно борется против опасности войны,—это Советское государство. Это должны были не однажды признать даже наши враги в официальных речах. Во всех странах мира растет, под влиянием коммунистических партий, сопротивление империалистским военным замыслам. Единственной силой, которая серьезно борется против опасности войны, является сила коммунистических партий. Под руководством Коммунистического интернационала во всех странах мира развернули свою работу антивоенные комитеты. Антивоенный день 1 августа—прямой результат нашей борьбы против опасности новой империалистической войны. Антивоенные конгрессы, антивоенная печать, руководимые коммунистами, представляют уже сейчас большую силу, воспитывающую массы в духе ненависти к империалистической войне. Ведя неослабную антивоенную агитацию и пропаганду, мы вместе с тем ни на одну минуту не забывали о необходимости обеспечить нашу страну военной силой, могущественной военной техникой для того, чтобы дать отпор всем тем, кто попытается выступить против нас.

* * *

Победа пролетарской диктатуры в результате победоносной пролетарской революции столкнула нас с самого начала лицом к лицу с организованной силой международного империализма. Вопрос шел о превращении империалистической войны в гражданскую войну не только против буржуазии своей страны, против буржуазии бывшей Российской империи. Выход из империалистической войны, отказ участвовать в грабительской войне империалистов, опубликование тайных договоров столкнули нас с международной буржуазией. Это обстоятельство еще больше содействовало революционизированию пролетариата и трудящихся масс во всех странах, вовлеченных в империалистическую войну. Международная пролетарская революция получила опору в лице возникшей системы советских государств. Началась борьба двух систем. На заседании VI Всероссийского съезда советов, 8 ноября 1918 г., В. И. Ленин указал на то, что дальнейший исход революции в других странах в значительной степени будет решаться тем, сумеем ли мы как вновь возникшая система советских государств дать отпор военным силам империализма.

«Товарищи,—говорил Ленин,—с самого начала Октябрьской революции вопрос о внешней политике и международных отношениях встал перед нами, как самый главный вопрос, не только потому, что империализм означает отныне сильное и прочное сцепление всех государств мира в одну систему,—чтобы не сказать, в один грязный кровавый комок,—потому, что полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного сотрудничества, по меньшей мере, нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислить не можем. Вот почему вопрос о том, насколько мы достигнем расширения революции в других странах и насколько нам удастся до тех пор дать отпор империализму, стал одним из главных вопросов революции»[1].

Вот задача, которая была выдвинута перед Страной советов, когда она должна была с оружием в руках давать отпор империалистам, объединившимся для борьбы с Советским государством. Всемерно укреплять и расширять базу социализма Советского государства и этим самым расширять базу пролетарской революции во всем мире,—это было и остается важнейшей задачей Советского государства, эту задачу Страна советов должна была решать с первых дней своего существования. Пассивная оборона революции была бы смертью для молодой Страны советов. Вся

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 261.

обстановка того времени требовала от нас активной международной политики. Пролетариат, овладевши государственной властью, взяв в руки все органы и средства пропаганды,—печать, радио, школы и т. п.,—не ограничивается разъяснением задач революции в рамках только «национальных», в рамках «своего» государства. Несмотря на то, что революционная страна была отрезана частоколом проволочных заграждений от всех других стран, весть о революции с молниеносной быстротой распространилась по всем миру и поставила перед миллионными массами всех стран, измученными войной, вопрос о таком же революционном разрешении накопившихся в этих странах социальных противоречий, о таком же выходе из кризиса.

Тов. Сталин так характеризует этот третий этап революции:

«Цель—упрочить диктатуру пролетариата в одной стране, используя ее как опорный пункт для свержения империализма во всех странах. Революция выходит за рамки одной страны, началась эпоха мировой революции. Основные силы революции: диктатура пролетариата в одной стране, революционное движение пролетариата во всех странах. Главные резервы: полупролетарские и мелкокрестьянские массы в развитых странах, освободительное движение в колониях и зависимых странах. Направление основного удара: изоляция мелкобуржуазной демократии, изоляция партий II Интернационала, представляющих основную опору политики соглашения с империализмом. План расположения сил: союз пролетарской революции с освободительным движением колоний и зависимых стран» [1].

Этот план революции на третьем ее этапе вытекал из нашего международного положения в период, непосредственно последовавший после Октябрьского переворота. Страна советов очутилась в состоянии войны с целым рядом империалистических государств. Все силы международного империализма были направлены на то, чтобы поддержать помещичье-генеральскую и кулацкую контрреволюцию в нашей стране, чтобы раздавить впервые возникшее на огромном пространстве мира пролетарское государство. Само собой разумеется, что мы должны были и обязаны были не только пассивно обороняться от этого союза реакции всех стран, от этого «грязного, кровавого комка». Мы должны были во имя пролетарской революции, во имя ее сохранения, упрочения и расширения привлечь на свою сторону помощь и поддержку пролетариата и трудящихся всего мира, распространить влияние революции на все страны мира.

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, Партиздат, стр. 54—55, 1933 г.

Набрасывая проект программы к VII съезду ВКП(б), Ленин в черновом наброске намечает такие основные черты международной политики нашей партии:

«Поддержка революционного движения социалистического пролетариата в передовых странах в первую голову.

Пропаганда. Агитация. Братание.

Беспощадная борьба с оппортунизмом и социал-шовинизмом.

Поддержка демократического и революционного движения во всех вообще странах, особенно в колониях и в зависимых.

Освобождение колоний. Федерация, как переход к добровольному слиянию» [1].

Вопрос о помощи и поддержке революции в других странах в той или иной форме стоял и стоит перед нашей партией не только в период непосредственной военной схватки. Вся борьба наша за победу коммунизма—это борьба международного значения. Возражая Троцкому и другим оппортунистам, выступавшим против ленинского учения о возможности победы социализма в одной стране, т. Сталин указал на то, что мировая революция будет развиваться тем скорее и основательнее, чем действительнее будет помощь первой социалистической страны рабочим и трудящимся массам остальных стран. Тактика большевиков и была именно такой тактикой, на основании которой мы могли оказать помощь развитию революции во всех странах мира.

«Тактика большевиков была правильной,—писал Ленин, отвечая ренегату Каутскому,—была единственно интернационалистической тактикой, ибо она базировалась не на трусливой боязни мировой революции, не на мещанском «неверии» в нее, не на узко-националистическом желании отстоять «свое» отечество (отечество своей буржуазии), а на все остальное «наплевать»,— она была основана на правильном (до войны, до ренегатства социал-шовинистов и социал-пацифистов общепризнанном) учете европейской революционной ситуации. Эта тактика была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах. Эта тактика оправдалась громадным успехом, ибо большевизм (вовсе не в силу заслуг русских большевиков, а в силу глубочайшего сочувствия масс повсюду тактике, революционной на деле) стал мировым большевизмом, дал идею, теорию, программу, тактику, отличающуюся конкретно, практически от социал-шовинизма и социал-пацифизма. Большевизм добил старый, гнилой Интернационал Шейдеманов и Каутских, Реноделей и Лонгэ, Хэндерсонов и Макдональдов, которые бу-

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 394.

дут теперь путаться в ногах друг у друга, мечтая о «единстве» и воскрешая труп. Большевизм создал идейные и тактические основы III Интернационала, действительно пролетарского и коммунистического, учитывающего и завоевания мирной эпохи и опыт начавшейся эпохи революций» [1].

Но еще до победы пролетарской революции 1917 г. в статье «О лозунгах Соединенных штатов Европы» Владимир Ильич предвидел, что в случае победы пролетариату нашей страны придется выступить против остального капиталистического мира. «Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» [2].

Партия наша всегда боролась против так называемой «национальной ограниченности», которая рассматривала революцию в нашей стране как самодовлеющую цель, которой «наплевать» на то, что совершается в других странах. Не платонически сочувствовали мы революционному движению в других странах, но партия наша как передовой отряд Коммунистического интернационала всегда оказывала поддержку братским партиям других стран. Нам приходилось и приходится не однажды разоблачать отсталые настроения в отдельных прослойках рабочего класса, давать резкий отпор всяким попыткам умалить эту интернациональную задачу нашей революции. Достаточно напомнить, какой резкий отпор получило в нашей партии известное бакинское письмо деятелей так называемой «Рабочей оппозиции» (С. Медведев и др.), в котором высмеивалась и пренебрежительно, по-меньшевистски, оценивалась поддержка нашей партией международного рабочего движения. В тяжелые времена нам приходилось и приходится оказывать материальную поддержку пролетариям других стран, как это было в дни массовой забастовки английских горняков, хотя кой-где раздавались отдельные голоса отсталых людей, которые выступали против такой поддержки. Тов. Сталин в «Вопросах ленинизма» очень резко бичует такого рода «коммунистов», которые не дооценивают значения этой поддержки, правильно указывая, что это есть один из путей, один из видов перерожденчества членов партии.

«Поддержать освободительное движение Китая? А зачем?

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 385.
[2] Там же, т. XVIII, стр. 232—233.

Не опасно ли будет? Не рассорит ли это нас с другими странами? Не лучше ли будет установить нам «сферы влияния» в Китае совместно с другими «передовыми» державами и оттянуть кое-что от Китая в свою пользу? Оно и полезно и безопасно... Поддержать освободительное движение в Германии? Стоит ли рисковать? Не лучше ли согласиться с Антантой насчет Версальского договора и кое-что выторговать себе в виде компенсации?... Сохранить дружбу с Персией, Турцией, Афганистаном? Стоит ли эта игра свеч? Не лучше ли восстановить «сферы влияния» кое с кем из великих держав? и т. д. и т. п.

Таково националистическое «умонастроение» нового типа, пытающееся ликвидировать внешнюю политику Октябрьской революции и культивирующее элементы перерождения» [1].

На связь нашей революции с революциями в других странах указывает и программа нашей партии. «Только пролетарская, коммунистическая революция,—читаем мы в этой программе,—может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами. Каковы бы ни были трудности революции и возможные временные неуспехи ее или волны контрреволюции,—окончательная победа пролетариата неизбежна.

Эта победа мировой пролетарской революции требует полнейшего доверия, теснейшего братского союза и возможно большего единства революционных действий рабочего класса в передовых странах».

Вся наша борьба за эти годы и была направлена к тому, чтобы установить полное доверие, теснейший братский союз и возможно большее единство революционных действий рабочего класса в различных странах. Вся наша борьба была направлена на то, чтобы укрепить доверие к Советскому государству со стороны миллионов трудящихся во всем мире, чтобы укрепить теснейший братский союз между СССР и народами всего мира.

Октябрьская революция сделала массы чрезвычайно восприимчивыми к пропаганде идей социалистической революции. Революционное движение во всех почти империалистических армиях чрезвычайно усилилось вслед за революционными событиями в России, а вместе с тем участились и революционные вспышки и восстания среди солдат и матросов империалистических армий. Среди военнопленных мы вели большую пропагандистскую работу и из них были созданы в 1917—1918 гг. прекрасные, преданные пролетарской революции интернациональные отряды Красной гвардии и и Красной армии. Эти солдаты империалистических армий,

[1] Сталин, Вопросы и ответы, «Вопросы ленинизма», стр. 153.

отвоеванные нами для пролетарской революции, вернувшись к себе домой, явились проводниками идей пролетарской революции в целом ряде стран. Они явились застрельщиками революции в Венгрии, организаторами первых советов в ряде стран. В период интервенции солдаты империалистических армий, сталкиваясь во время оккупации с новым строем в нашей стране, не раз отказывались служить интервенции. Достаточно вспомнить сыгравшее громадную роль восстание моряков французского флота под руководством т. Андре Марти. В то же самое время громадную роль сыграли в Англии и других странах «Комитеты действия», комитеты «Руки прочь от Советов» и другие организации, оказывавшие нам огромную помощь во время интервенции и блокады. Ленин говорил о том, что мы можем гордиться тем, что мы разложили армии империалистов. Но без пролетарской революции в нашей стране мы не могли бы выполнить этой весьма важной для дела международной пролетарской революции работы.

***

Пролетариат тех стран, в которых победила пролетарская революция, должен будет считаться с возможностью временного объединения усилий империалистов, несмотря на разногласия в их лагере, для борьбы против начавшейся пролетарской революции. Достаточно вспомнить, как прусаки и версальцы громили Парижскую коммуну, достаточно вспомнить многочисленные примеры более ранней эпохи, хотя бы 1848 г., или Великую французскую революцию. Наиболее ярким примером наших дней является борьба империалистов против Советского союза. Опыт гражданской войны в Советской России показал, какую огромную пропагандистскую силу может развить победившая революция, если она правильно ставит дело пропаганды, если она умеет бороться за победу своего дела. На VII Всероссийском съезде советов Ленин отмечал эту гигантскую силу революции, посредством которой нам удалось отнять у врага его солдат.

«...На нашей почве,—говорил Ленин,—несмотря на всю нашу отсталость, несмотря на всю тяжесть нашей борьбы, рабочие и крестьяне Англии и Франции оказались не в состоянии бороться против нас. Результат получился в нашу пользу. Когда попробовали двинуть против нас массовые военные силы,—а без них победить нельзя,—это привело, благодаря правильному классовому инстинкту, только к тому, что французские и английские солдаты привезли из России ту самую язву боль-

шевизма, против которой выступали немецкие империалисты, когда высылали из Берлина наших послов. Они думали этим забаррикадироваться от язвы большевизма, теперь целиком охватившей всю Германию усилением рабочего движения. Эта победа, которую мы одержали, вынудив убрать английские и французские войска, была самой главной победой, которую мы одержали над Антантой. Мы у нее отняли ее солдат. Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств» [1].

Позднейший опыт еще более подтвердил правильность нашего положения, что почва пролетарской революции, если она охватывает значительную территорию, если пролетарская революция правильно использует методы пропаганды и агитации большевистской партии, окажется «почвой, на которой каждый солдат другой страны, вступивши на нее, воевать не сможет» [2].

На вопрос, почему же все-таки, несмотря на все усилия империалистов обмануть массы, и французские и английские солдаты доверяли нашим листкам, Ленин отвечает:

«Потому, что мы говорили правду, и потому, что, когда они приходили в Россию, то видели, что они обмануты. Им говорили, что они должны защищать свое отечество, а когда они приходили в Россию, то оказывалось, что они должны защищать власть помещиков и капиталистов, должны душить революцию. Если в течение двух лет мы успели завоевать этих людей, то это потому, что несмотря на то, что они уже забыли, как они казнили своих королей,—с тех пор, как они вступили на русскую почву, русская революция и победа русских рабочих и крестьян напомнили солдатам Франции и Англии об их революциях, и, благодаря событиям в России, в них всплыли воспоминания о том, что было когда-то и у них» [3].

Так было в период первой пролетарской революции, когда страна наша истекала кровью, когда она была охвачена невероятной разрухой, в результате ряда лет грабительской, хищнической империалистической войны, в результате ряда тяжелых лет гражданской войны, когда Красная армия боролась за то, чтобы отстоять хлеб, уголь, металл для первого в мире социалистического отечества, и когда творческие результаты пролетарской революции далеко еще не обнаружились. Не было создано еще фундамента социалистической экономики. Капиталистические элементы в стране еще были сильны, классовый враг еще занимал позиции и в области производства, и в области сельского хозяйства, и в области торговли.

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 594.
[2] Там же, т. XXV, стр. 51.
[3] Там же.

16 лет пролетарской диктатуры, итоги первой пятилетки сделали Союз советских социалистических республик фактором гигантской пропагандистской и агитационной силы. Теперь миллионные массы во всех странах мира знают не только то, что мы разгромили контрреволюцию, победили интервенцию, но знают и то, что мы на протяжении ряда лет восстановили разрушенное хозяйство, развернули огромное социалистическое строительство, построили фундамент социалистической экономики.

К XVII партийному съезду мы идем с гигантскими достижениями. «Выполнение второй пятилетки еще более усилит значение СССР как оплота борьбы международного пролетариата, еще выше поднимет в глазах трудящихся эксплоатируемых масс всего мира авторитет Страны советов как опорной базы мировой пролетарской революции. Новые великие исторические победы в строительстве социализма еще больше укрепят экономическую основу боевой мощи Советского союза, его способность отразить и сокрушить любые поползновения врагов пролетарского государства. Мощный хозяйственный подъем и неуклонный рост благосостояния трудящихся масс СССР при кризисе в капиталистических странах еще ярче подтвердят преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистическим и историческую обреченность системы капиталистического рабства, еще полнее выявят гигантские творческие силы революционного пролетариата, завоевавшего власть и укрепляющего свою диктатуру в героической борьбе за построение бесклассового социалистического общества»[1].

Притягательная сила, обаяние и значение Советского государства гигантски выросли в глазах миллионных масс всего мира. Вокруг них бушует в течение нескольких лет капиталистический кризис, миллионы безработных бродят по всем странам капитализма, устраивая безуспешно «голодные походы». Фашизм беспощадно палачествует в ряде стран, а на одной шестой части мира гордо развевается красное знамя пролетарской диктатуры, ликвидирована безработица, решается задача построения бесклассового общества, растет изо дня в день, из года в год материальный, политический и культурный уровень масс. Система советского государства, Союз советских социалистических республик стал могучим фактором международной пролетарской революции. Наши хозяйственные достижения и рост военного могущества СССР подняли на огромную высоту престиж нашей Советской республики в глазах капиталистических

[1] Тезисы доклада тт. Молотова и Куйбышева к XVII партийному съезду.

держав. Приезд в СССР Эрио, признание СССР Америкой, служит наилучшим тому доказательством. Советский союз показал гигантский рост производительных сил народов, входящих в этот союз. Пролетарская диктатура—орудие социалистического переустройства всей жизни, всего быта многомиллионных масс—показала всему пролетарскому миру, всему миру трудящихся, ч т о и к а к надо сделать для того, чтобы покончить с гнетом империалистов, с опасностью войны, с властью фашистов, с бесчеловечной эксплоатацией масс.

5

СОВЕТЫ—ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФОРМА ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Мы указывали уже, что главным завоеванием пролетарской революции является диктатура пролетариата, которая, как подчеркивал т. Сталин, является не только насилием в отношении капиталистов и помещиков, но и руководством пролетариата в отношении крестьянства и строительством высшего по типу социалистического хозяйства.

В лице государственной формы диктатуры пролетариата—советов нами был создан новый тип государства. «Большевизм стал мировым явлением, рабочая революция подняла голову. Советская система, в которой мы, создавая ее в октябре, следовали заветам 1905 г., разрабатывая собственный опыт, эта советская система оказалась всемирным и историческим явлением» [1],—говорил Ленин на IX съезде партии.

Задача, которая была выражена еще в «Коммунистическом манифесте», в положении, что «первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на степень господствующего класса», эта задача была нами решена, когда мы совершали социалистическую революцию, попутно завершив буржуазно-демократическую революцию.

«Мы создали советский тип государства, начав этим новую всемирноисторическую эпоху, эпоху политического господства пролетариата, пришедшую на смену эпохи господства буржуазии».

На XI съезде партии Ленин, характеризуя эту всемирноисторическую победу, говорил:

«Сотни лет государства строились по буржуазному типу, и впервые была найдена форма государства небуржуазного. Может быть наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже

[1] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 99.

неизвестно работала ли она. Но не в этом дело, а дело в том, что изобретение было сделано. Пускай первая паровая машина по своей форме и была непригодна, но зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано, и государство пролетарского типа создано,— и поэтому пусть вся Европа, тысячи буржуазных газет повествуют о том, какие у нас безобразия и нищета, что только одни мучения переживает трудящийся народ,—все-таки во всем мире все рабочие тяготеют к советскому государству» [1].

В борьбе за пролетарскую диктатуру нам пришлось бороться не только с прямыми классовыми врагами в лице буржуазии и помещиков, которые были противниками пролетарской диктатуры из-за своих классовых корыстных интересов, нам приходилось бороться не только с прямыми помощниками этой буржуазии, с их слугами Каутскими и русскими меньшевиками и эсерами, которые мечтали об упорядоченной буржуазной республике, о буржуазном парламенте, где они могли бы заседать вместе с представителями буржуазии, повторяя позорнейший опыт, котрый был проделан на протяжении нескольких месяцев 1917 г. Нам пришлось провести решительную борьбу с капитулянтами внутри нашей партии, которые слагали с себя в труднейшие моменты Октябрьской революции ответственность за создание правительства пролетарской диктатуры и отказывались участвовать в этом правительстве. Эти капитулянты накануне Октября и на другой день после Октября призывали к коалиции с «социалистическими» партиями меньшевиков и эсеров, Либерданов и Черновых. По сути дела эти оппортунисты и капитулянты в нашей собственной партии—Зиновьев, Каменев, Рыков и целый ряд других—боролись против перехода власти в руки пролетариата, когда на другой день после Октябрьского переворота подали в отставку.

Диктатура пролетариата в Советском государстве была осуществлена «путем особой формы союза между классом пролетариев и трудящимися массами мелко-буржуазных классов, прежде всего трудящимися массами крестьянства»[2]. От борьбы со «всем крестьянством» против самодержавия при нейтрализации буржуазии, за завершение буржуазно-демократической революции (до февраля 1917 г.), партия после февраля перешла к пропаганде и организации союза с деревенской беднотой против буржуазии при нейтрализации середняка; на определенном этапе ре-

[1] Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 254.
[2] Сталин, К вопросам ленинизма. Изд. 9-е, Гиз, 1933, стр. 199.

волюции от нейтрализации середняка мы перешли к прочному союзу с средним крестьянством, при опоре на бедноту. Середняк в первые годы нэпа стал прочным союзником пролетариата. На новом этапе, в период социалистической реконструкции хозяйства, при переходе к сплошной коллективизации и ликвидации на ее основе кулачества как класса, когда середняцкие массы вместе с беднотой вошли в колхозы, они стали опорой пролетариата. И по отношению к кулачеству наша борьба меняла свое содержание. От политики ограничения и вытеснения кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства. Но характерной чертой пролетарской диктатуры на всем протяжении нашей революции является использование пролетариатом власти для привлечения на свою сторону полупролетарских элементов, для вовлечения масс в социалистическое строительство, для переделки индивидуального крестьянского хозяйства в социалистическое. Согласно указанию Ленина, главное свойство пролетарской диктатуры должно заключаться в том, что «государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и мелкобуржуазных партий»[1].

Троцкисты считали неизбежным столкновение пролетариата с основной массой крестьянства и поэтому проповедывали неизбежность подавления крестьянства (вместо переделки мелкого крестьянского хозяйства). Борьба с троцкистами по этому вопросу имела огромное принципиальное международное значение, ибо ни в одной стране пролетариат не может сбрасывать со счетов эту силу—крестьянство, играющую огромную роль в борьбе пролетариата за власть.

Правильная политика пролетариата, правильная политика коммунистической партии любой страны заключается в том, чтобы этого союзника пролетариата суметь привлечь на свою сторону.

Борьба за мировую диктатуру пролетариата, в зависимости от обстановки той страны, в которой происходит эта борьба, представляет собой различные процессы. Программа Коминтерна перечисляет поэтому основные типы этих

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 638.

революций: 1) чисто пролетарские революции, 2) революции буржуазно-демократического типа, перерастающие в пролетарскую революцию, и 3) революции в колониальных странах, где переход к диктатуре пролетариата возможен, как правило, лишь через ряд подготовительных ступеней.

Чем вызывается это разнообразие различных процессов международной революции? Программа Коминтерна отвечает на это:

«Неравномерность развития капитализма, обострившаяся в империалистический период, вызвала разнообразие его типов, различные ступени его зрелости в отдельных странах, разнообразные и специфические условия революционного процесса. Эти обстоятельства делают исторически совершенно неизбежным разнообразие путей и темпов прихода пролетариата к власти, необходимость в ряде стран известных переходных ступеней, ведущих к диктатуре пролетариата, а затем и разнообразие форм строящегося социализма в отдельных странах»[1].

Программа Коминтерна схематически сводит к трем основным типам разнообразие условий и путей перехода к диктатуре пролетариата в отдельных странах:

1. Страны высокого капитализма (Соединенные штаты, Германия и т. д.), где необходим уже «прямой переход к диктатуре пролетариата».

2. Страны со средним уровнем развития капитализма (Испания, Португалия, Польша, Венгрия, Балканские страны и т. д.). «В одних из этих стран возможен процесс более или менее быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую; в других—типы пролетарских революций, но с большим объемом задач буржуазно-демократического характера».

3. Колониальные и полуколониальные страны (Китай, Индия и т. д.) и страны зависимые (Аргентина, Бразилия и т. д.), где «переход к диктатуре пролетариата возможен здесь, по правилу, лишь через ряд подготовительных ступеней, лишь в результате целого периода перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, а успешное социалистическое строительство—в большинстве случаев—лишь при условии прямой поддержки со стороны стран пролетарской диктатуры»[2].

И наконец в еще более отсталых странах

---

[1] Программа Коминтерна, стр. 53—54, Партиздат, 1933 г.
[2] Там же. стр. 54—55.

(например в некоторой части Африки), где почти нет или вовсе нет наемных рабочих. «Национальное восстание и его победа могут открыть здесь дорогу развитию к социализму без прохождения стадии капитализма вообще, если будет на деле оказана могущественная помощь странами пролетарской диктатуры» [1].

Создание социалистического государства, государства пролетарской диктатуры в СССР явилось решающим фактором в деле дальнейшего развития пролетарской революции.

«...В эпоху, когда на очередь дня в развитых капиталистических государствах выдвигается задача завоевания власти пролетариатом; когда налицо уже существует диктатура пролетариата в СССР, являющаяся фактором мирового значения, освободительные движения в колониальных и полуколониальных странах, вызванные проникновением туда мирового капитализма, могут привести, несмотря на незрелость общественных отношений в этих странах, взятых изолированно, к социалистическому развитию их при помощи и поддержке со стороны пролетарской диктатуры и международного пролетарского движения вообще» [2].

* * *

Пролетарская диктатура победила, отстояв себя с оружием в руках. Она победила потому, что во главе рабочего класса стояла коммунистическая партия. Она победила потому, что тактика этой партии по отношению к союзникам пролетариата была правильной. Она победила потому, что сумела во-время перейти к разрешению важнейших хозяйственных задач, к построению фундамента социалистической экономики. Она победила потому, что партия дала самый решительный отпор троцкистам, которые проповедывали подавление крестьянства, разрыв с трудящимися массами крестьянства, гибельный для революции. Для торжества диктатуры пролетариата необходим был разгром троцкизма, превратившегося впоследствии в передовой отряд буржуазной контрреволюции, тянувшего пролетариат на создание другой партии, троцкистской партии, которая явилась бы мостиком для перехода от пролетарской диктатуры к буржуазной демократии. Партия должна была с неменьшей решительностью обрушиться и против главной опасности на современном этапе, против правых оппортунистов — кулацкой агентуры, подтачивающей

---

[1] Программа Коминтерна, стр. 56.
[2] Там же.

пролетарскую диктатуру проповедью приспособления нашей политики ко вкусам и потребностям «советской» буржуазии, проповедью прямой капитуляции перед кулачеством и буржуазными элементами, проповедью «врастания кулацких—кооперативных гнезд в социализм», проповедью теории «равновесия» двух основных секторов народного хозяйства в социалистическом обществе.

Мы уже приводили указание Ленина на три основных условия, обеспечившие победу большевизма, победу пролетарской диктатуры в Октябре. Это «1) подавляющее большинство среди пролетариата, 2) почти половина в армии, 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армий, близких к центру. Но эти условия могли бы дать лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство непролетарских трудящихся масс, отвоевать их себе у эсеров и прочих мелкобуржуазных партий» [1].

В этом именно смысле Ленин подчеркивал **народный** характер Октябрьской революции.

Крупнейшая ошибка ряда коммунистических партий Венгрии, Болгарии, Польши, Чехо-Словакии и ряда других стран заключалась именно в недоучете этой стороны дела, в недоучете значения союза с непролетарскими элементами, с частью мелкой буржуазии, которую необходимо было убедить, что ее путь—вместе с пролетариатом, под его руководством, которую надо было вырвать из-под влияния буржуазных и мелкобуржуазных партий. Разве не упрекали т. Тельмана за лозунг **народной революции**? Разве не находились в германской коммунистической партии люди, которые считали, что это—оппортунистический лозунг? Между тем Ленин **неоднократно говорил о нашей пролетарской революции как о народной революции именно в том смысле, что она смогла привлечь на свою сторону подавляющую массу полупролетарских и непролетарских элементов.**

В «Детской болезни левизны в коммунизме» Ленин прямо говорил, что дисциплина революционных партий пролетариата держится, проверяется, закрепляется не только сознательностью пролетарского авангарда, его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом, не только правильностью политического руководства, осуще-

---

[1] Ленин. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата, 1919, т. XXIV, стр. 638.

ствляемого этим авангардом, правильностью его политики, стратегии и тактики, но также «его уменьем связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите слиться с самыми широкими массами трудящихся, в первую голову с пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой»[1].

Именно недооценка задач пролетариата по руководству крестьянством нанесла колоссальный ущерб мировой пролетарской революции в Венгрии, Болгарии, Польше, Чехо-Словакии и целом ряде других стран. Здесь на протяжении ряда лет ошибки коммунистических партий заключались в том, что они недооценивали значение руководства непролетарскими и полупролетарскими демократическими элементами, в особенности в деревне, а в некоторых случаях даже отталкивали эти массы, не поддерживали и не возглавляли эти массы в их революционной борьбе, проповедуя вреднейшую политику «нейтралитета», как это имело место например в Болгарии во время Валдайского восстания 1918 г., во время июльского и сентябрьского восстания 1923 г.

Это особенно важно иметь в виду теперь, когда в целом ряде капиталистических стран кризис капитализма со всей тяжестью обрушился на широкие массы деревни. Кто будет руководить массовым движением фермеров Соединенных штатов? Кто будет мобилизовать недовольство обнищавших и нищающих масс крестьянства в Германии? Кто будет руководить движением крестьян в Испании, в Болгарии, в других странах? Кризис капитализма, который приводит к новому туру империалистических войн и пролетарских революций, ставит с еще большей остротой вопрос о руководстве пролетариата широкими массами крестьянства. В этом отношении опыт русской революции, приведший к победе пролетарской диктатуры, имеет огромное международное значение.

Коммунистические партии во всех странах должны знать, что без привлечения на сторону пролетариата широких масс крестьянства, за которые сейчас борются и социал-фашисты и фашисты, не может быть победоносной революции.

* * *

Само собой разумеется, что диктатура пролетариата для нас не является целью,—она для нас лишь средство для построения социалистического общества. На 15-м году пролетарской диктатуры партия наша добилась окончательного подрыва корней капитализма, предрешающего полную ликвидацию

[1] Ленин, Соч., т. XXV, стр. 174.

капиталистических элементов и полное уничтожение классов. XVII партконференция в качестве основной политической задачи 2-й пятилетки выдвинула построение бесклассового социалистического общества.

Некоторые товарищи склонны были рассматривать ближайший этап как период, когда пролетарская диктатура начинает отмирать, когда она может быть ослаблена. Тов. Сталин указал, что путь к бесклассовому обществу лежит не через ослабление пролетарской диктатуры, а через ее всемерное усиление. «Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов» [1]. Но это усиление пролетарской диктатуры означает с каждым годом дальнейшее расширение ее социальной базы, вовлечение в активное социалистическое строительство широких масс крестьянства, укрепляющих свои колхозы, свои коммуны как социалистические хозяйства,—социалистические не только по форме, но и по содержанию. Эта пролетарская диктатура в многонациональном государстве опирается на сочувствие и поддержку широких масс трудящихся всех национальностей, объединенных в Союз советских социалистических республик, ибо впервые в истории человечества создается возможность широкого развития всех сил народностей, входящих в этот Союз, создается возможность построить новую культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

Конечно на этом сложном пути, когда Советскому государству пришлось решать вопрос построения социалистического общества в капиталистическом окружении, нам приходилось совершать те или иные маневры, временные отступления для перегруппировки сил, для нового наступления. Политика нэпа в первый год и была таким временным маневренным отступлением социалистической революции.

Надо ли будет другим странам переживать также этот период нэпа? «Переход от мировой диктатуры империализма к мировой диктатуре пролетариата охватывает собой долгий период борьбы пролетариата, его поражений и побед, период продолжающегося общего кризиса капиталистических отношений и нарастания социалистических революций, т. е. гражданских войн пролетариата против буржуазии; период национальных войн и колониальных восстаний, которые, не будучи сами по себе социалистическими движениями революционного пролетариата, объективно становятся составной частью мировой пролетарской революции, поскольку они подры-

[1] Речь т. Сталина на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), 1933.

вают господство империализма; период, включающий одновременное существование капиталистических и социалистических общественно-экономических систем внутри мирового хозяйства, их «мирных» отношений и их вооруженной борьбы; период образования Союза социалистических советских государств, период войн империалистических государств против них, период их все более тесной связи с колониальными народами и т. д.» [1].

На этом пути конечно в ряде стран придется проводить переходную политику, в той или иной степени сходную с политикой нэпа в нашей стране. Но конечно вовсе не обязательно, чтобы все другие страны проходили полностью тот путь, который прошла русская революция. Один факт существования на одной шестой части земного шара победившего пролетарского государства о б л е г ч а е т и сокращает этот переходный период для других стран, дает им возможность избежать ошибки, которые были совершены нами в силу нашей неопытности, отсталости производственных отношений в первый период нашей революции. В письме к американским рабочим Ленин писал:

«Пусть кричит на весь свет продажная буржуазная пресса о каждой ошибке, которую делает наша революция. Мы не боимся наших ошибок. От того, что началась революция, люди не стали святыми. Безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся классы, которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания. И труп буржуазного общества, как мне приходилось уже однажды указывать, нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю. Убитый капитализм умирает, и разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое тысячами нитей и связей старого гнилого, мертвого.

На каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи (наши меньшевики и правые эсеры в том числе), приходится 10 000 великих и геройских актов,— тем более великих и геройских, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни, совершены людьми, не привыкшими (и не имеющими возможности) кричать о каждом своем успехе на весь мир.

Но если бы даже дело обстояло наоборот,—хотя я знаю, что такое допущение неверно,—если бы даже на 100 наших правильных актов приходилось 10 000 ошибок, все-таки наша революция была бы, и о н а б у д е т п е р е д в с е м и р-

[1] Программа Коминтерна, стр. 32, Партиздат, 1933 г.

ной историей, велика и непобедима, ибо первый раз не меньшинство, не одни только богатые, не одни только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся сами строят новую жизнь, своим опытом решают труднейшие вопросы социалистической организации.

Каждая ошибка в такой работе, в этой добросовестнейшей и искреннейшей работе десятков миллионов простых рабочих и крестьян по переустройству всей их жизни,—каждая такая ошибка стоит тысячи и миллиона «безошибочных» успехов эксплоататорского меньшинства, успехов в деле надувания и объегоривания трудящихся. Ибо только через такие ошибки научатся строить новую жизнь, научатся обходиться без капиталистов рабочие и крестьяне, только так пробьют они себе путь,—через тысячи препятствий,—к победоносному социализму» [1].

Что же показал во всемирном масштабе опыт 12 лет нэпа? Он показал, что этот маневр, это временное отступление, предпринятое для того, «чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед»[2],—послужило задаче укрепления наших сил для построения социалистического общества и обеспечило развернутое наступление социализма по всему фронту. Теперь рабочий класс может во всей полноте оценить положительное значение этого опыта для социалистического строительства не только нашей страны.

* * *

В 1917 г. еще не было Коминтерна. Коминтерн только зарождался в условиях глубочайшего кризиса рабочего движения во время войны. Но у Коминтерна, благодаря тому, что он созван был в тот период, когда существовало уже Советское государство, имелись возможности стать объединением вновь возникших во всем мире советских социалистических республик. В этом смысле Ленин в своей статье «III Интернационал и его место в истории» писал:

«И характернейшая черта этого Интернационала, его призвание: выполнить, провести в жизнь заветы марксизма и осуществить вековые идеалы социализма и рабочего движения,—эта характернейшая черта III Интернационала сразу проявила себя тем, что новое, третье «Международное общество рабочих» стало уже теперь совпадать, в известной мере, с Союзом Советских Социалистических Республик» [3].

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 186—187.

[2] Там же, т. XXVII, стр. 361—362.

[3] Там же, т. XXIV, стр. 247, «III Интернационал и его место в истории».

Таким образом и Союз советских социалистических республик и Коммунистический интернационал служат основой для создания всемирного Союза советских республик. Борьба, как это указал т. Сталин, будет вероятно в дальнейшем происходить путем отпадения отдельных государств от системы империалистических государств и присоединения их к системе советских государств. Конечно советы в Китае существуют сейчас территориально изолированными от Союза советских социалистических республик; они возникли самостоятельно в результате борьбы рабочего класса и широких масс трудящихся Китая. Но это не мешает тому, что в сознании каждого китайского рабочего, как и в сознании каждого рабочего СССР, существует неразрывная связь между этими советами. Это не мешает тому, что гонимые империалистами, гоминдановцами, бойцы китайской красной армии чувствуют себя во всем солидарными с рабочими, трудящимися СССР и мечтают о том времени, когда они смогут осуществить фактически, на деле Союз советских социалистических республик своей страны и других стран. Советы были тем завоеванием международной революции, которое открыло новую эпоху. Недаром слово «советы», как нередко указывал Ленин, даже не переводится на другой язык,—оно так и произносится на всех языках. Слово «советы» стало таким понятием, которое сейчас известно самым широким массам. Вряд ли существует другое интернациональное слово, столь же близкое, понятное, родное рабочим, трудящимся всех стран, как слово «советы».

Советская форма пролетарского государства является важнейшим завоеванием международной пролетарской революции! «Рабочие массы,—писал Ленин,—инстинктом уловили, во всем мире, значение советов, как орудия борьбы пролетариата и как формы пролетарского государства» [1].

«Советская, или пролетарская демократия родилась в России. По сравнению с Парижской Коммуной был сделан второй всемирно-исторический шаг. Пролетарски-крестьянская советская республика оказалась первой в мире устойчивой социалистической республикой. Она не может уже умереть, как новый тип государства. Она стоит уже теперь не одиноко» [2].

Но для того чтобы советы могли сыграть такую роль, стать органами власти, органами пролетарской диктатуры, они должны были окрепнуть как орга-

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 248.
[2] Там же, стр. 250.

ны восстания. Вреднейшим делом поэтому является игра в советы, создание безвластных советов, попытка подменить советы, как это имело место после революции 1917 г. в Европе, фабрично-заводскими комитетами и другими организациями, которые не являются органами восстания. Правда, не следует при этом забывать, что и в нашем опыте создания советов в 1905 г. советы часто вырастали из стачечных комитетов и других массовых пролетарских организаций во время революции, но это не значит, что можно подменять советы стачечными комитетами и другими подобными организациями.

Советы как органы восстания оправдали себя полностью в революции.

Советская или пролетарская форма диктатуры пролетариата, советская или пролетарская форма демократии может быть и должна быть противопоставлена буржуазной демократии, поддерживаемой социалистами II Интернационала. Рабочий класс всего мира может на опыте этих двух демократий,—советской и буржуазной,—сделать выбор. Рабочий класс особенно в свете переживаемого в настоящее время всем капиталистическим миром глубочайшего кризиса капитализма ясно видит все прелести буржуазной демократии, он видит к чему она ведет. Он видит ее новейшую форму—фашизм, который является открытой террористической диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала.

Рабочий класс и трудящиеся всего мира знают теперь не только то, в каких муках родилась советская демократия, каких жертв она стоит, они видят, что еще больших жертв стоит отказ от того пути, на который стала наша страна.

Вместе с тем на примере наших достижений они убеждаются в том, насколько формы пролетарской диктатуры обеспечивают пролетариату возможность победоносного строительства социализма.

Движение за советы в других странах имеет свою обширную историю. Целый ряд стран пережил уже советскую форму власти, правда, кратковременную. Советы в Венгрии, Болгарии, Германии, в ряде лимитрофов и других стран были разгромлены, героически борются советы Китая. Но пролетариат всех стран, изучая опыт 16 лет борьбы советской власти в нашей стране, видит в свете этого опыта и свои собственные ошибки. На новом этапе движения он не повторит их. Воспоминания об этих советах, о коротких днях победы, пережитых пролетариатом, живут и волнуют массы. Если в течение многих лет после подавления Парижской коммуны воспоминания о коротких

неделях ее существования вдохновляли и поддерживали не только парижских пролетариев, но и пролетариев всей Европы, то не менее живы воспоминания о советах в ряде стран, в которых революция потерпела поражение. Парижская коммуна была разгромлена, и у рабочих ничего не осталось, кроме надежды на то, что когда-нибудь она снова возникнет. Но она родилась в новой форме, в жизненной, мощной форме Советского союза, крепнущего, растущего, побеждающего. Теперь воспоминания о бывших в целом ряде стран советах имеют другое значение. Движение за советскую власть в этих странах не может не возобновиться, ибо ведь в сознании миллионных масс остались не только воспоминания об этих кратковременных днях. Массы пролетариата, массы угнетенных, обездоленных, эксплоатируемых, безработных, бездомных, голодающих видят теперь, что советская власть в СССР осуществила то, о чем только может мечтать каждый пролетарий в любой стране.

Уже самый факт существования советской власти,—ее рост, ее мощь, расцвет ее производительных и культурных сил,—вызывает в миллионах рабочих и крестьян других стран стремление повторить этот опыт—пойти по пути Октября. Наши враги вынуждены признать, что идеи советской власти в ряде стран становятся все более популярными с каждым годом. «Вероятнее всего,—писал т. Сталин,—что в ходе развития мировой революции, наряду с очагами империализма в отдельных капиталистических странах, из системы этих стран во всем мире создадутся очаги социализма в отдельных советских странах и система этих очагов во всем мире. Причем борьба между этими двумя системами будет наполнять историю развертывания мировой революции».

Такие очаги создаются на наших глазах, завтра они могут вспыхнуть в целом ряде стран, ничто не в силах будет их потушить. Ленин в своей речи об основании Коминтерна, на торжественном заседании ВЦИК, Моссовета, МК, ВЦСПС, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы, в день открытия I конгресса говорил:

«Товарищи, присутствующие в этом зале, видели, как основалась первая Советская республика, они видят теперь, как основался III, Коммунистический Интернационал, они увидят все, как будет основана Всемирная Федеративная Республика Советов» [1].

В том же году, говоря об успехах и трудностях советской власти, Ленин еще раз пророчески предсказывал рождение международной советской республики.

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 31.

«А когда рабочие узнают,—говорил он,—что даже неразвитые, в отсталой стране, объединенные рабочие, взяв власть в свои руки, смогли создать силу, которая сопротивляется империалистам всего мира, что эти рабочие сумели взять фабрики у капиталистов и отдать помещичьи земли крестьянам,—когда эта правда просочится в рабочие массы всех стран, тогда можно будет сказать во всеуслышание, с полной уверенностью, еще раз, что победа обеспечена за нами в мировом масштабе, так как буржуазия пошатнулась, ей обмануть рабочих больше не удастся, ибо советское движение народилось везде, и мы увидим скоро, как мы видели 25 октября 1917 г. рождение Советской республики, как на-днях видели в Москве рождение III, Коммунистического Интернационала,—так мы скоро увидим рождение Международной советской республики» [1].

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 78.

6

ЗАВЕРШЕНИЕ ПОСТРОЕНИЯ ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

«Итоги пятилетки,—говорил т. Сталин на январском пленуме ЦК,—разбили тезис социал-демократов о том, что невозможно построить социализм в одной отдельно взятой стране. Итоги пятилетки показали, что вполне возможно построить в одной стране социалистическое общество, ибо экономический фундамент такого общества уже построен в СССР».

Гигантский путь, проделанный нами в деле социалистического строительства, предстанет перед нами во всей грандиозности, если мы вспомним наше положение в области социалистического строительства хотя бы в начале нэпа, если мы сравним наше современное положение с тем, как характеризовал его Ленин 11 лет тому назад.

«Российский пролетариат поднялся в своей революции на гигантскую высоту, не только по сравнению с 1789 и 1793 гг., но и по сравнению с 1871 г. Надо как можно трезвее, яснее, нагляднее дать себе отчет в том, что именно мы «доделали», и чего не доделали; тогда голова останется свежею, не будет ни тошноты, ни иллюзий, ни уныния.

Мы «доделали» буржуазно-демократическую революцию так «чисто», как никогда еще в мире. Это—величайшее завоевание, которого никакая сила назад не возьмет» [1]. Так писал Ленин в марте 1922 г. в «Заметках публициста».

Отмечая, что мы доделали выход из реакционной империалистической войны революционным путем, что мы создали советский тип государства, начав этим новую всемирноисторическую эпоху господства пролетариата, Ленин в то же самое время в центре итогов завершения Октябрьской революции выдвигает положение, что «мы не доделали

[1] Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 198.

даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отнять назад враждебные нам силы умирающего капитализма»[1]. Предвидя трудный и сложный путь, который придется проделать Советскому государству для построения фундамента социалистической экономики, борясь против опасных иллюзий, «головокружений, особенно на больших высотах», точно так же как против проявления уныния по поводу трудностей нашего пути, Ленин говорил, что «погибшими наверняка надо бы признать тех коммунистов, которые бы вообразили, что можно без ошибок, без отступлений, без многократных переделываний недоделанного и неправильно сделанного закончить такое всемирно-историческое «предприятие», как завершение фундамента социалистической экономики (особенно в стране мелкого крестьянства)» [2].

На I съезде советов народного хозяйства Ленин говорил о величайших трудностях, которые нам предстоят в деле создания фундамента социалистической экономики, в деле организации хозяйства на социалистических началах. У нас не было своих технических кадров организаторов социалистического производства. Они только что еще подбирались, и нам приходилось опираться на кадры специалистов, в значительной степени чуждых делу пролетарской революции, даже враждебных ей. Впоследствии шахтинский процесс, процесс промпартии и др. показали, как в лице крупнейших специалистов старой буржуазной России советская власть встретила организаторов саботажа, вредительства, разрушения важнейших начинаний советской власти в деле построения новой техники социалистического производства. У нас не было ни малейшего опыта, который мы могли бы почерпнуть из прошлого в деле создания социалистического хозяйства.

«Все, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью. И мы это знали, когда мы брали в свои руки знамя социализма, когда мы объявляли себя социалистами, когда мы основывали социалистические партии, когда мы преобразовывали общество» [3].

---

[1] Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 201. (Разрядка моя.—*Е. Я.*).
[2] Там же, стр. 201.
[3] Там же, т. XXIII, стр. 40.

Но мы не знали, как построить это социалистическое общество. Мы должны были итти ощупью в организационном отношении, впервые проделывая опыт, имеющий всемирноисторическое значение, опыт, в котором не могло не быть ошибок и переделок. Самым трудным было построение фундамента социалистической экономики. Об этой задаче Ленин говорил на всех съездах партии, советов, профсоюзов. Для построения фундамента социалистической экономики партия сделала все возможное даже в условиях гражданской войны и военного коммунизма.

«Из всех социалистов, которые об этом писали,—говорил Ленин,—не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники,—превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма» [1].

Так говорил Ленин о тех трудностях, которые стоят перед нами на пути создания социалистического хозяйства. Важно было то, что мы могли к этой стороне дела приступить. Сколько потребуется для этого лет, какие условия потребуются для этого, это заранее сказать было трудно. Важно было то, что мы к этой задаче могли вплотную приступить, что мы могли год за годом накапливать опыт построения социалистического общества. Каждая частица этого опыта имеет величайшее международное значение.

«Когда страна вступила на путь величайших преобразований, тогда заслугой этой страны и партии рабочего класса, победившего в этой стране, является то, что к задачам, которые ставились раньше абстрактно, теоретически, мы подошли вплотную практически. Этот опыт не забудется. Этого опыта у рабочих, которые сейчас соединены в профессиональные союзы и местные организации и берутся практически за дело общенационального налаживания всего производства, этого опыта, что бы ни было, как бы тяжелы ни были перипетии русской революции и международной социалистической революции, этого опыта отнять нельзя. Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание» [2].

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 41.
[2] Там же, стр. 42.

К этому надо добавить еще то, что в первые годы революции мы, начиная строительство социализма, по преимуществу решали военные задачи. Период военного коммунизма конечно был периодом социалистического наступления, вместе с тем он был и периодом разрешения крупнейших и труднейших задач по организации снабжения, питания масс населения в городах, снабжения и питания Красной армии, поддержки промышленности и сельского хозяйства на уровне, который позволил бы вести гражданскую войну и дать отпор международной контрреволюции и империалистам. Однако те исключительные мероприятия, на которые мы шли в период военного коммунизма, отнюдь не могли быть и не являются программой коммунистической партии в деле построения социалистического хозяйства. Для своего времени они были правильными и необходимыми, но именно только для своего времени.

Пережитый нами период «военного коммунизма» имеет крупнейшее международное значение. Опыт экономической политики этого периода, проводившейся нашей партией под руководством Ленина, ляжет в основу революционных мероприятий наших братских компартий, когда пролетарская революция в зарубежных капиталистических странах свергнет господство буржуазии и установит диктатуру пролетариата и когда для защиты этой диктатуры против вооруженной интервенции нашим братским компартиям придется широко использовать опыт нашей пролетарской революции. Программа Коминтерна дает такую характеристику международной значимости периода «военного коммунизма»:

«В случае вероятной военной интервенции капиталистов и длительной контрреволюционной войны против диктатуры пролетариата хозяйственное руководство должно исходить прежде всего из интересов защиты пролетарской диктатуры; при этом может появиться необходимость в военно-коммунистической хозяйственной политике («военный коммунизм»), которая есть не что иное, как организация рационального потребления в целях военной обороны при системе усиленного нажима на капиталистические группы (конфискации, реквизиции и т. д.) при более или менее полной ликвидации свободной торговли и рыночных отношений, при резком нарушении индивидуалистических хозяйственных стимулов мелкого производителя, что связано с падением производительных сил страны. Эта политика «военного коммунизма», подрывая материальный базис враждебных рабочему классу слоев внутри страны, обеспечивая рациональное распределение уже имеющихся в наличии запасов, способствуя военной борьбе пролетарской диктатуры и находя в этом свое историческое обо-

сование, не может быть тем не менее рассматриваема как система «нормальной» хозяйственной политики диктатуры пролетариата» [1].

Ленин подверг уничтожающей критике позицию Каутского и Ко по отношению к экономической политике нашей партии в период военного коммунизма, когда Каутский 9 апреля 1919 г. в № 98 «Рабочей газеты»—органа венских с.-д.—разразился бурей негодования по поводу «культа насилия» большевиков и отсутствия у них «экономического мышления и экономического понимания».

«Экономист Каутский,—пишет Ленин,—забыл, что когда страна разорена войной и доведена до края гибели, то главным основным, коренным «экономическим условием» является спасение рабочего. Если рабочий класс будет спасен от голодной смерти, от прямой гибели, тогда можно будет восстановить разрушенное производство. А чтобы спасти рабочий класс, нужна диктатура пролетариата, единственное средство помешать сваливанию тяжестей и последствий войны на плечи рабочих.

Экономист Каутский «забыл», что вопрос о распределении тягостей поражения решается классовой борьбой и что классовая борьба в обстановке совершенно измученной, разоренной, голодной, гибнущей страны неизбежно меняет свои формы. Это уже классовая борьба не за долю в производстве, не за ведение производства (ибо производство стоит, угля нет, железные дороги перепорчены, война выбила людей из колеи, машины изношены и прочее и так далее), а за спасение от голода. Только дурачки, хотя бы и весьма «ученые», могут при таком положении «осуждать» «потребительский, солдатский» коммунизм и высокомерно поучать рабочих важности производства.

Надо сначала, прежде всего, в первую голову спасти рабочего. Буржуазия хочет сохранить свои привилегии, свалить все последствия войны на рабочего, а это значит уморить рабочих голодом.

Рабочий класс хочет спастись от голода, а для этого надо на-голову разбить буржуазию, обеспечить сначала потребление, хотя бы самое скудное, ибо иначе не дотянуть полуголодного существования, не додержаться до той поры, когда можно будет снова пустить в ход производство»[2].

Было бы величайшей ошибкой принципы хозяйства периода военного коммунизма переносить в другую эпоху, когда победивший пролетариат имеет возможность, закончив войну,

---

[1] Программа Коминтерна, Партиздат, 1933 г. стр. 46.
[2] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 321—322.

направить главные свои силы на разрешение хозяйственных задач, на построение фундамента социалистической экономики. А эти задачи нельзя решать так, как решаются задачи военные. Об этом говорил Ленин на IX Всероссийском съезде советов, когда указывал на то, что:

«Мы приступаем к задаче нашего экономического строительства на основе нашего вчерашнего опыта, а в этом-то и кроется наша коренная ошибка» [1].

В чем же эта ошибка?

«Из империалистической войны и из наших бедствий мы вышли только благодаря пролетарской революции, только благодаря тому, что советский строй пришел на смену старому строю. Этого взять назад нельзя, это—достоинство непререкаемое, непреложное, которое не может быть отнято никакими усилиями и натиском наших врагов, но которое как раз, если его продолжить там, где не надо, становится самым опасным недостатком. Задачи политические и задачи военные можно было решить подъемом энтузиазма, на данной ступени сознания рабочих и крестьян.

Они поняли все, что война империалистическая их душит; не нужен был подъем на новую ступень сознания, на новую ступень организации, чтобы понять это. Энтузиазм, натиск, героизм, который оставался и останется навсегда памятником того, что делает революция и что она могла сделать, помогли решить эти задачи. Вот чем мы достигли нашего политического и военного успеха, и это достоинство становится теперь самым опасным нашим недостатком. Мы смотрим назад и думаем, что так же можно решить и хозяйственные задачи. Но в этом-то и ошибка: когда обстановка изменилась и мы должны решать задачи другого рода, то здесь нельзя смотреть назад и пытаться решить вчерашним приемом. Не пытайтесь—не решите! И эту ошибочность нам надо сознать» [2].

Конечно и для нового этапа необходим был величайший энтузиазм, натиск и героизм. Без этого энтузиазма, без социалистического соревнования, без натиска ударных бригад, без героизма масс, в невероятно тяжелых условиях, восстанавливавших разрушенное империалистической и гражданской войной хозяйство, в четыре года выполнивших первую пятилетку социалистического строительства,—без этого энтузиазма, натиска и героизма масс мы не могли бы достигнуть величайших успехов, которых мы добились на протяжении всех этих лет. Из этого своего опыта мы конечно взяли очень многое; но новая эпоха требовала иного; требовала п л а н о-

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XXVII, стр. 136.
[2] Там же, стр. 137.

вой социалистической работы, требовала терпеливой, упорной работы годами и даже десятилетиями над постройкой социалистического хозяйства. Для этого нужно было, чтобы партия воспитала свои собственные коммунистические кадры. Проблема создания своих коммунистических пролетарских кадров, которые сменили бы кадры старых буржуазных специалистов, не способных итти нога в ногу с пролетариатом, а сплошь и рядом мешающих ему,—была одна из важнейших проблем, которые должны были разрешить пролетарская революция и коммунистическая партия. За эту задачу, как и за целый ряд других задач, связанных с построением фундамента социалистической экономики, взялась вплотную наша партия в первое десятилетие после смерти Ленина. Под руководством т. Сталина эта задача была в основном разрешена. Тысячи втузов, техникумов и коммунистических вузов ежегодно готовят десятки тысяч инженеров, техников и специалистов для потребностей бурно развивающегося социалистического хозяйства СССР.

Имеет ли этот опыт международное значение? Конечно он имеет огромное международное значение, потому что пролетариат любой победившей страны окажется в таком же положении. Он не мог накопить в достаточной степени своих собственных сил для организации социалистического хозяйства, ему трудно будет выделить необходимое количество командиров промышленности, он должен будет их создавать в процессе борьбы. Захвативши в свои руки все средства и орудия производства, школы, университеты, академии, пролетариат любой страны должен будет послать сотни тысяч пролетариев в эти школы, университеты, для того чтобы из рабочих, из крестьян создать инженеров, агрономов, техников для организации социалистического хозяйства, для руководства им.

Пролетариат взял власть в свои руки, когда хозяйство страны было подорвано империалистической войной. Гражданская война еще более подорвала это хозяйство. Надо было восстановить и поднять его на новую высоту. Огромных усилий стоило восстановление хозяйства до довоенного уровня, но еще больших усилий требовало выполнение задач, которые были поставлены партией и которые были осуществлены с непреклонной решимостью, под твердым руководством т. Сталина,—задачи догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые страны капитализма.

Первой наметкой этой переделки Страны советов был десятилетний план электрификации, намеченный при жизни Ленина. Этот план партия блестяще выполнила. Десятки эле-

ктростанций выросли в нашей стране, еще недавно погруженной во тьму. Завершением этой гигантской работы явились Днепрогэс и Днепрострой—гигантский комбинат, величайшее значение которого должны были признать даже наши враги—капиталисты всех стран. Настойчивость, с которой проводился в жизнь этот план, величайший энтузиазм масс, который сопровождал это строительство, были возможны только в условиях социалистического общества, только в условиях Советской страны.

Техника нашей страны была отсталая, техническое оборудование наших заводов было изношено, недра земли были мало разведаны. Страна испытывала огромный недостаток в квалифицированных технических силах. И тем не менее революция разбудила такие силы, которые под руководством коммунистической партии оказались способны преодолеть все эти препятствия. Из отсталой в технико-экономическом отношении страны СССР стал страной передовой техники, электрификации, гигантского машиностроения. Магнитострой, Кузнецкстрой, Уралмашстрой, Челябинский тракторный, Харьковский тракторный, завод им. Сталина, завод «Шарикоподшипник» им. Кагановича, Горьковский завод им. Молотова, Луганский завод им. Ворошилова и десятки других заводов-гигантов явились результатом этих героических усилий пролетариата и трудящихся масс всей страны. Эта работа приобретала особое значение именно потому, что все эти заводы строила и построила вся страна. Мы нашли внутренние ресурсы в Стране советов—займы индустриализации, социалистическое соревнование во всех формах и видах,—без этого мы не могли бы выполнить грандиозного плана социалистического переустройства нашей страны. И это дало нам возможность в 1932 г. поставить перед собой задачу построения к концу второй пятилетки бесклассового социалистического общества.

Наряду с этим и на основе индустриализации страны, превращения ее из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную,—шло социалистическое преобразование нашего сельского хозяйства. «Советский союз из страны мелкого и мельчайшего земледелия превратился в страну самого крупного в мире земледелия на основе коллективизации, развертывания совхозов и широкого применения машинной техники»...[1] Ленин мечтал о том времени, когда мы сможем дать 100 тыс. тракторов, 100 тыс. трактористов и горючее к этим машинам.

[1] Тезисы к XVII конференции ВКП(б), Партиздат, 1932 г., стр. 3—4.

Тогда—уверен был Ленин—дело коллективизации сельского хозяйства пойдет более быстрыми темпами. Мы создали гиганты сельскохозяйственного машиностроения. Уже в 1933 г. около 200 тыс. тракторов, несколько тысяч комбайнов разных видов используются в сельском хозяйстве СССР на полях колхозов и совхозов. Конечно партия для этого должна была преодолеть упорное, бешеное сопротивление классового врага. Рост мощи Советского государства усилил последнее сопротивление остатков умирающих классов, которые перешли к новым формам классовой борьбы. Политика сплошной коллективизации не могла быть осуществлена без политики беспощадного подавления кулачества, без политики ликвидации кулачества как класса. Эта новая политика, новая полоса классовой борьбы была связана неразрывно с социалистическим переустройством сельского хозяйства.

Огромную, ведущую роль в деле этого переустройства сыграли лучшие совхозы.

Организацию крупных социалистических хозяйств предвидели в свое время еще Маркс и Энгельс. Энгельс писал Бебелю 20 января 1886 г. о тех мероприятиях, которые он предлагал защищать в парламенте как мероприятия, которые буржуазное общество провести не может, но на которых «мы должны настаивать во что бы то ни стало, пока существует крупное землевладение, и которые мы сами должны будем провести, как только придем к власти: речь идет о передаче—вначале на арендных началах—крупных поместий самостоятельным кооперативным товариществам, ведущим хозяйство под руководством государства и при условии, что государство остается собственником земли. Это мероприятие имеет то большое преимущество, что будучи по сути дела практически осуществимым, оно не может быть пущено в ход ни одной партией, кроме нашей»[1].

Организация МТС явилась огромным шагом вперед на пути к социалистическому преобразованию сельского хозяйства. Организация машинотракторных станций, машиносенокосных станций и т. д. стала возможной только на основе выросшей социалистической техники, на основе громадного накопления опыта. К концу 1933 г. мы имеем ряд областей, где полностью завершена коллективизация сельского хозяйства. Процент коллективизации по всей стране приближается к 70.

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, кн. I (VI), Партиздат, 1932 г., стр. 328. (Разрядка моя—*Е. Я.*).

Вопрос о сплошной коллективизации всей страны—вопрос ближайших лет. К концу второй пятилетки этот процесс будет полностью завершен.

Пролетарская революция и созданное ею социалистическое государство впервые в мире обеспечивают проведение самых сложных мероприятий, направленных к поднятию благосостояния трудящихся. Уничтожение разницы между городом и деревней—задача величайшей важности и всемирноисторического значения—впервые в истории человечества будет осуществлена лишь в результате победоносной пролетарской революции. Как отмечают тезисы к XVII партсъезду:

«Во втором пятилетии СССР осуществляет крупный шаг вперед в деле изживания вековой противоположности человеческого общества—противоположности между городом и деревней—и создает все необходимые предпосылки для устранения этой противоположности.

По своей общественной форме сельское хозяйство становится однотипным с промышленностью, сельскохозяйственный труд превращается в разновидность труда индустриального, мощно возрастают транспортные связи между городом и деревней, значительно сближаются темпы роста производства промышленности и сельского хозяйства, сближаются уровни материального благосостояния и культуры трудящихся города и деревни»[1].

Ликвидация разницы между городом и деревней происходит на наших глазах, так же как на наших глазах происходит процесс ликвидации эксплоататорских классов, так же как совершаются переделка и перевоспитание многомиллионных масс крестьянства, переделка индивидуалистической идеологии мелкого товарного производителя в идеологию труженика советских полей. На наших глазах происходит процесс отмирания религии у миллионных масс.

Разве все эти процессы не имеют всемирноисторического значения, разве они не представляют собой невиданные еще исторические сдвиги в хозяйстве, в социальной структуре общества, в идеологии, в сознании миллионных масс? Трудно даже предвидеть последствия этих сдвигов для ближайших лет. Трудно предвидеть, какой огромный рост материального и культурного уровня масс сулит этот процесс. Уже сейчас ясно, что колхозы идут по пути не только к зажиточному, но и к высококультурному уровню жизни тружеников социалистического общества. Нанесен несокрушимый удар «идиотизму деревенской жизни» и ограниченности деревни. Газета, книга,

---

[1] Тезисы доклада тт. Молотова и Куйбышева к XVII партийному съезду.

радио стали таким же достоянием деревни, как они стали достоянием миллионных масс в городе.

Ведь не следует забывать, что социалистическое государство существует всего 16 лет и что из этих 16 лет по крайней мере 6 лет пришлось на империалистическую и гражданскую войну и на ликвидацию их последствий. Феодальный строй существовал целые тысячелетия, капиталистический—сотни лет, а первое в мире Советское государство существует всего 16 лет. Между тем последствия 16-летнего существования первого в мире Советского государства исключительно глубоки, влияние этой новой системы, системы социалистического хозяйства на все страны исключительно велико.

За этот короткий отрезок времени мы видим громадные успехи социалистического хозяйства как результат господства пролетарской диктатуры. Доказана возможность построения социализма в одной стране, возможность планового государственного социалистического хозяйства. Мы имеем невиданное развертывание творческих сил в виде социалистического соревнования, невиданный нигде энтузиазм масс, выполняющих всемирноисторическую задачу построения социалистического хозяйства, социалистического общества, невиданный нигде подъем всего хозяйства за короткий срок из бездны разрухи, нищеты, разорения и отсталости на высшую ступень. Достигнуты огромные успехи в самых разнообразных областях. Достаточно указать только на достижения в области авиации, поднятой на самый высокий технический уровень.

«СССР превращается во втором пятилетии в технико-экономически независимую страну и в самое передовое в техническом отношении государство в Европе»[1].

Если принять во внимание, что этот опыт развертывается на фоне величайшего кризиса капитализма, что этот опыт развертывается в условиях враждебного окружения, то станет ясным, насколько вырастает международный вес и значение этого опыта социалистического советского государства.

Для того чтобы построить фундамент социалистической экономики, надо было не только переделать технику,—вернее создать новую технику,—но и переделать людей. Маркс говорил в свое время, что пролетариату придется пережить десятки лет, прежде чем он переделает не только других, но переделает самого себя, для того чтобы он мог стать сознательным строителем социалистического общества. Надо было не только разбить дисциплину капиталистического общества, но—что было го-

[1] Тезисы доклада тт. Молотова и Куйбышева к XVII партийному съезду.

раздо труднее—создать новую дисциплину объединенного труда.

«Нужна была именно Октябрьская победа трудящихся над эксплуататорами, нужна была целая историческая полоса первоначального обсуждения самими трудящимися новых условий жизни и новых задач, чтобы стал возможным прочный переход к высшим формам трудовой дисциплины, к сознательному усвоению идеи необходимости диктатуры пролетариата, беспрекословному повиновению единоличным распоряжениям представителей советской власти во время работы»[1].

В марте—апреле 1918 г. Ленин констатировал, что «этот переход начался теперь» [2]. А переход этот был необычайно трудным. Мы сумели объединить массы для решительного штурма в 1905 г. и в феврале—октябре 1917 г. «Такие этапы, как октябрь 1905 г., февраль—октябрь 1917 г., имеют всемирноисторическое значение» [3].

Мы успешно выполнили и вторую задачу—мобилизацию масс на борьбу за новый социалистический строй. И вот перед нами встала новая задача—третий этап революции.

«Надо закрепить,—говорил Ленин— то, что мы сами отвоевали, что мы декретировали, узаконили, обсудили, наметили—закрепить в прочные формы повседневной трудовой дисциплины. Это самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки. Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица, советского руководителя, во время труда.

Мы этому еще не научились.

Мы этому научимся» [4].

Для того чтобы осуществить эту дисциплину труда, нам нужно было разбить мелкобуржуазные навыки, расхлябанность, индивидуализм, направленный к тому, чтобы «побольше урвать для себя», по принципу—«каждый за себя, а бог за всех», надо было сломить анархизм, индивидуализм мелкого собственника.

«Реставрация буржуазной эксплоатации грозила нам вчера в лице Корниловых, Гоцов, Дутовых, Гегечкори, Богаевских. Мы их победили. Эта реставрация, та же самая реставрация грозит нам сегодня в иной форме, в виде стихии мелкобуржу-

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 464.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

азной распущенности и анархизма, мелкособственнического «моя хата с краю», в виде будничных, мелких, но зато многочисленных наступлений и нашествий этой стихии против пролетарской дисциплинированности. Мы эту стихию мелкобуржуазной анархии должны победить, и мы ее победим» [1],—говорил Ленин.

Эта мелкобуржуазная распущенность, мелкособственнический анархизм находили свое выражение и в нападках на линию партии со стороны «левых» коммунистов и особенно в выступлениях «рабочей оппозиции», которая являлась, как это констатировал X съезд партии, выразительницей мелкобуржуазных колебаний масс, мелкобуржуазных традиций, рецидивов профессиональной узости или профессиональных предрассудков среди пролетариата. По линии этих же нападок на политику большевистской партии в деле выработки трудовой дисциплины шли впоследствии атаки группы «демократического централизма», группы «крикунов громче всех». По этой же линии не однажды пытались подкапывать политику партии и троцкисты, опираясь на элементы мелкобуржуазной расхлябанности, барского индивидуализма, анархизма. А когда троцкисты были разгромлены, многое из их багажа взяли правые.

Нет никакого сомнения, что и в этой части опыт первого в мире пролетарского государства имеет громадное международное значение. Борьба за выработку новой дисциплины объединенного труда в первом советском государстве показывает пролетариату других стран путь, по которому ему придется вырабатывать новую дисциплину.

На I съезде советов народного хозяйства Ленин предвидел, что эта задача не может быть решена очень быстро.

«На быстрые успехи в этом,—говорил Ленин,—мы не претендуем, не рассчитываем. Мы знаем, что это дело займет целую историческую эпоху. Мы начали ту историческую эпоху, когда в стране буржуазной еще мы разбиваем дисциплину капиталистического общества, разбиваем и гордимся тем, что все сознательные рабочие, все решительно трудовое крестьянство всемерно помогают разрушению, и когда в массах добровольно, по их собственному почину, растет сознание того, что они эту основанную на эксплуатации и рабстве трудящихся дисциплину должны заменить не по указке сверху, а по указанию своего жизненного опыта, заменить новой дисциплиной объединенного труда, дисциплиной объединенных организованных рабочих и трудовых крестьян всей России, страны с десятками и сотнями миллионов населения. Эта задача гигантской трудности, но

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 464.

зато и задача благодарная, потому что лишь тогда, когда мы решим ее практически, лишь тогда будет вбит последний гвоздь в гроб погребаемого нами капиталистического общества» [1].

Применяя все формы массово-воспитательной работы, все формы коммунистического труда (коммунистические субботники, ударные бригады), все формы социалистического соревнования, которые практиковались нами на протяжении 16 лет, мы выработали уже в значительной степени эту новую трудовую дисциплину, которая творит чудеса, которая сокращает темпы социалистического переустройства нашей страны, которая разрешает в короткие сроки, в несколько месяцев, задачи, требовавшие раньше для своего решения годы.

Эта новая дисциплина труда выделила героев, ударников социалистической стройки на фабриках, заводах, в шахтах, на полях, Изотовых, которых знает вся страна с их рекордами не только для СССР, но и для всего мира. Эта труднейшая задача, которую мы решили на протяжении 16 лет, имеет поэтому гигантское международное значение, показывая пролетариату всех стран путь, по которому надо итти для построения фундамента социалистической экономики. Не так легко смыть «родимые пятна» индивидуализма, анархизма, унаследованные от старого буржуазно-капиталистического общества, от работы на хозяина, не так легко выработать эту новую дисциплину социалистического общества. Но без разрешения этой труднейшей задачи нельзя похоронить старое общество, нельзя «вбить последний гвоздь в гроб погребаемого нами капиталистического общества».

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 44 (Разрядка моя.—*Е. Я.*).

7

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЯ АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Мы уже останавливались на том громадном значении, какое имело правильное решение аграрно-крестьянского вопроса для судеб пролетарской революции. Именно правильное решение аграрно-крестьянского вопроса (как и правильная постановка вопроса о мире, о выходе из войны, об организации новой власти) привлекло на нашу сторону значительные массы войск, разлагая в то же время армию противника и обеспечив советской власти поддержку широких многомиллионных масс крестьянства.

Без правильного решения аграрно-крестьянского вопроса мы не имели бы например широкого партизанского движения в тылу у белогвардейцев. Когда в тылу Колчака поднимались крестьянские партизанские отряды в Алтайской, Енисейской тайге, основные массы которых составлялись не только из бедноты, но и из середняков, то причина этого лежала не только в насилиях Колчака и его помощников Анненковых, Красновых, Унгернов, Семеновых, Калмыковых и т. п. палачей и наймитов международного империализма, но и в том, что крестьяне очень скоро убедились на деле, что только советская власть обеспечивает им свободу от помещичьей генеральской своры и возможность построить по-новому жизнь в деревне. Только правильное решение аграрно-крестьянского вопроса в условиях пролетарской диктатуры, при укреплении индустриальной базы помогло нам поставить в период социалистической реконструкции, на основе сплошной коллективизации, задачу ликвидации кулачества как класса.

Правильное решение аграрно-крестьянского вопроса конечно было бы невозможным без ликвидации помещиков, без уничтожения частной собственности на землю. То, чего не могли сделать эсеры, написавшие на своем знамени «Земля и воля», сделала партия пролетариата, решительно поддержав требова-

ния крестьянских комитетов, наказов, советов крестьянских депутатов. Ленин смеялся по поводу того, что эсеры обижались, будто мы у них «украли» программу. «Хороша партия эсеров,— говорил он,—у которой нужно было украсть программу для того, чтобы ее выполнить. Сама эта партия не могла выполнить свою программу».

Революционное решение аграрно-крестьянского вопроса СССР оказало большое влияние на аграрно-крестьянское движение и на аграрные реформы в капиталистических странах. Разрешение аграрного вопроса, дав толчок аграрному движению в капиталистических странах, заставило буржуазные правительства пойти на аграрные реформы. Это вынужден признать даже целый ряд буржуазных ученых. Так например проф. Зеринг в предисловии к сборнику «Аграрная революция в Европе» (Гиз, 1926 г.) пишет, что «под давлением революционного движения или даже в предотвращение последнего были изданы радикальные аграрные законы»[1].

Теодор Ранкашу так объясняет земельную реформу в Румынии: «В России,—пишет он,—во время революции крестьянство накинулось на крупную собственность и, экспроприировав помещиков, поделило ее между собой. Этот опасный факт мог заразить и наши крестьянские массы, которые сталкивались с русскими солдатами на фронте. Наша правящая группа просила тогда короля Фердинанда, в целях избежания русских революционных идей, взять на себя инициативу аграрной реформы и отчуждить землю у крупных собственников. Эту печальную миссию король, находящийся между молотом и наковальней, и вынужден был исполнить»[2].

Конечно поскольку отчуждение помещичьих земель производилось по королевскому приказу, а не восставшими и п о б е д и в ш и м и румынскими рабочими и крестьянами, это привело к тому, что уступка, данная королем под влиянием трудного момента, когда почва под ногами была горяча, была сведена румынскими боярами, румынскими помещиками в значительной степени на-нет. Но тот факт, что земельная реформа в Румынии проводилась под непосредственным влиянием событий, происходивших в России, остается неоспоримым.

Можно было привести целый ряд фактов подобного рода, имеющих место в других странах. Так например австрийский социал-демократ Вальтер Шифф также принужден признать, что «эти не везде одинаково широкие реформы обязаны своим

---

[1] С. Т и м о в, сборник «Октябрьская революция и аграрная реформа в Европе», «Московский рабочий», стр. 10.

[2] Там же, стр. 10—11.

происхождением или революции и аграрным волнениям, или боязни того, чтобы эти события не имели место»[1].

Буржуазный писатель Пьер Жус даже пытается дать схему географического распространения этого влияния революции. «Можно,—пишет Пьер Жус,—разделить Европу на четыре зоны: с востока на запад располагаются последовательно страны аграрной революции, страны с широкими аграрными реформами, страны, в которых реформа была декретирована, но в которых практически была сведена на-нет, и наконец страны, в которых реформа совершенно не имела места. Силы движения, направляющиеся от России, прогрессивно ослабляются по мере удаления от центра, подобно тому, как ослабляется амплитуда волны, вызванная камнем, брошенным в воду»[2].

Конечно это чисто механистическая схема Пьера Жуса, составленная им в начале революции, далеко не соответствует действительности. Прежде всего Пьер Жус берет почему-то только Европу. Но мы ведь знаем, что влияние Октябрьской революции распространилось далеко за пределы Европы. Разве оно не вызвало движения в Америке? Разве оно не перекинулось далеко на Восток? Разве движение крестьян Китая, Индии, Индо-Китая не является также откликом революционных бурь, поднятых Октябрем.

Аграрная реформа в Польше решена была под непосредственным влиянием движения Красной армии к Варшаве. Аграрный проект, внесенный в 1919 г. в польский сейм, подвергся очень долгому обсуждению. После обсуждения разговоры о нем смолкли, и он пролежал очень долго в польском сейме без всякого движения. Но когда Красная армия подходила к Варшаве, когда польские помещики почувствовали, что революция может их смести так же быстро и легко, как она смела помещиков в России, то 15 июля 1920 г. в течение одного заседания, без единой поправки, этот законопроект министерством был принят и было объявлено о наделении крестьян землей.

Так же и в ряде других стран Европы аграрные реформы и аграрные законодательные акты были проведены под непосредственным влиянием Октябрьской революции. Это можно сказать и в отношении Финляндии, Эстонии, Латвии, Румынии, Чехо-Словакии, Югославии, Болгарии. Аграрные реформы во всех этих странах были результатом влияния Октябрьской ре-

---

[1] С. Тимов, Сборник «Октябрьская революция и аграрная реформа в Европе», «Московский рабочий», стр. 35.

[2] Там же.

волюции. Причем характерно, что почти во всех этих странах уступки по линии аграрного законодательства, сделанные буржуазией в период для нее наиболее острый и опасный, потом, когда опасность революции «миновала», когда буржуазия окрепла и взяла нераздельно власть в свои руки, были взяты ею обратно. Так например в той же самой Румынии закон, согласно которого должно было быть наделено большое количество крестьян землей, на самом деле не был проведен, и фактически был наделен лишь очень незначительный слой крестьянства.

В Венгрии и Прибалтике, несмотря на то, что земли были национализированы, реально они не были переданы в распоряжение бедняцко-середняцких масс, которые не почувствовали даже облегчения земельного голода.

Только Октябрьская революция показала образец правильного решения аграрно-крестьянского вопроса, который обеспечил пролетарской революции поддержку широких крестьянских масс. Когда в настоящее время весь капиталистический мир задыхается в тисках промышленного и аграрного кризиса, наш революционный опыт, пример разрешения нами аграрно-крестьянского вопроса приобретает сейчас, на 16-м году пролетарской диктатуры особенно большое значение и новое бесспорное, обладающее огромной силой, доказательство своей правильности.

Победа коллективизации, огромные победы в деле социалистического переустройства сельского хозяйства нашей страны, организационно-хозяйственное укрепление колхозов и рост зажиточности колхозников показывают десяткам и сотням миллионов крестьян, страдающим от кризиса, падающим на дно разорения и нищеты, путь к иной жизни.

В начале революции мы этого доказательства еще не имели. Теперь коллективные формы сельского хозяйства прочно внедрились и являются преобладающими в нашей стране, социализм бесповоротно победил в деревне. Десятки миллионов бедняцко-середняцкого крестьянства нашей страны бесповоротно перешли на сторону социализма против капитализма.

Пропагандистское значение того гигантского опыта, который мы накопили в деле коллективизации сельского хозяйства, становится тем большим, чем стремительней пойдет теперь путь социалистического накопления в деревне, чем правильнее будет разрешена задача, поставленная т. Сталиным, «сделать всех колхозников зажиточными, а колхозы большевистскими».

В самом начале нашей борьбы, в тяжелые дни наступления германской армии на Советскую страну, Ленин писал, что главная задача наших дней—«создать действительно могучую и обильную Русь».

«Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистским хищникам всех стран»[1].

В тот момент нам пришлось все силы бросить на борьбу против империалистических хищников, пережить годы тяжелой гражданской войны, весь организм страны, все силы ее направить на то, чтобы разрешить военную задачу. Лишь позднее мы смогли бросить эти силы на разрешение громадных хозяйственных и культурных задач. Было ли возможно для страны обнищалой, разоренной, технически отсталой в короткий срок догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые страны? А Ленин и Сталин поставили эту задачу: «Добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной». «Она может стать таковой,—отвечал Ленин,—ибо у нас все же достаточно осталось простора и природных богатств, чтобы снабдить всех и каждого если не обильным, то достаточным количеством средств к жизни. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция,—чтобы создать действительно могучую и обильную Русь».

Что же нужно для этого? «Русь станет таковой, если отбросить прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно только на том пути международной революции, на который мы вступили. Итти вперед по этому пути, не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать не покладая рук над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля

---

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 375—376.

за производством и распределением продуктов—таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической»[1].

По этому ленинскому пути следовала партия, и она добилась величайших успехов, имеющих всемирноисторическое значение. Это уже не убогая Русь, нет, это могучая Советская страна с несокрушимой военной мощью, с несокрушимой мощью советской индустрии, социалистического земледелия. Недра ее вновь изведаны, земля раскрывает неисчислимые богатства трудящимся массам. Под руководством ленинской партии, под руководством закаленнейшего вождя партии т. Сталина, совершена огромная работа социалистического переустройства страны, создана новая техника, электрификация, создана мощная основа, на которой только и мыслимо было перейти широким фронтом в социалистическое наступление в деревне, создать такое «стройное сотрудничество всенародных сил», без которого немыслимо было создать мощь социалистического государства.

Октябрьская революция показала образец такого решения аграрно-крестьянского вопроса, которое обеспечивает пролетарской революции поддержку трудящегося крестьянства в других странах. Но Октябрьская революция могла дать этот образец правильного решения аграрно-крестьянского вопроса только потому, что она разрешила вопрос о диктатуре пролетариата, только потому, что пролетариат завоевал власть.

---

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 376—377.

8

РЕШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Национальный вопрос—это вопрос о союзниках пролетариата в его борьбе за пролетарскую диктатуру, за построение социализма. Национальный вопрос поэтому не имеет самодовлеющего значения: он является вопросом, подчиненным главному в ленинизме—учению о диктатуре пролетариата.

Необходимо различать три периода в развитии национального вопроса. Первый период—период буржуазно-демократических революций в Европе. Этот период характеризуется образованием наций, национальных и многонациональных государств.

Тактику Маркса в эпоху незавершенных буржуазно-демократических революций в Европе Ленин охарактеризовал следующим образом: «Маркс заботился больше всего, как и в 1848 г., о расширении и обострении буржуазно-демократических движений путем участия более широких и более «плебейских» масс, мелкой буржуазии вообще, крестьянства в частности, наконец неимущих классов».

Борьба наций за освобождение является в этот период одной из форм борьбы за демократию, против привилегий наций господствующих, против неравноправности наций, одной из форм борьбы за ближайший буржуазно-демократический этап революции.

Второй период в постановке национального вопроса—это период империализма, когда в порядке дня была поставлена мировая социалистическая революция.

«В первый период,—говорит т. Сталин,—национальный вопрос не выходит из рамок отдельных многонациональных и захватывает лишь немногие, главным образом европейские национальности, между тем как во второй период национальный вопрос из вопроса внутригосударственного превращается в вопрос многогосударственный—в вопрос о войне между империалистическими государствами за удержание в своем под-

чинении неполноправных национальностей, за подчинение своему влиянию новых народностей и племен за пределами Европы. Таким образом национальный вопрос в этот период теряет свой изолированный характер и сливается с общим вопросом о колониях».

Отличительная особенность постановки Лениным национального вопроса в эпоху буржуазно-демократической революции в России заключалась в следующем: Ленин учитывал, что русская буржуазно-демократическая революция будет первой революцией в мире, совершающейся в обстановке империализма. Вот почему Ленин, рассматривая буржуазно-демократическую революцию в России как этап к пролетарской, подчинял основные и ближайшие демократические требования (в том числе и национальный вопрос) единому стратегическому плану перерастания. Вот почему Ленин, выдвигая в эпоху русской буржуазно-демократической революции в качестве основного лозунга национальной программы право наций на самоопределение, подчеркивал связь этого лозунга с лозунгом демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Под этим углом зрения необходимо рассматривать борьбу партии в указанный период на два фронта—против нигилизма в национальном вопросе, против недооценки его значения в освободительном движении и против буржуазного и мелкобуржуазного национализма (Бунд).

Ленин подверг уничтожающей критике позицию мелкобуржуазных националистов, нашедшую отражение в лозунге Бунда и кавказских ликвидаторов о «национально-культурной автономии». В ряде статей Ленин призывал к решительной борьбе против «реакционной, вредной, мещанской идеи культурно-национальной автономии». Не разграничивать нации, а сплачивать рабочих всех наций,—такова должна быть позиция пролетарского революционера в национальном вопросе. «Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях—политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с реакцией, а равно с проповедью и стремлениями помещиков, попов и буржуазных националистов всех наций, которые проводят обыкновенно свои антипролетарские стремления под флагом «национальной культуры»[1].

Борясь против буржуазного и мелкобуржуазного национализма, большевики одновременно разоблачали и недооценку

[1] Ленин, Соч., т. XVII, стр. 12.

национального вопроса. Такую ошибку в национальном вопросе допускала Роза Люксембург, которая отрицала лозунг «права наций на самоопределение», доказывая, что признание права на самоопределение «играет на-руку буржуазному национализму». Ленин подчеркивал, что «отрицание права на самоопределение наций в современной России является... несомненным оппортунизмом и отказом от борьбы с всесильным доныне черносотенным великорусским национализмом»[1]. Только борясь на два фронта—против буржуазного и мелкобуржуазного национализма и против недооценки национального вопроса, пролетариат мог действительно руководить делом национального освобождения угнетенных наций, отстаивая единство пролетарской борьбы и пролетарских организаций вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности.

Во время империалистической войны споры по национальному вопросу приняли вновь особую остроту. Ленин вел беспощадную борьбу как против люксембургианцев, точку зрения которых защищали Радек, Пятаков и Бухарин, так и против шовинистов, поднявших голову во время войны. Специальная дискуссия по вопросу о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения, показала всю глубину разногласий по этому вопросу. Когда в 1917 г. этот вопрос снова встал на апрельской конференции, Ленин и Сталин вновь встретились с защитой вреднейшей точки зрения люксембургианцев теми же Пятаковым и Бухариным.

Конечно не следует забывать, что постановка национального вопроса в период II Интернационала и постановка его в период ленинизма значительно отличаются между собой «не только по объему, но и по внутреннему своему характеру» (Сталин). Именно ленинизм, разрушив перегородку между черными и белыми, между «культурными» и «некультурными» нациями, между решением национального вопроса внутри европейских государств и в колониях, тем самым превратил национальный вопрос «из вопроса частного и внутригосударственного в вопрос общий и международный, в мировой вопрос об освобождении угнетенных народов и зависимых стран и колоний от ига империализма» [2].

Третий период в постановке национального вопроса открывается Октябрьской революцией. Октябрьская революция, положившая начало самостоятельному существованию целого ряда государств, выделившихся из бывшей царской России в самостоятельные республики, и положившая начало системе советских государств—Союзу советских социалистических рес-

---

[1] Ленин, Соч., т. XVII, стр. 121.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма, 1923 г., стр. 46.

публик, наглядно показала, что значит на деле право наций на самоопределение, вплоть до отделения, право на самостоятельное государственное существование. Ленинизм показал, что значит на деле поддержка, помощь угнетенным нациям «в их борьбе с империализмом за действительное равенство наций, за их самостоятельное государственное существование». Словом, «ленинизм показал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешен лишь в связи и на почве пролетарской революции, что путь победы революции на Западе проходит через революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма. Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата» [1].

Разрешение национального вопроса большевиками имело громадное значение для присоединения к делу пролетарской революции огромных резервов трудящихся, угнетенных капитализмом народов. Созданная Октябрьской революцией Федерация советских республик—РСФСР упрочилась и перешла в дальнейшем к более прочной форме объединения—к Союзу советских социалистических республик. Этот союз создался в процессе борьбы Советского государства против империализма всех стран, в процессе подавления контрреволюции в ряде государств, входящих в состав СССР. На опыте создания этого Союза оправдалось указание Ленина, что «невозможно свободное объединение наций в социализм без более или менее долгой упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами».

Наша партия приходит к XVII съезду в условиях бурного роста национальных советских республик, в условиях величайшего торжества ленинской национальной политики, проводимой под руководством гениального вождя международного пролетариата т. Сталина. За годы первой пятилетки созданы мощные промышленные центры в национальных республиках. Вокруг этих новых промышленных центров растут и крепнут кадры местного пролетариата, крепнет база пролетарской диктатуры, растет и ширится влияние пролетариата на крестьянские трудящиеся массы.

За последние годы в обстановке бешеного сопротивления остатков капиталистических элементов нашему победоносному социалистическому наступлению, вследствие ослабления большевистской бдительности некоторых партийных организаций, националистические контрреволюционные элементы подняли голову.

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, 1933 г., стр. 47.

На Украине, в ряде наркоматов (Наркомпрос, Наркомзем, Наркомюст) и научных учреждений (Всеукраинский институт марксизма-ленинизма, Академия наук, Сельскохозяйственная академия, Институт Шевченкознавства) создались целые гнезда националистической контрреволюции. Коммунистическая партия (большевиков) Украины и ее ЦК за последнее время в результате ослабления большевистской борьбы с украинским национализмом проглядели оформление нового националистического уклона в рядах партии, возглавлявшегося Н. А. Скрыпником. К Скрыпнику и возглавлявшейся им группе национал-уклонистов целиком и полностью относится сказанное т. Сталиным на XVI партийном съезде о существе уклона к местному национализму:

«Существо уклона к местному национализму состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации, в стремлении защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы национальностей СССР, и видеть лишь то, что может их отделить друг от друга.

Уклон к местному национализму отражает недовольство отживающих классов ранее угнетенных наций режимом диктатуры пролетариата, их стремление обособиться в свое национальное государство и установить там свое классовое господство.

Опасность этого уклона состоит в том, что он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет на-руку интервенционистам»[1].

Россия из тюрьмы народов превратилась в союз народов, которым обеспечен расцвет культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Даже меньшевик Дан, который ненавидит, как только может ненавидеть меньшевик, нашу партию, принужден дать такую оценку решения национального вопроса Октябрьской революции:

«Но в своем 10-летнем течении русская революция успела уже выявить черты не только национального, но и м и р о в о г о значения.

Прежде всего она разбила то н а ц и о н а л ь н о е порабощение и угнетение, которые были одним из устоев Романовской монархии... Многочисленные национальности и племена, населяющие Россию, впервые получили возможность национального самоопределения» [2].

---

[1] С т а л и н. Вопросы ленинизма, издание девятое, 1933 г., стр. 567.

[2] Ф. Д а н, 10 лет революции, «Социалистический вестник» № 5—6 (157—158) от 12 марта 1927 г.

При временном правительстве, при меньшевиках национальный вопрос не мог быть разрешен. Период керенщины характеризуется целым рядом крупнейших конфликтов с народностями России. Достаточно вспомнить конфликт с финляндцами, конфликт с украинцами. Только после Октября национальный вопрос получил свое разрешение. Заключая договор с финляндским правительством, Ленин считал, что на данной стадии необходимо пойти на этот шаг для того, чтобы никто не имел права истолковать нашу позицию в национальном вопросе, как борьбу против права наций на самоопределение. Что же касается отношения меньшевиков к национальному вопросу, то лучшим доказательством их полнейшего бессилия его разрешить, является господство меньшевиков в Грузии, при котором шла звериная борьба между тюрками и армянами.

Теперь, когда прошло уже 16 лет существования Советского государства, целый ряд советских республик мог подвести итоги 10, 12, 15-летнего своего существования. Эти итоги показывают, какой огромный рост производительных сил, какой огромный рост культуры дает советская система каждой отдельной народности. Впервые создана грамотность для десятков народностей, которые ее не имели. Латинизированный алфавит дает возможность широким массам присоединиться к культуре. Издаются газеты, книги, учебники на родном языке. Почти неграмотная до революции Якутия, имевшая до 1917 г. всего 131 школу с 3 500 учащимися, в 1932 г., к 10-летию своего существования, имела 442 начальных школы с 29 тыс. учащихся, охватывая 80% детей школьного возраста, и около полсотни повышенных школ и техникумов с 9 тыс. учащихся. Процент грамотных с 5 до революции достигает здесь 65 в 1932 г. В 1931 г. 776 якутов обучались в вузах СССР, в том числе больше 40% рабочих и батраков. ЯССР имеет молодую якутскую литературу, выходящую на широкую дорогу. Вымирающая до революции Якутия (прирост якутского населения достигал до революции всего 0,3%), Якутия, спаиваемая царскими чиновниками, заражаемая сифилисом, трахомой, гибла от эпидемий черной оспы, туберкулеза, проказы и тому подобных болезней, для борьбы с которыми во всей Якутии имелось десятка два врачей и 104 больничных койки. Население лечилось у шаманов. За 10-летие социалистическая Якутия имеет 23 больницы с 715 койками, больше сотни врачей и более 300 чел. среднего медперсонала. Шаманы как якутские, так и православные потеряли почти всякое влияние, бубен и крест потеряли свою магическую силу. Там, где до революции не было ни одной радиостанции, в 1932 г. их три. Якут, раньше связанный с миром только ленским трактом,—редкими пароходами по Лене, да зимней санной почтой,

теперь связан воздушной почтой с Москвой и со всем миром.

В несколько раз выросла длина телеграфного провода в ЯССР. Благодаря советской власти уничтожена власть местных феодалов-кулаков на землю. Якутия, имевшая всего около 30 тыс. *га* посевов до революции, в 1932 г. посеяла 75 тыс. *га*. Выросло поголовье крупного скота. Якутские рабочие и трудящиеся, которым царское правительство запрещало политически мыслить, создали свои партийные организации. В 1932 г. в Якутской ССР было 3 773 члена и кандидата партии и около 6 тыс. комсомольцев. Это сдвиги только первого 10-летия. Социалистическая Якутия встала на широкую дорогу развития всех своих производительных, материальных и культурных сил.

Или вот другая народность—ойроты. Ойротская автономная область создана была также летом 1922 г. Ойротцы были эксплоатируемым, бесправным народом, находившимся, так же как и якуты, в руках своих маленьких князьков-феодалов. И вот за короткий срок в горах Алтая выросло 77 ойротских изб-читален, выросла своя ойротская грамотность, выросли три газеты на ойротском языке. Умирает власть шамана. Ойротия вступила на путь коллективизации сельского хозяйства, от кочевой жизни переходя к оседлой, создала кадры своих общественников, сотни ойротцев окончили высшие учебные заведения.

Эти возможности дает только пролетарская социалистическая революция. Она перед всеми народностями СССР открыла широкий и верный путь развития.

Октябрьская революция вместе с тем дала самый сильный толчок развитию интернациональных связей. Необходимо помнить, что Союз советских социалистических республик создан был в процессе борьбы Советского государства против империалистов всех стран, в процессе подавления контрреволюции в ряде государств, вошедших в состав СССР. Эта борьба за создание Союза советских социалистических республик неразрывно связана с поддержкой этого Союза пролетариатом и широкими массами трудящегося крестьянства, обеспечившими революции устойчивость в самые трудные моменты.

Беспощадная борьба партии с великорусским великодержавным шовинизмом, национализмом и не менее решительная борьба с местными видами национализма являлись и являются необходимым условием интернационализации масс. Ряд съездов нашей партии и конгрессов Коминтерна поставили во всю ширь национальный вопрос. Партия терпеливо и настойчиво проводит работу в направлении интернационального воспитания. Тысячи предрассудков, укоренившихся в господствующей нации, надо

было побороть, точно так же как надо было побороть чувство местного национализма, порожденное веками национального угнетения, национального бесправия. Решение национального вопроса в СССР поэтому именно имеет огромное международное значение.

Мы шли иногда на «уступки», на «замедление темпов» борьбы; мы считались с наличием отсталости тех или иных национальностей и тогда, когда мы проводили земельное законодательство, и тогда, когда мы вели антирелигиозную пропаганду, когда закрывали рассадники мракобесия—медрессе, уничтожали права шариатских судов, и тогда, когда боролись с такими вековыми остатками рабства, как калым, паранджа, чачван (закрытие лица женщин), и другими видами неравноправия женщин и остатками рабства. Мы подходили иногда с большой осторожностью при разрешении этих вопросов, чтобы на практике, на опыте помочь изжить остатки национализма у тех или иных национальностей, в целях вовлечения этих национальностей на путь более тесного сотрудничества с советскими социалистическими республиками. В этом отношении заслуживает большого внимания договор, который был заключен специальной комиссией Совнаркома в свое время с некоторыми башкирскими деятелями, которые одно время колебались и перешли на сторону нашего врага, на сторону Дутова, Колчака. Националистские тенденции были в то время очень сильны, сильно было стремление отделиться, оторваться от союза с народами бывшей царской России. Эти тенденции подогревались, вдохновлялись империалистами. Это стремление усиливалось тем, что в первые месяцы и даже кое-где в первые годы не были еще изжиты проявления великодержавного шовинизма в этих бывших колониях царской России со стороны прежних колонизаторов, не были изжиты воспоминания десятков лет угнетения под скипетром царской России. Нужно было правильное решение национального вопроса, для того чтобы привлечь на сторону Советского союза эти национальности.

Вот почему такое громадное принципиальное значение имеет для развития освободительного движения угнетенных народов пример пролетарской Октябрьской революции. Еще и сейчас «мир разделен на два лагеря: на лагерь горстки цивилизованных наций, обладающих финансовым капиталом и эксплоатирующих громадное большинство населения земного шара, и лагерь угнетенных и эксплоатируемых народов колоний и зависимых стран, составляющих это большинство»[1].

Программа Коминтерна выдвигает поэтому перед всеми коммунистическими партиями требования:

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, 1933 г., стр. 49—50.

«а) Признание права всех наций, независимо от их расовой принадлежности, на полное самоопределение, т. е. самоопределение вплоть до государственного отделения.

б) Добровольное объединение и централизация военных и экономических сил всех освободившихся от капитализма народов для борьбы против империализма и для строительства социалистического хозяйства.

в) Всемерная и решительная борьба против всяких ограничений и стеснений, направленных против какой-либо народности, нации или расы. Полная равноправность всех наций и рас.

г) Обеспечение и поддержка всеми силами и средствами советского государства национальных культур освободившихся от капитализма наций при последовательной пролетарской линии в деле развития содержания этих культур.

д) Всемерное содействие хозяйственному, политическому и культурному росту прежде угнетенных «областей», «окраин» и «колоний» в направлении социалистического их преобразования, в целях создания прочной базы для действительного и полного национального равенства.

е) Борьба со всеми остатками шовинизма, национальной ненависти, расовых предрассудков и прочих идеологических продуктов феодального и капиталистического варварства» [1].

Эта программа в национальном и колониальном вопросе обязывает все коммунистические партии использовать величайший опыт разрешения национального вопроса, данный Октябрьской революцией. Трудно найти какое-нибудь капиталистическое государство, которому не пришлось бы решать этого вопроса. И японским коммунистам придется решать вопрос в отношении Кореи, в отношении Манчжурии, порабощенных в настоящее время японскими империалистами. И Англии, и Франции, и Италии, и другим государствам придется решать национальный вопрос. Взять хотя бы Великобританию—многонациональную империю, объединяющую целый ряд государств, целый ряд народов. Вряд ли где так силен великодержавный шовинизм «Великой Британии» (даже в части рабочего класса), как в этой стране. Годы, если не десятилетия, надо будет работать над тем, чтобы этот шовинизм преодолеть, ибо без преодоления этого шовинизма коммунистической пратии Великобритании трудно будет объединить усилия рабочего класса и трудящихся стран, находящихся теперь под пятой английского колониального господства, для совместной борьбы против империализма, против власти капиталистов и помещиков. Это может быть достигнуто только в процессе активной борь-

[1] Программа Коминтерна, Партиздат, 1933 г., стр. 42.

бы рабочего класса Великобритании совместно с рабочим классом Индии, Ирландии и других стран, находящихся под господством британского империализма в союзе с колониальными трудящимися массами. Рабочий класс Великобритании должен будет на деле поддержать национально-освободительное движение в колониях на основе полной государственной независимости и суверенитета колониальных народов, на основе решительной борьбы против колониальной политики социал-демократии, как политики активной поддержки империализма в деле угнетения колониальных народов. Без этого рабочий класс Великобритании не может победить. Мы знаем, как в Англии верхушка рабочего класса на протяжении столетия развращалась за счет того золота, которое выкачивается из колоний и полуколоний, за счет буржуазного угнетения и нищеты миллионных масс, воспитывалась в духе национализма, в духе великобританского шовинизма. Только упорная борьба может сломить сопротивление этой привилегированной верхушки, преодолеть такое препятствие, как национализм ирландских и английских рабочих, который подогревается усилиями буржуазных партий. Никогда английский рабочий класс не станет притягательной силой для рабочего класса и трудящихся других наций, живущих на территории Великобританской империи, если он не сумеет преодолеть в себе шовинистического чувства национального превосходства над индусским, ирландским, австралийским крестьянином, если не сумеет разрешить национальный вопрос так, чтобы обеспечить многочисленным народам великобританских колоний и полуколоний возможность развития на основе братского союза советских социалистических республик.

Недоучет значения правильной постановки и правильного решения национального вопроса неизбежно приводит к недоучету роли трудящегося крестьянства, ибо в эпоху империализма, как на это указывает т. Сталин, национальный вопрос «теряет свой изолированный характер и сливается с общим вопросом о колониях». Эта недооценка ведет к величайшим ошибкам, к ослаблению сил революции, дает орудие в руки национальной буржуазии, дает возможность использовать национально-освободительное движение в той или иной стране буржуазным, клерикальным, реакционным элементам.

9

ТРЕТИЙ, КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

II Интернационал не оправдал надежд, которые на него возлагали основоположники коммунизма—Маркс и Энгельс, когда Энгельс писал в письме к Зорге от 12—17 сентября 1874 г., что «следующий Интернационал будет чисто коммунистический».

Если I Интернационал заложил фундамент пролетарской международной борьбы за социализм, а II Интернационал был этапом в подготовке почвы для широкого массового распространения движения в ряде стран, то «Третий Интернационал воспринял плоды работ II Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистскую буржуазную и мелкобуржуазную скверну и начал осуществлять диктатуру пролетариата»[1].

Почву для создания Коммунистического интернационала создала работа большевистской партии с момента ее возникновения на II съезде партии. Большевистская партия была единственной партией, которая в своей программе выдвинула требование борьбы за пролетарскую диктатуру. Это была партия нового типа—партия вооруженной борьбы пролетариата за власть, партия непримиримой борьбы с оппортунизмом, реформизмом, партия пролетарской революции. Еще задолго до образования партии Ленин предсказывал неизбежность раскола в мировом рабочем движении между революционным и оппортунистическим его крыльями. В руководстве II Интернационала почти безраздельно господствовал оппортунизм. Это руководство привело II Интернационал ко времени империалистической войны к полной измене делу рабочего класса, к полному переходу на сторону буржуазии. Мы, большевики, шли с самого начала на раскол не только с меньшевиками в РСДРП, но также с оппортунистами и центристами во II Интернацио-

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 247.

нале, толкая на раскол левых с.-д. Мы стремились к созданию международной большевистской партии во всех странах.

«Но вот вопрос: могли ли русские большевики осуществить раскол со своими оппортунистами и центристами-примиренцами задолго до империалистической войны (1904—1912 гг.), не ведя вместе с тем линию на разрыв, линию на раскол с оппортунистами и центристами II. Интернационала. Кто может сомневаться в том, что русские большевики считали свою политику в отношении оппортунистов и центристов образцом политики для левых на Западе? Кто может сомневаться в том, что русские большевики всячески толкали левых с.-д. на Западе, в частности левых в германской социал-демократии, на разрыв, на раскол со своими оппортунистами и центристами? Не вина Ленина и русских большевиков, если левые с.-д. на Западе оказались не созревшими к тому, чтобы итти по стопам русских большевиков» [1].

Империалистическая война показала не только русским рабочим, но и передовым рабочим других стран, что надо строить новое объединение рабочих, что II Интернационал—«смердящий труп».

При первых же известиях о Февральской революции в России Ленин в письме к т. Коллонтай от 16 марта 1917 г. писал: «Главное теперь—печать, организация рабочих в революционную с.-д. партию... Мы создадим попрежнему свою особую партию и обязательно соединим легальную работу с нелегальной.

Ни за что снова по типу II Интернационала! Ни за что с Каутским. Непременно более революционная программа и тактика... и непременно соединение легальной работы с нелегальной. Республиканская пропаганда, борьба против империализма, попрежнему революционная пропаганда, агитация и борьба с целью международной пролетарской революции и завоевания власти «советами рабочих депутатов» (а не кадетскими жуликами)» [2].

И в «Апрельских тезисах» и в своей речи на совещании большевиков вскоре по приезде из-за границы в 1917 г. Ленин выдвигал задачу не только перемены программы партии и названия партии («вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во всем мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо назваться коммунистической партией» [3], но и

---

[1] Сталин, О некоторых вопросах истории большевизма, «Вопросы ленинизма», 1933 г., стр. 606.

[2] Ленин, Соч., т. XX, стр. 5—6.

[3] Там же, стр. 89.

задачу «обновления Интернационала», «создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против «центра»[1].

Но только после Октябрьской революции стало возможным образование Коммунистического интернационала, ибо Октябрьская революция родилась и окрепла под флагом марксизма, под флагом идей диктатуры пролетариата, под флагом ленинизма—марксизма эпохи империализма и пролетарских революций. Она знаменует поэтому победу марксизма над реформизмом, победу ленинизма над социал-демократией, победу III Интернационала над II Интернационалом.

III, Коммунистический интернационал образовался в 1918—1919 гг. (I конгресс Коммунистического интернационала был в марте 1918 г. в Москве). «Всемирно-историческое значение III, Коммунистического интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием: диктатура пролетариата.

Это гениальное предвидение, эта гениальная теория становится действительностью.

Эти латинские слова переведены теперь на все народные языки современной Европы,—мало того: на все языки мира.

Началась новая эпоха всемирной истории.

Человечество сбрасывает с себя последнюю форму рабства: капиталистическое или наемное рабство.

Освобождаясь от рабства, человечество впервые переходит к настоящей свободе»[2].

С тех пор как были написаны эти слова, которыми Ленин охарактеризовал место III Интернационала в истории, Коммунистический интернационал вписал славные страницы в историю международной борьбы пролетариата за коммунизм, за пролетарскую революцию. Коммунистический интернационал руководит боями рабочего класса и трудящихся масс во всем мире. Путь к победе пролетариата в ряде стран оказался гораздо более мучительным, чем он представлялся вначале. «...Развитие международной революции... не пошло так прямолинейно, как мы этого ожидали»[3].

В марте 1921 г. Ленин на Всероссийском съезде транспортных рабочих указывал на громадное значение того факта, что «во всех странах... из разбитых, потерпевших полное кру-

---

[1] Ленин, Соч., т. XX, стр. 89.

[2] Там же, т. XXIV, стр. 248.

[3] Ленин, Доклад на III конгрессе Коминтерна, Соч., т. XXVI, стр. 451.

шение партий социалистов и социал-демократов, по-русски меньшевиков и эс-еров, образовалась партия коммунистов, опирающаяся на поддержку всего, что есть передового в рабочем классе»[1].

В этом новом международном объединении пролетариата—Коммунистическом интернационале—наша большевистская партия является авангардом. Победа всех коммунистических партий лежит прежде всего на пути их большевизации, на пути освоения того величайшего опыта революционного движения, который накопила наша партия на протяжении 30 лет своей борьбы. Победа пролетарской революции во всем мире была и останется основой в нашей деятельности.

Когда партия наша ставит вопрос о темпах, об ускорении этих темпов, о том, чтобы пробежать в 10 лет расстояние, на которое мы отстали от передовых капиталистических стран,—а отстали мы в некоторых отраслях нашей хозяйственной работы на 50—100 лет,—партия делает это, исходя из интересовне только рабочих и крестьян нашей страны, но из интересов международной пролетарской революции, ибо эти интересы были и останутся для нас всегда самыми важными. В речи «О задачах хозяйственников», говоря о необходимости ускорения темпов нашего хозяйственного развития, т. Сталин как раз указал на эти более серьезные и более важные обязательства,—обязательства перед мировым пролетариатом.

«Рабочий класс СССР есть часть мирового рабочего класса. Мы победили не только усилиями рабочего класса СССР, но и благодаря поддержке мирового рабочего класса. Без такой поддержки нас давно расклевали бы. Говорят, что наша страна является ударной бригадой пролетариата всех стран. Это хорошо сказано. Но это накладывает на нас серьезнейшие обязательства. Ради чего поддерживает нас международный пролетариат, чем мы заслужили такую поддержку? Тем, что мы первые двинулись в бой с капитализмом, мы первые установили рабочую власть, мы первые стали строить социализм. Тем, что мы делаем дело, которое, в случае успеха перевернет весь мир и освободит весь рабочий класс. А что требуется для успеха? Ликвидация нашей отсталости, развитие высоких большевистских темпов строительства. Мы должны двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: вот он мой передовой отряд, вот она моя ударная бригада, вот она моя рабочая власть, вот оно мое отечество,—они делают свое дело, наше дело—хорошо,—поддержим их против капиталистов и раздуем дело мировой революции»[2].

---

[1] Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 288.
[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1933, стр. 584.

На всем протяжении 16 лет пролетарской диктатуры мы дали неисчислимые доказательства верности этому принципу, верности нашему международному знамени Коммунистического интернационала. Если в начале революции мы делали только первые шаги к социализму, то теперь мы дали всему миру неоспоримые яркие доказательства правильности этих шагов. На VII съезде партии, говоря о нашей программе, Ленин подчеркивал огромное значение этих первых шагов, когда говорил:

«Мы только что сделали шаги, чтобы капитализм совсем стряхнуть и переход к социализму начать. Сколько еще этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем. Это зависит от того, когда начнется в настоящем масштабе европейская социалистическая революция, от того, как она легко, быстро или медленно справится со своими врагами и выйдет на торную дорогу социального развития... Что этот империализм начинает эру социальной революции—это тоже факт, который для нас очевиден, который мы должны ясно осознать. На виду всего мира, констатируя этот факт в своей программе, мы факел социальной революции поднимаем не в смысле только агитационной речи—поднимаем как новую программу, говоря всем народам Западной Европы: «Вот то, что мы с вами вынесли из опыта капиталистического развития. Вот каков был капитализм, вот как он пришел к империализму и вот та эра социальной революции, которая начинается и в которой первая роль по времени выпала на нашу долю»[1].

Теперь, к концу шестнадцатого года пролетарской диктатуры мы можем уже сказать, что Октябрьская революция—не только факел социальной революции. Постройка фундамента социалистической экономики, гигантские успехи социалистического строительства, величайшая культурная революция, совершенная за эти годы, создали крепчайшую базу мировой пролетарской революции, крепчайшую базу деятельности III Интернационала. Вот почему передовые рабочие и трудящиеся всего мира защищают это первое в мире социалистическое отечество. Защита Страны советов является обязанностью каждого рабочего, каждого трудящегося любой страны.

«Большевизм с о з д а л идейные и тактические основы III Интернационала, действительно пролетарского и коммунистического, учитывающего и завоевания мирной эпохи, и опыт н а ч а в ш е й с я э п о х и р е в о л ю ц и й»[2].

Программа наша стала программой Коминтерна. Под знаменем Коминтерна вновь и вновь поднимаются на борьбу против империалистов рабочие и трудя-

---

[1] Л е н и н, т. XXII, стр. 351.
[2] Там же, т. XXIII, стр. 385.

щиеся всего мира. Раздавленное в одной стране движение через несколько лет выплывает вновь с новой силой, с учетом пережитого поражения, с учетом того величайшего опыта, который дает всему миру Октябрьская революция. Если с самого начала империалистической войны 1914—1918 гг. для передовых рабочих мира стало ясным, что II Интернационал—«смердящий труп», проводник империалистической политики буржуазии, то после Октябрьской революции II Интернационал разоблачил себя полностью как одно из самых послушных орудий мировой буржуазии в деле удушения пролетарской революции. Борьба против организаций II Интернационала является поэтому неотъемлемой частью борьбы за победу пролетарской революции. Во всем мире социал-демократы прокладывают дорогу фашизму к власти. Борьба на новом этапе еще более обостряется. Еще более обостряет эту борьбу жесточайший кризис капитализма, который вплотную подводит к новому туру империалистических войн, к новому туру революций, к ускоренному созреванию революционного кризиса в капиталистическом мире.

В свое время Ленин отмечал, что величайшим несчастьем для рабочего движения во всех странах является то, что там не было настоящей революционной партии пролетариата. Такие партии теперь созданы, такие партии выковываются во всем мире, эти партии закаляют массы в борьбе. Новый тур империалистических войн и революций застает рабочий класс в состоянии гораздо большей боевой готовности. Рабочий класс имеет перед собой величайший пример победоносной пролетарской революции, пример, сила которого гигантски выросла.

Под знаменем III, Коммунистического интернационала пролетарская революция победит во всем мире.

10

ПОСЛЕВОЕННОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЕГО ОПЫТ

Ленин неоднократно говорил, что в программе мы записываем только то, что основано на твердо установленных фактах, что является прочным выводом из всей нашей революционной борьбы, из всего хода общественного развития[1]. Программа Коммунистического интернационала записала те выводы, которые явились непосредственным результатом Октябрьской революции. «На основе могучего потрясения всего мирового капитализма,—читаем мы в программе Коминтерна,—обострения классовой борьбы и под непосредственным влиянием Октябрьской революции пролетариата произошел ряд революций и революционных выступлений как на континенте Европы, так и в колониальных и полуколониальных странах: в январе 1918 г.—рабочая революция в Финляндии; в августе 1918 г.—так называемые «рисовые бунты» в Японии; в ноябре 1918 г.—революции в Австрии и в Германии, свергнувшие режим полуфеодальных монархий; в марте 1919 г.—пролетарская революция в Венгрии и восстание в Корее; в апреле 1919 г.—советская власть в Баварии; в январе 1920 г.—буржуазно-национальная революция в Турции; в сентябре 1920 г.—захват рабочими фабрик в Италии; в марте 1921 г.—восстание передовых рабочих в Германии; в сентябре 1923 г.—восстание в Болгарии; осенью 1923 г.—революционный кризис в Германии; в декабре 1924 г.—восстание в Эстонии; в апреле 1925 г.—восстание в Марокко; в августе—в Сирии; в мае 1926 г.—всеобщая стачка в Англии; в июле 1927 г.—восстание рабочих в Вене. Все эти факты и наконец такие события, как восстание в Индонезии, глубокое брожение в Индии, великая китайская революция, которая потрясла весь азиатский континент, являются звеньями одной международной революционной цепи, составными

[1] См. например сочинения Ленина, т. XXII, стр. 351.

частями глубочайшего общего кризиса капитализма. Этот международный революционный процесс охватил собою и непосредственную борьбу за диктатуру пролетариата, и национально-освободительные войны, и колониальные восстания против империализма, неразрывно связанные с аграрным движением миллионных масс крестьянства. Громадные массы человечества оказались таким образом втянутыми в революционный поток. Всемирная история вступила в новый фазис своего развития, в фазис длительного общего кризиса капиталистической системы»[1].

Здесь перечислены конечно далеко не все факты непосредственного влияния Октябрьской революции на революционное движение в других странах.

Само собой разумеется, что когда наши враги пытаются в с я к о е революционное движение, всякое выражение недовольства в капиталистических странах объяснить тем, что здесь действует «рука Москвы», то этим лишь подчеркивается огромнейшее влияние Октябрьской революции, которая дала толчок революционной мысли миллионных масс трудящихся во всем мире, втянутых в революционный поток. «Рука Москвы» никакого отношения не имеет к тому, что голодают миллионы индусов, китайцев, малайцев, что безработица царит во всем капиталистическом мире, что кризис выбрасывает на мостовую миллионы голодных рабочих с их семьями. «Рука Москвы» никакого отношения не имеет к тому, что капиталисты пользуются кризисом, для того чтобы снизить жизненный уровень рабочего класса. «Рука Москвы» не имеет никакого отношения к фактам бесчеловечного угнетения рабочего класса и трудящихся колоний и полуколоний и их бесправию. Но когда рабы капиталистического общества восстают против этого общества, они имеют перед собой пример победоносной Октябрьской революции, факт 16-летнего существования СССР и его непрерывного роста. Этого факта нельзя вычеркнуть, этого нельзя никак затушевать. Уже революция 1905 г., меньшая по своему размаху и еще меньшая по своим последствиям, явилась мощным фактором развития революционного движения в ряде стран. Революционное движение на Востоке—в Персии, Турции, Китае,—как и революционное движение в Западной Европе, значительно оживилось под влиянием революции 1905 г. Недаром Николай Романов обращался за помощью и к германскому правительству и к другим правительствам, пугая их призраком русской революции и «анархии».

«Если,—говорил Ленин на III Всероссийском съезде советов,—октябрьская стачка в 1905 г.—эти первые шаги победо-

[1] Программа Коминтерна, стр. 36—37.

носной революции—сразу же перекинулась в Западную Европу и вызвала тогда, в 1905 г., движение австрийских рабочих, если уже тогда мы на практике видели, чего стоит пример революции, выступление рабочих в одной стране, то теперь мы видим, что во всех странах мира социалистическая революция зреет не по дням, а по часам»[1].

Опыт революционного движения в других странах особенно отчетливо показывает, какое громадное значение имело то обстоятельство, что в Октябрьской революции в России во главе рабочего класса и беднейшего крестьянства, участвовавшего в революционном движении, стояла большевистская партия, на протяжении полутора десятка лет накопившая величайший опыт классовой борьбы. Уроки движения в Финляндии, Австрии, Германии, Венгрии, Болгарии, Эстонии и ряде других стран показывают нам наглядно и причины поражения революций в этих странах.

В этом отношении стоит остановиться на некоторых примерах, приведенных в программе Коминтерна. Программа Коммунистического интернационала объясняет поражение пролетариата в ряде стран тем, что оно «является в первую очередь результатом предательской тактики социал-демократических вождей и реформистских лидеров профдвижения, а также результатом того обстоятельства, что за коммунистами не было еще большинства рабочего класса и в ряде важнейших стран не существовало еще коммунистических партий».

Важнейшим фактором, обусловившим поражение пролетариата в первом туре революций после Октября, было то обстоятельство, что в этих странах либо не существовало еще коммунистической партии, либо вновь образовавшиеся коммунистические партии были слишком заражены социал-демократическими идеями, не сумели дать правильной оценки характера происходившей революции, не сумели правильно оценить соотношение сил в этой революции, не сумели привлечь на свою сторону необходимых союзников, провести во-время необходимые мероприятия, обеспечить твердое революционное руководство. В этом отношении чрезвычайно поучительны уроки революции в Финляндии, Болгарии, Венгрии, Германии, Польше и Китае.

Мы не ставим себе задачей в настоящей работе дать подробный анализ послевоенного революционного движения во всех странах. Мы рассматриваем революции в Финляндии, Болгарии и Польше, в качестве примеров того, как неправильная тактика коммунистических партий этих стран сыграла решающую роль в поражении революции. Конечно борьба

---

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 217.

велась далеко не равными силами. Классовый враг был лучше организован, он был лучше вооружен, он имел на своей стороне организационный опыт гораздо больших размеров, он имел поддержку международного империализма. Тем не менее правильная или неправильная политика партии является одним из решающих факторов в победах и поражениях революций послевоенного времени во всех решительно странах.

Это послевоенное революционное движение происходило под непосредственным влиянием Октябрьской революции в России. В ряде стран, как например в Германии, социал-демократические меньшевистские традиции, охватывавшие еще значительную часть рабочего класса, сыграли прямо контрреволюционную роль. Меньшевики стремились использовать возникшие советы, для того, чтобы превратить их в никчемные, бесполезные придатки к аппарату буржуазной государственной власти. Так германские и австрийские «независимые» меньшевики допускали соединение советов с национальным собранием. Приводя обращение партии «независимых» к пролетариату от 11 февраля 1919 г., в котором «независимые» предлагали легализовать советы, дать им государственные права, дать им право приостанавливать решения национального собрания, передавая их на всенародное голосование, Ленин высмеивал это предложение как показатель «...полного идейного краха теоретиков, защищавших демократию и не понимавших ее буржуазного характера». «Смехотворная попытка,—пишет Ленин,—соединить систему Советов, т. е. диктатуру пролетариата, с Национальным Собранием, т. е. с диктатурой буржуазии, разоблачает до конца и убожество мысли желтых социалистов и социал-демократов, и их политическую реакционность мелких буржуа, и их трусливые уступки неудержимо растущей силе новой, пролетарской, демократии»[1].

«Эта попытка,—пишет Ленин в другом месте,—совместить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата есть полное отречение и от марксизма, и от социализма вообще, есть забвение опыта русских меньшевиков и «социалистов-революционеров», которые с 6 мая 1917 г. до 25 октября 1917 г. (старого стиля) проделали «опыт» сочетания Советов как «государственной организации» с буржуазной государственностью и позорно провалились на этом опыте»[2].

«...Эсеровские и меньшевистские вожди проституировали Советы, сводили их на роль говорилен, на роль придатка к соглашательской политике вождей. Советы гнили и разлагались заживо под руководством Либеров, Данов, Церетели,

---

[1] Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 15.
[2] Там же, стр. 318.

Черновых. Развиться настоящим образом, развернуть полностью свои задатки и способности Советы могут, только взяв в с ю государственную власть, ибо иначе им н е ч е г о д е л а т ь, иначе они либо простые зародыши (а слишком долго зародышем быть нельзя), либо игрушки. «Двоевластие» есть паралич Советов»[1].

Если Октябрьская революция сыграла громадную роль в развитии мирового рабочего движения, если движение за советы охватило миллионные массы во всех странах, то несомненно ход борьбы в нашей стране также в значительной степени зависел от хода и исхода этого движения в других странах. Победы и поражения рабочего класса в Западной Европе и революционного движения в других странах оказывали громадное влияние на нашу борьбу в Советском государстве. Когда Ленин получил письмо от Клары Цеткин, в котором она писала, что «головой и сердцем она за нас», Ленин отвечал:

«Глубокоуважаемая т. Цеткин!

...Нас всех чрезвычайно радует, что вы, т. Меринг и другие «товарищи-спартаковцы» в Германии «головой и сердцем с нами». Это дает нам уверенность, что лучшие элементы западно-европейского рабочего класса несмотря на все трудности придут нам на помощь.

Мы теперь переживаем здесь может быть самые трудные недели за всю революцию. Классовая борьба и гражданская война проникли вглубь населения: всюду в деревнях раскол—беднота за нас, кулаки яростно против нас. Антанта купила чехо-словаков, бушует контрреволюционное восстание, вся буржуазия прилагает все усилия, чтобы нас сбросить. Тем не менее мы твердо верим, что избегнем этого «обычного» (как в 1794 и 1849 гг.) хода революции и победим буржуазию.

С большой благодарностью, наилучшими приветами и горячим уважением

Ваш Л е н и н»[2].

При первых же известиях о начавшейся в Германии революции Ленин дает указания немедленно созвать объединенное собрание ЦК, Моссовета, райсоветов, профессиональных организаций и сделать ряд докладов о начавшейся революции в Германии.

«Междунар[одная] р[е]в[олю]ция приблизилась з а н е д е л ю на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием д н е й б л и ж а й ш и х.

Никаких союзов ни с правительством Вильгельма, ни с прав[ительст]вом В[ильгельма] П+ Эберт и прочие мерзавцы.

---

[1] Л е н и н, Соч., т. XXI, стр. 258.
[2] «Ленинский сборник», т. XXI, стр. 249.

Но немецким рабочим массам, немецким трудящимся миллионам, когда они начали своим духом возмущения (пока еще т о л ь к о духом), мы братский союз, х л е б, помощь военную н а ч и н а е м г о т о в и т ь.

Все умрем за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперед начавшейся в Германии революции»[1].

Ленин рассылает «срочно, вне всякой очереди» прифронтовым губисполкомам телеграмму, что «необходимо напрячь все усилия для того, чтобы как можно скорее сообщить это немецким солдатам на Украине и посоветовать им ударить на красновские войска, ибо тогда мы вместе завоюем десятки миллионов пудов хлеба для немецких рабочих и отразим нашествие англичан, которые теперь подходят эскадрой к Новороссийску»[2].

Опыт германской ноябрьской революции 1918 г., опыт Владайского восстания в Болгарии, а также сентябрьского восстания 1923 г. в Болгарии с неопровержимой очевидностью учит тому, что политика компартии, ее ведущая роль являются решающими факторами победы пролетарской революции. Крупнейшей ошибкой союза «Спартак», руководимого Р. Люксембург и К. Либкнехтом, была недооценка роли пролетарской коммунистической партии как единственной и безраздельной руководительницы классовых боев пролетариата против буржуазии за ее насильственное свержение, за установление пролетарской диктатуры. Известно, что в первые месяцы революции «Спартак» представлял собой оформлявшееся внутри германской независимой с.-д. политическое течение, а не боевую монолитную партию. В самостоятельную партию союз «Спартак» выделился из независимой с.-д. только в конце декабря 1918 г. Это опоздание с организационным расколом с независимцами имело крайне тяжелые и вредные последствия для германской революции. В значительной степени причина поражения германской революции заключается в том, что к моменту решающих январских боев германский рабочий класс остался без твердого руководства, поскольку германской коммунистической партии как сильной массовой организации к тому времени еще не было. Ленин именно в этом факте усматривает одну из главнейших причин поражения германской пролетарской революции 1918—1919 гг. К моменту революционного кризиса «действительной революционной партии»,—свидетельствует Ленин,—у немецких рабочих «не оказалось вследствие опоздания с расколом, вследствие проклятой традиции «единства» с продажной (Шейдеманы, Легины, Давиды и К°) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги и К°) бандой лакеев капитала...

...Вот почему развитие революционного движения в Германии

[1] «Ленинский сборник», т. XXI, стр. 252—253.
[2] Там же, стр. 256.

ило, начиная с конца 1918 г., особенно тяжелым и мучительным путем» [1].

В программных и тактических вопросах «Спартак» также не избавился еще от социал-демократического наследия.

На своем первом учредительном съезде, на котором образовалась коммунистическая партия Германии, спартаковцы, в лице своего вождя Р. Люксембург и под ее руководством, еще не ставили вопроса о борьбе за власть в качестве очередной непосредственной задачи. В своей программной речи на этом съезде Р. Люксембург дала например такую характеристику очередных задач революции: «Вся сущность этой революции,— заявила Р. Люксембург,—характеризуется тем, что стачки должны все более и более разрастаться и становиться центральным пунктом, главным делом революции.

Это—экономическая революция, благодаря которой германская революция превращается в социалистическую революцию»[2]. Это утверждение Р. Люксембург является грубейшим извращением марксизма, преклонением перед стихией стачек, недооценкой организующей и руководящей роли партии в подготовке и в проведении вооруженного восстания. Нельзя было ограничивать работу спартаковцев только агитационно-пропагандистскими задачами, не ведя организационной работы по технической подготовке вооруженного восстания. А между тем такой работы спартаковцами не велось. Р. Люксембург оставалась в этом вопросе на своих старых оппортунистических позициях, когда она по поводу всеобщей стачки писала: «Вместо того, чтобы ломать себе голову над технической стороной дела, над механизмом массовой стачки, социал-демократия призвана быть политической руководительницей, а в разгар революционного периода давать пароль, направление в борьбе»[3]. Опыт январских боев 1919 г. в Германии служит для международного пролетариата наглядным доказательством того, что в борьбе за пролетарскую диктатуру нельзя лишь «давать пароль и направление в борьбе», а нужно еще непосредственное боевое практическое руководство борьбой пролетариата, необходима большая организационная работа по технической подготовке, по руководству вооруженным восстанием за свержение буржуазии, за установление диктатуры пролетариата.

При всех ошибках, которые были допущены Розой Люксембург в отношении Октябрьской революции, нельзя пройти мимо того, что она, Меринг и Карл Либкнехт сыграли большую роль в деле защиты Октябрьской революции, в деле пропаганды вели-

---

[1] Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 485—486.

[2] Р.-Люксембург, Речи, стр. 111.

[3] «Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия», стр. 44, изд. 1919 г.

чайшего значения этой революции среди германских рабочих. В «Роте фане» № 5 от 30 ноября 1919 г. в статье «О национальном собрании» Р. Люксембург пишет:

«Диктатура пролетариата не есть бомба, крамола, путч, «анархия», как изображают ее агенты капиталистических прибылей, но она есть использование всех пролетарских средств власти для реализации социализма, для экспроприации капиталистических классов в целях революционного большинства пролетариата, следовательно и для социалистической демократии».

Отвечая Гаазе и другим «независимым» в речи на общем собрании берлинской организации «независимых» 15 декабря 1918 г., Р. Люксембург говорила: «Когда нам преподносят клевету на русских большевиков, мы должны в ответ неизменно отвечать: а где же вы научились языку вашей теперешней революции? Вы получили его от русских в виде рабочих и солдатских советов, и те людишки, которые ныне стоят во главе германского так называемого социалистического правительства, считают своим долгом заодно с английскими империалистами чернить русских большевиков. В то же время они ополчаются и против рабочих и солдатских советов. Они должны признаться в том, что первый лозунг мировой революции дала русская революция. Мы можем с уверенностью сказать—это подтверждается с очевидностью всей ситуацией, что в какой бы стране после Германии ни разразилась пролетарская революция, ее первым делом будет образование советов рабочих и солдатских депутатов. Именно это и составляет объединяющую международную связь наших выступлений. Этот лозунг резко отличает нашу революцию от остальных прежних буржуазных революций...»

Но признавая, что «русская революция—самый значительный факт мировой войны», что «партия Ленина была единственной в России, которая поняла действительные интересы революции», что «Октябрьское восстание было не только действительным спасением русской революции, но и спасением чистоты международного социализма», Р. Люксембург к сожалению не отделалась от ошибок меньшевистского характера, которые мешали ей и ее сторонникам дать правильные лозунги революции. Она совершенно по-меньшевистски заявляла, что декрет о земле не только «не социальная мера», но что «он отрезает путь к таковой», что создается новая частная собственность, на основе которой кулаки и спекулянты в деревне становятся «основными элементами, извлекающими пользу из аграрной революции».

Правильно понять происходящие в России события мешали Р. Люксембург ошибки в национальном вопросе. Она писала, что «так называемое право «самоопределения народов» приве-

ло к «распадению России», что «знаменитое право самоопределения народов» есть не что иное как «неправильная мелкобуржуазная фразеология и ерунда», что «трагическая судьба этой фразеологии русской революции, в шипах которой запутались и до крови изранили себя большевики, должна служить предостережением мировому пролетариату».

Эти же ошибки были у Р. Люксембург и в отношении Учредительного собрания, и в вопросе о свободе печати. В этих вопросах Р. Люксембург в значительной степени скатывалась на точку зрения Каутского, считая, что главной ошибкой большевиков было противопоставление понятия буржуазной диктатуры понятию пролетарской демократии. Не менее роковую роль наконец в неправильном понимании русской революции у Р. Люксембург и ее сторонников сыграло и то, что она по-троцкистски отрицала возможность построения и победы социализма в России раньше, чем победит социалистическая революция в передовых странах капитализма. Исходя из этой меньшевистской точки зрения, Люксембург считала, что значение Октябрьской революции состоит только в том, что она первая начала, что она первая «осмелилась». Однако Р. Люксембург считала, что «...в России эта проблема (победа социализма.—*Е. Я.*) могла быть только поставлена, она не могла быть разрешена в России».

Мы говорим об этих ошибках Р. Люксембург отнюдь не для умаления ее памяти как преданнейшего делу пролетариата борца за коммунизм. Мы говорим об этих ошибках потому, что на протяжении ряда лет именно благодаря обаянию Р. Люксембург как революционерки ее ошибки стали ошибками значительной части деятелей рабочего движения. Борьба против этих люксембургианских ошибок, борьба за их выкорчевывание является основным условием, неразрывной частью нашей борьбы за победу идей большевизма, за победу пролетарской революции.

Аналогичные ошибки предопределили поражение революции и в ряде других стран.

Более чем десятилетнее легальное существование социал-демократической партии Финляндии до революции 1917 г. и сравнительно большие успехи этой партии в деле легальной организации рабочего класса, в деле завоевания избирательных урн создали среди руководителей и значительной части членов партии увлечение парламентаризмом. Образовавшееся еще в период первой русской революции в России центристское, каутскианское крыло («салтасари» или ерухгольмское течение) болело всеми центристскими болезнями. Победа на выборах в 1916 г., когда социал-демократическая партия получила 103 места в парламенте из 200, вскружила головы вождям партии, еще более прочно укрепив в них парламентские иллюзии.

«Нас совершенно ослепил обманчивый блеск демократического парламентаризма,—писал впоследствии т. О. В. Куусинен, резко критикуя этот период деятельности финских социалистов.—Если бы у нас не было однопалатной системы, пропорциональных выборов и весьма демократического избирательного права, если бы партия наша в избирательной борьбе не завоевала уже (летом 1916 г.) большинства мест в сейме,—мы вряд ли с такой легкостью поддались бы весенним соблазнам. Но тогда нам казалось, что парламентский демократизм открывает нашему рабочему движению неожиданно широкий и ровный путь к цели. Наша буржуазия не имела в своем распоряжении ни армии, ни даже сколько-нибудь надежной полиции; мало того, у нее не было даже возможности добиться законным путем их организации, так как для этого потребовалось бы согласие социалистического большинства сейма. Казалось таким образом, что у социал-демократии не было ни малейшего основания к тому, чтобы сойти с пути парламентской законности: этот путь повидимому обещал ей целый ряд легких побед над буржуазией»[1].

Это ослепление обманчивым блеском демократического парламентаризма помешало финской социал-демократической рабочей партии найти свое настоящее место в революции, помешало ей стать настоящим руководителем рабочего класса в деле свержения буржуазии и дало возможность буржуазии окопаться и подготовить силы для нанесения решительного удара пролетарской революции Финляндии. Рабочие на деле убедились в течение 1917 г., что «Красный сейм», в котором большинство мест принадлежит социал-демократам, не провел сколько-нибудь значительных мероприятий для улучшения положения рабочего класса и широких масс крестьянства. Вместо того чтобы организовать массы для решительной борьбы бок о бок с пролетариатом России за свержение буржуазии, финская социал-демократия увлеклась новыми выборами, на которых она потерпела поражение: в 1916 г. за финских социал-демократов голосовало 47,3% общего числа избирателей, на выборах 1917 г.—44,8%. И в то время, когда в России уже назревала Октябрьская революция, финская социал-демократия продолжала ждать решения вопроса революции в парламенте. «Правительство Керенского дрожало, как осина перед бурей. Власть большевиков росла, как грозовая туча. Однако вместо того, чтобы, учитывая требования момента, посвятить все свои силы подготовке революции, наша социал-демократическая партия, сложа руки, продолжала ожидать возобновления засе-

---

[1] О. В. Куусинен, Революция в Финляндии, стр. 4—5.

данпй сейма»[1]. Так характеризует т. Куусинен этот решающий момент подготовки к революции.

А между тем в Финляндии имелись все данные для победоносной социалистической революции: сравнительно высоко развитая промышленность, организованный в профсоюзы рабочий класс (составляющий около 15% населения), причем социал-демократическая партия насчитывала около 125 тыс. членов, значительные массы безземельного крестьянства и особенно бесправных тропарей-арендаторов. Финляндской революции была обеспечена поддержка русской революции, ее Красной гвардии, ее флота. Но партия, которая стояла во главе рабочего класса, не способна была вести этот рабочий класс в бой, она отказалась вступить на путь революции. «Отказ этот,—пишет т. Куусинен,—логически вытекает из тех убеждений, которыми была проникнута вся наша многолетняя деятельность. В самом деле, мы были здесь социал-демократами, а не марксистами.

Как социал-демократы мы стояли на точке зрения мирной, постепенной, отнюдь не революционной классовой борьбы... Мы не верили в революцию, не возлагали на нее никаких надежд и не стремились к ней. В этом отношении мы были типичными социал-демократами»[2].

Финская социал-демократия «не желала подвергать опасностям демократические завоевания», она надеялась путем «искусных парламентских маневров обойти водоворот истории». Им не удалось обойти историю,—движение началось при менее выгодных для них условиях и привело к поражению рабочий класс. А буржуазия тем временем тщательно готовилась. Она связалась с буржуазией Швеции, создала во всей стране организацию шюцкоров, организацию добровольных стрелков из буржуазных и купеческих сынков, связалась с командованием германской армии, которое в решающий момент послало генерала фон дер Гольца с двадцатитысячной гвардией для подавления финской революции. Финские социал-демократы упустили момент. И когда в январе 1918 г. стихийно начавшееся движение вылилось в восстание рабочего класса, буржуазия оказалась в более выгодных условиях борьбы, чем пролетариат.

Лишь на время восстание рабочего класса победило. 26 января 1918 г. было принято решение о переходе власти в руки рабочих. Образовался Совет народных уполномоченных под председательством К. Маннера. Однако положение не было использовано для того, чтобы создать всюду советы рабочих депутатов как органы пролетарской диктатуры. Вновь созданное рабочее правительство—Совет народных уполномоченных—не предста-

---

[1] О. В. Куусинен, Революция в Финляндии, стр. 11.
[2] Там же, стр. 14—15.

вляло себе ясно дальнейших задач революции, не имело правильной, точной установки дальнейшей борьбы. В Совете народных уполномоченных, так же как и во всей социал-демократической партии, продолжали господствовать парламентские иллюзии. «Финская социал-демократия во время зимней революции 1918 г. не стремилась выйти за пределы системы народного представительства. Напротив того, она хотела усовершенствовать эту систему, сделав ее истинно демократической формой правления»[1].

«Совет народных уполномоченных хотел путем упрочения демократического строя перекинуть мостик от капитализма к социализму. Он хотел сделать этот строй переходной ступенью между этими двумя стадиями общественного развития»[2].

Показательно, что эта тактика финской рабочей партии и ее Совета народных уполномоченных была встречена весьма сочувственно меньшевиками. «Переворот в Гельсингфорсе,—читаем мы в «Новой жизни» от 21 мая 1918 г.,—по существу своему глубоко отличен от «захвата власти» большевиками и воистину может быть назван тем термином, на который не имеет право существующий сейчас «смольный режим», а именно—«диктатура пролетариата». В финляндской рабочей революции нет ни крикливых обещаний скоропалительного социализма, ни воинственной «беспощадности», которой так любят хвастать властители солдатских дум из Смольного».

Совет народных уполномоченных не использовал период власти для привлечения на сторону пролетариата широких масс крестьянства. Также и рабочее законодательство этого правительства носит крохоборческий характер, носит отпечаток дум о мостике между социализмом и капитализмом. Еще менее революционным является законодательство Совета народных уполномоченных в области аграрных отношений. Новая власть не смогла привлечь на сторону революции безземельных крестьян, арендаторов (тропарей), батраков, активно боровшихся против помещиков и кулаков. Однако Совет народных уполномоченных не нанес даже удара по крупнейшим помещичьим хозяйствам. Этим был предрешен исход революции. Несмотря на весь героизм, проявленный рабочим классом, несмотря на его самоотверженную борьбу, несмотря на упорную борьбу финской красной гвардии, движение было раздавлено объединенными силами генерала Маннергейма и экспедиционным корпусом генерала фон дер Гольца.

Десятки тысяч рабочих погибли в этой борьбе, были расстреляны, зверски избиты озверевшей буржуазией, мстившей рабочему классу за свое временное поражение, за свой испуг.

---

[1] Там же, стр. 28.
[2] Там же, стр. 32.

Так была разгромлена пролетарская революция в Финляндии. Основными причинами этого поражения являются:

1. Господство социал-демократических парламентских иллюзий у руководителей партии и рабочего класса.

2. Отсутствие выдержанной коммунистической большевистской партии, способной руководить движением.

3. Половинчатость и непоследовательность программы Совета народных уполномоченных в вопросах рабочего и аграрного законодательства.

4. Неумение привлечь на сторону пролетариата его естественного союзника—безземельное крестьянство и арендаторов (тропарей) батраков.

5. Медлительность действия, забвение основного требования «искусства» восстания, которое требует наступления, когда восстание уже объявлено, когда «промедление—смерти подобно».

6. Эта медлительность дала возможность классовому врагу организовать большие силы для подавления революции. Революция пала благодаря объединенным усилиям финской, шведской и германской буржуазии.

Ленин говорил: «Разбитая армия хорошо учится». Мы глубоко убеждены в том, что этот урок финской революции многому научил финский рабочий класс. У него есть в настоящее время коммунистическая партия, лучшие деятели финского рабочего движения встали в ряды этой партии. И в те дни, когда финский рабочий класс вновь подымет знамя восстания против капитализма, он не повторит роковых ошибок, которые привели его к поражению. Он победит.

★ ★ ★

Не менее поучительно в этом отношении послеоктябрьское революционное движение в Болгарии. После Владайского восстания 1918 г., в котором обнаружились все основные ошибки партии «тесняков», в частности их тактика нейтралитета по отношению к крестьянскому восстанию, сентябрьское восстание 1923 г. явилось испытанием того, сумеет ли на этот раз болгарская компартия извлечь большие политические уроки из пережитых поражений. В сентябре 1923 г. компартия Болгарии должна была руководить впервые вооруженным движением масс, направленным к свержению болгарской буржуазии, к организации рабоче-крестьянского правительства. Несомненно,что в сентябре 1923 г. руководство болгарской компартии, как это отмечает резолюция политсекретариата ИККИ по болгарскому вопросу (1930 г.), сделало «решающий шаг по пути большевистской тактики. Сентябрьское восстание означало для партии перелом и в том смысле, что внутри ее началась новая диференциация. Но правое крыло продемон-

стрировало свою неспособность и свое нежелание стать большевистским и открыто перешло на социал-демократические позиции. В основной части старых кадров, так же как и в среде новых, начался процесс большевистской перековки».

Объективные условия, сложившиеся в сентябре 1923 г., создали обстановку, благоприятную для победы провозглашенного ЦК компартии Болгарии восстания. Однако несмотря на то, что летнее восстание 9 июня потерпело поражение в результате целого ряда чисто социал-демократических ошибок, вроде «нежелания впутываться в спор между двумя кликами буржуазии», руководство болгарской компартии не сумело осознать этих ошибок, а сторонники этих ошибок продолжали руководить движением. Отсюда—развинченность, расхлябанность этого движения, его разрозненность и колебания, обнаруженные в самые решающие моменты. Что было бы например, если бы накануне Октябрьского восстания ЦК нашей партии поручил, скажем, Каменеву или Зиновьеву руководить восстанием в Ленинграде? Ничего кроме поражения. А в Софии руководство восстанием было поручено Луканову—человеку, который был решительным противником восстания и способен был только саботировать мероприятия, направленные к его победе. А разве это пустяки—вопрос о том, кто руководит восстанием? Не было и других условий успеха—сосредоточения основных сил для удара в главном месте. Далеко не были изжиты конституционные парламентские иллюзии и, объявляя восстание, ЦК компартии Болгарии топталось на одном месте, выдвигая лозунг «действительно парламентского режима» в такой момент, когда речь шла о завоевании власти.

Мы отмечаем здесь лишь главнейшие ошибки, которые были допущены во время этого восстания, ошибки, приведшие к поражению. Мы могли бы отметить и то, что совершенно недостаточно было использовано революционное движение крестьянства, не были созданы партизанские отряды, которые могли бы в значительной степени дезорганизовать действия правительства; не были созданы советы, которые могли бы придать совершенно другой характер начавшемуся движению. Вот почему уроки сентябрьского восстания в Болгарии имеют громадное значение для всей дальнейшей судьбы революции в Болгарии. Болгарские коммунисты должны основательно учесть уроки восстания 9 июня и сентябрьского восстания 1923 г., для того чтобы в новых условиях не повторить роковых ошибок, приведших к поражению. Болгарская революция после Октября 1917 г. очень робко, очень непоследовательно пошла по линии создания советов. Болгарская коммуни-

стическая партия, образовавшаяся на обломках старой «тесняцкой» партии Болгарии, не сразу освободилась от крупных социал-демократических ошибок в теории и на практике. Но успехи болгарского движения за последние годы показывают, что болгарские коммунисты сумеют на новом этапе по-большевистски поставить и разрешить вопросы, связанные с завоеванием власти рабочими и крестьянами Болгарии, что уроки Октябрьской революции усвоены лучшей частью болгарских коммунистов, что они ведут решительную борьбу со старым наследием. В числе этого старого хлама, который приходится выбрасывать за борт и с которым приходится бороться еще в течение целого ряда лет, находятся и социал-демократические традиции, которые, как мы видели, явились одним из серьезных препятствий к победе революции в Финляндии и которые также явились препятствием к победе революции в Болгарии.

* * *

Огромным потоком разлилось революционное движение в Польше под влиянием Октябрьской революции. Лозунг советов нашел большой отклик в среде польского пролетариата. В течение ряда лет рабочее движение в Польше было непрерывно связано со всем остальным движением в России. Совместная борьба против царизма, против буржуазии и помещиков сблизила польский пролетариат и пролетариат всей остальной России, несмотря на разлагающую шовинистическую работу народовых демократов, пепеэсовцев, «Бунда», сионистов и других буржуазных и мелкобуржуазных организаций Польши.

Вот почему лозунг «вся власть советам» нашел такой горячий отклик в передовых слоях рабочего класса Польши. Почти во всех городах созданы были советы рабочих депутатов, а в уездах советы батрацких депутатов. В десятках уездов были созданы советы сельскохозяйственных рабочих. Движение не ограничилось только батрацкими элементами деревни; оно захватывало гораздо более широкие крестьянские слои. Однако ошибкой ПСД было то, что эта партия, являясь единственной революционной партией в Польше, страдала болезнью люксембургианства как в вопросе об отношении к крестьянству, к крестьянскому движению, так и в особенности в вопросе национальном. Эти ошибки сыграли решающую роль в поражении движения, в результате этих ошибок в движение не были вовлечены миллионы бедняков, безземельных крестьян.

Будучи движением рабочего класса, рабочих городов и сельскохозяйственных рабочих, оно в этот решающий момент не сплотило вокруг себя все демократические элементы Польши. ПСД отдала значительную часть этих элементов в руки бундовцев, пепеэсовцев, сионистов и реакционных организаций Поль-

ши. Эти партии приняли участие в советах, так же как и германские социал-демократы меньшевики, именно для того, чтобы обезвредить советы, чтобы сделать их безвластными, чтобы распустить их, как только можно будет передать власть полностью в руки буржуазии. Как рассматривали пепеэсовцы роль советов в тот момент, видно из того, что в декабре 1918 г. XV съезд ППС в резолюции по вопросу о совете рабочих депутатов говорил, что «социалистические представители в советах рабочих депутатов должны оставаться подсобными органами для реализации распоряжений, декретов и намерений народного правительства». Тем не менее советы в Польше сыграли большую революционную роль. Как ни коротко было их существование в Польше, как бы ни старались умалить значение этого периода для развития революционного сознания польских рабочих,— «советский период в Польше» оставил неизгладимый след в сознании рабочего класса и батрацких масс Польши. Воспоминания об этом периоде живут, и они несомненно вспыхнут с особой силой, когда создадутся вновь условия для развития этого движения в Польше.

Особенно большую роль сыграли Варшавский и Домбровский советы рабочих депутатов. Правда, вначале в варшавском совете рабочих депутатов большинство принадлежало не ПСД, а бундовцам и ППС, причем бундовцы вначале создали свой особый «еврейский совет рабочих депутатов». ППС тоже организовала с в о й совет рабочих депутатов; но позднее, когда советское движение приобрело гораздо более широкие размеры, под давлением рабочих масс и бундовцы и пепеэсовцы вынуждены были пойти на создание единого совета рабочих депутатов. Первые же дни и недели борьбы внутри совета обнаружили растущее влияние польских коммунистов. Это влияние сказалось и на расколе ППС, левое крыло которой («левица») все более и более сближалось с польскими коммунистами.

Домбровский совет рабочих депутатов имел также большое значение для развития советского движения в рабочем, особенно горняцком, населении Польши. Введение 8-часового рабочего дня и поднятие зарплаты на 100%, проведенное постановлением Домбровского совета рабочих депутатов, сразу же подняло его значение. Красная гвардия, созданная постановлением Домбровского совета, проявила большую деятельность. В Сосновицах, в части города благодаря поддержке красной гвардии одно время власть находилась в руках советов (до половины января 1919 г.). Понадобилось несколько полков пехоты, кавалерии и даже артиллерии для разоружения отрядов красной гвардии. Большинство в Домбровском совете принадлежало коммунистам, тогда как во всех других советах городов большинство принадлежало мелкобуржуазным партиям,

пепеэсовцам, бундовцам, сионистам и др. В о м н о г и х б а т р а ц к и х с о в е т а х б о л ь ш и н с т в о б ы л о к о м м у н и с т и ч е с к о е.

Несмотря на ошибки, которые допустили в этот период польские коммунисты и о которых мы говорили выше,— ошибки, вытекавшие из люксембургианских установок в аграрном и национальном вопросе,—польские товарищи явились в рабочих массах Польши проводниками идей Октябрьской революции. Видя это нарастающее влияние коммунистов в советах, мелкобуржуазные партии решили пойти на разгон советов. Летом 1919 г. буржуазия убедилась, что настал момент, и начала расправу с коммунистической частью советов, профсоюзов и других рабочих организаций, опираясь на поддержку пепеэсовцев и бундовцев. Введены были исключительные законы и полевые суды в Варшаве и Домбровском районе. В срыве революционного движения, в его ликвидации—особенно с 1 апреля 1919 г.—на территории всей Польши бундовцы и пепеэсовцы сыграли предательскую роль. Так они сорвали всеобщую стачку, назначенную на 29 апреля 1919 г., когда собирался сейм. Благодаря их поведению стал возможен разгон и разгром советов рабочих депутатов, разгром революционного движения рабочего класса, организационных центров этого движения.

Разгромив советы, пилсудчина могла легче справиться с движением рабочего класса. Момент, когда польские коммунисты могли возглавить широкое движение рабочих и крестьянских масс, был несомненно упущен, и в этом также сыграли большую роль люксембургианские ошибки. Эти ошибки и в понимании организационных задач партии, и в понимании роли пролетариата как гегемона революции, и в отношении к крестьянству как союзнику пролетариата, и меньшевистское понимание подготовки и организации вооруженного восстания, меньшевистская теория революции как «тактики процесса»,— сыграли важнейшую роль и в значительной степени определили исход борьбы.

Взять хотя бы например отношение к крестьянству. Исходя из правильных предпосылок о преимуществе крупного обобществленного сельского хозяйства над мелким хозяйством, польские коммунисты в момент массового крестьянского движения выдвинули такой антиреволюционный лозунг: «Не рубите лесов, не разрушайте помещичьих усадеб». В то время как крестьяне рвались к разделу помещичьих имений, партия допускала распространение такого рода агитационных брошюр, в которых говорилось, что не следует допускать грабежа имений, как это было в Советской России. Именно это неправильное отношение к крестьянству привело к тому, что партия не выдвинула даже

лозунга образования советов рабочих и крестьянских депутатов.

Те же самые ошибки имели место и в национальном вопросе. В одном из документов—политической платформе учредительского съезда—мы читаем, что «в период международной социальной революции, разрушающей основы капитализма, польский пролетариат отбрасывает всякие политические лозунги, как автономию, самостоятельность и самоопределение, опирающиеся на развитие политических форм в капиталистический период». Эта люксембургианская постановка национального вопроса несомненно помогла пилсудчикам, используя эту ошибку наших польских товарищей в национальном вопросе, обмануть массы.

Однако при всех этих ошибках ПСД осталась единственной партией, хотя и расходящейся с большевизмом по ряду основных вопросов, тем не менее сплотившей наиболее революционные элементы Польши. Результатом борьбы явилось объединение ПСД и «левицы» ППС в коммунистическую партию Польши. Эти две организации объединились—как это говорится в воззвании объединительного съезда—«в качестве одного из революционных отрядов Интернационала, идущего к последним решительным боям».

Годы борьбы не прошли даром для компартии Польши. Она пережила за это время ряд побед и поражений. Она научилась в этой борьбе руководить массами. Она окрепла идеологически, разгромив правых оппортунистов и в борьбе с «левой» революционной фразой. Новый подъем революционного движения будет происходить в обстановке, когда во главе рабочего класса, во главе широких крестьянских масс Польши стоит коммунистическая партия Польши, закаленная в боях и вооруженная программой марксизма-ленинизма. Она учтет все прошлые ошибки, которые помешали ей в первом туре пролетарских революций победить и создать советскую Польшу.

11

НАШИ ВРАГИ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мы приводили уже отзывы наших врагов об Октябрьской революции. Октябрьская революция нанесла смертельный удар не только буржуазии, она нанесла не менее смертельный удар теории и практике реформистских меньшевистских партий II Интернационала. 16 лет борьбы за пролетарскую диктатуру в Советском государстве показали рабочим массам во всем мире действительное лицо II Интернационала. II Интернационал после Октябрьской революции пережил своеобразный период «послевоенного процветания». Отдав все свое влияние на службу буржуазии, посадив своих соратников в буржуазные министерства во время войны, социал-демократы естественно ждали наград от своего хозяина за верную службу.

Хозяин—мировая буржуазия—отнесся благосклонно к этому своему союзнику. Он наградил его парламентскими местами, министерскими портфелями, теплыми местечками. Социал-демократия перешла полностью на службу буржуазии. После войны ее предательская роль еще более усилилась. В целом ряде капиталистических государств за это время социал-демократы наглядно продемонстрировали роль и значение партии II Интернационала у власти. Социал-демократическое правительство Эберта, Шейдемана, Носке, социал-демократическое правительство во главе с Германом Мюллером, Цергибелем и Гржезинским, расправа «кровавой собаки Носке», Гржезинского и других полицейских социал-демократических воротил с революционными рабочими оставили неизгладимый след в сознании рабочего класса всех стран. Разве не «достойно» увенчали они свою деятельность, открыв путь к власти фашистской диктатуре? Но разве лучшую память оставило рабочее правительство лейбористов, английских меньшевиков в сознании рабочего класса Англии? Разве лучшую память оставила в сознании австрийских рабочих деятельность австромарксистов в австрийском рейхстаге, когда они были у власти? Разве деятельность

бельгийского социалиста, руководителя международной банды социал-предателей, Эмиля Вандервельде не разоблачила всей подлой предательской сущности социал-демократии в глазах не только бельгийских рабочих, но и рабочих всего мира? Разве социал-демократическое правительство Брантинга в Швеции не разоблачило себя полностью в глазах шведских рабочих? Разве предательская роль японских социал-демократов, предающих рабочий класс и натравливающих японских фашистов против японской компартии, не помогает японским рабочим понять истинное лицо II Интернационала? Достаточно напомнить эти примеры—а их можно было бы в значительной степени умножить,—для того чтобы видеть, какую роль сыграл II Интернационал после войны. И мы видим почти во всех странах его распад не только идейный, но и организационный. То, что осталось сейчас от II Интернационала,—это жалкие остатки бывшего величия социал-демократов, когда они гордо уверяли, что им удастся «медленным шагом, робким зигзагом» овладеть государственной машиной без всяких кровавых потрясений, без революций, посредством избирательных бюллетеней.

Мы приводили уже мнение отца меньшевиков, ренегата Карла Каутского, о том, что «Маркс не может дать нам никакого представления о характере классовой борьбы в условиях вполне развернутой демократии». Еще недавно Карл Каутский уверял, что «пролетарская революция может осуществиться без применения насилия, самым законным путем». И это писалось незадолго до того, как сапог Гитлера дал основательный пинок тому же Каутскому и всем его соратникам и выбросил их вон из Германии в тот самый момент, когда они пытались вновь приспособить свою практику к «наименьшему злу», к Адольфу Гитлеру, Герингу, Геббельсу и другим поджигателям рейхстага и душителям рабочего класса, возведшим гильотину и топор палача в метод воспитания рабочего класса в духе «национальной революции».

Характерной чертой, которая свойственна всем нашим врагам, является отрицание ими социалистического характера Октябрьской революции. Но по сути дела на этом ведь и сходились наши враги с правыми оппортунистами в нашей партии накануне и после Октябрьской революции. Эта же точка зрения составляет существо троцкизма. Как бы ни маскировались Троцкий и его сторонники—это основное в его оценке Октябрьской революции. Ведь писал же недавно Троцкий о том, что «крестьянская Россия нуждается, как и прежде, в общем промышленном плане с индустриальной Европой», что «разделение труда в международном масштабе стоит выше диктатуры пролетариата в отдельной (одной) стране и императивно диктует путь ее дальнейшего развития». Чего стоят следующие рассу-

ждения этого ренегата: «Россия не является гетто варварства, но (?) также не представляет собой еще Аркадии социализма. Она является наиболее переходной страной в нашей переходной эпохе... Положение мировой экономики в настоящее время дает возможность сказать без колебаний—капитализм приблизился гораздо более к пролетарской революции, нежели Советский союз к социализму»[1].

Конечно мы никогда не рисовали Советское государство как «Аркадию социализма». Только клеветники вроде Троцкого могут нас в этом обвинить. Но утверждать на шестнадцатом году пролетарской диктатуры, что СССР попрежнему представляет собой «крестьянскую Россию», когда продукция социалистической промышленности СССР составляет более 70% всего народного хозяйства, может только ренегат Троцкий. Утверждать, что СССР нуждается, «как и прежде», в общем промышленном плане с индустриальной Европой, это значит отрицать полностью социалистическую революцию и социалистическое переустройство, которое произошло за 16 лет существования пролетарского государства. Конечно мы создадим общий промышленный план с индустриальной Европой тогда, когда эта Европа будет социалистической. У нас нет и не может быть «общего плана» с индустриальной капиталистической Европой, как не может быть общего плана, скажем, с ренегатом Троцким. Утверждать, что разделение труда в международном масштабе стоит выше диктатуры пролетариата в СССР—это значит повторять худшие из худших утверждений всех ренегатов социализма. Утверждать, что «капитализм приблизился гораздо ближе к пролетарской революции, нежели Советский союз к социализму»—это значит отрицать полностью социалистический характер Октябрьской революции и огромные успехи социализма в СССР. Но эти высказывания Троцкого только подтверждают то, что писал т. Сталин о Троцком, целиком вернувшемся на свои меньшевистские позиции: «Собака вернулась к своей блевотине». Последняя акция Троцкого—создание им в противовес Коммунистическому интернационалу жалкого блока различного рода ренегатских социал-демократических групп—эта попытка воскресить пресловутый «августовский блок», направленный против большевистской партии, лишний раз подтвер-

---

[1] Цитирую по «Нью-Йорк Таймс» от 26 января 1933 г., где в статье «Троцкий ждет новых революций» приводятся выдержки из приложения к третьему тому книги Троцкого «Революция в России».

ждает правильность этой оценки позиции Троцкого, данной т. Сталиным [1].

Мы привели это «последнее слово» троцкистской политики, троцкистских махинаций против Коминтерна, для того чтобы всякий мог убедиться, что оценка Троцким Октябрьской революции по существу ничем не отличается от оценки Октябрьской революции, которую мы находим у Каутского, Дана, Отто Бауэра и других меньшевиков, подобно Троцкому пытающихся создать мостик, по которому буржуазия может проводить свое влияние на рабочий класс. Между высказываниями меньшевика Абрамовича на Гамбургском съезде II Интернационала, что «Октябрьская революция—это буржуазная революция», и приведенными нами выше высказываниями Троцкого разницы нет. Милые бранятся—только тешатся,—можно сказать про разногласия в лагере противников Октябрьской революции, в лагере врагов Коммунистического интернационала. Троцкистские крики о термидоре ничем не отличаются от высказываний «Форвертса», что «большевизм прокладывает путь к капитализму».

Нетрудно было бы привести десятки пророчеств меньшевиков, этих слуг буржуазии, которые в свете достижений 16 лет пролетарской диктатуры, в свете достижений пятилетки выглядят особенно смешно. Мы уже приводили мнение «Форвертса» о том, что «власть большевиков недолговечна... пять минут до их падения». Меньшевичка Доманевская еще в 1928 г. писала в журнале «Классенкампф», что «советы начинают отмирать». Ренегат Пауль Леви, одно время заигрывавший с Коммунистическим интернационалом, а потом полностью перешедший на позиции ренегата Каутского, писал в 1927 г. в «Гезельшафт»: «Дело Ленина трещит... конец великому миражу... Тогда разнесется боевой клич русского крестьянства—«да здравствует советская власть, долой коммунизм».

---

[1] На так называемом мировом «Конгрессе революционных и независимых социалистических партий», созванном в 1933 г. троцкистами в Париже, по сообщению «Нью лидер» и других газет, участвовали такие организации, как организация норвежской рабочей партии, руководимая известным ренегатом Транмелем, германской социал-демократической рабочей партии, ничтожные ренегатские группы Франции, итальянская социалистическая партия, имеющая несколько сторонников среди эмигрантов, голландская независимая рабочая партия, русские левые эсеры—группа Штейнберга, чильбумовская шведская группа, изобличенная в том, что она получила субсидию от короля спичек Крейгера, который одновременно поддерживал фашистские организации своими средствами, незначительная группка троцкистов Испании, румынских социалистов и польских «независимых».

Достаточно этого перечня, чтобы видеть, что это самый настоящий «августовский блок» ликвидаторских групп, направленный против Коммунистического интернационала.

Это было в самом начале первой пятилетки социалистического строительства, когда посевная площадь индивидуального хозяйства составляла 97,3%, а в настоящее время посевная площадь под колхозами и совхозами в Советском государстве составляет 84%, к концу же второй пятилетки процесс коллективизации будет полностью завершен. И в свете этого факта пророчества Пауля Леви выглядят более чем смешными, более чем жалкими.

По вопросу об отношении к нашим достижениям наших врагов т. Сталин на январском пленуме ЦК указывал, что ни один шаг по пути хозяйственного строительства в нашей стране не встречал такого отклика в самых разнообразных слоях капиталистических стран Европы, Америки, Азии, как вопрос о пятилетнем плане, об его развитии, об его осуществлении.

Первое время пятилетний план был встречен со стороны буржуазии и ее печати насмешкой. «Фантазия», «бред», «утопия»,—так они окрестили тогда наш пятилетний план. Потом, когда начало выясняться, что осуществление пятилетнего плана дает реальные результаты, они стали бить в набат, утверждая, что пятилетний план угрожает существованию капиталистических стран, что его осуществление приведет к заполнению европейских рынков товарами, к усилению демпинга и углублению безработицы. Затем, когда и этот трюк, использованный против советской власти, не дал ожидаемых результатов, открылась серия путешествий в СССР различных представителей всякого рода фирм, органов печати, обществ разного рода и т. д. с целью разглядеть своими собственными глазами, что же, собственно говоря, творится в СССР. Я не говорю здесь о рабочих делегациях, которые с самого начала появления пятилетнего плана выражали свое восхищение начинаниям и успехам советской власти и проявляли свою готовность поддержать рабочий класс СССР.

С этого времени и начался раскол так называемого общественного мнения, буржуазной печати, буржуазных обществ всякого рода и т. д.

Особо стоит вопрос об отношении рабочего класса капиталистических стран к вопросу о пятилетке, к вопросу об успехах социалистического строительства в СССР... Успехи пятилетки мобилизуют революционные силы рабочего класса всех стран против капитализма — таков неоспоримый факт.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Октябрьская революция всколыхнула весь буржуазный мир. Революционный выход из империалистической войны, отказ помогать международным разбойникам в их хищнической войне взбудоражили империалистов, как никакое другое событие в мире. Империалисты, узнав об Октябрьской революции 1917 г., с первых же дней приняли по отношению к ней угрожающий тон. В ответ на запрос генерала Духонина, как ему быть с постановлением Совнаркома об отставке его как главковерха, Духонин получил весьма красноречивое предписание:

«Его превосходительству генералу Духонину, верховному главнокомандующему российской армии. Могилев, 10/23 ноября 1917 г.

Ваше превосходительство.

Нижеподписавшиеся начальники военных миссий, аккредитованных при верховном русском командовании, действуя на основании точных указаний, полученных от своих правительств через полномочных их представителей в Петрограде, имеют честь заявить самый энергичный протест перед российским верховным командованием против всякого нарушения условия договора от 23/5 сентября 1914 г. держав Согласия, согласно которому союзники, в том числе и Россия, торжественно обязались не заключать отдельно друг от друга перемирия, а также не приостанавливать военных действий.

Нижеподписавшиеся начальники военных миссий считают также своим долгом довести до сведения вашего превосходительства, что всякое нарушение договора со стороны России повлечет за собою самые тяжкие последствия.

Нижеподписавшиеся начальники военных миссий просят ваше превосходительство не отказать письменно уведомить о получении настоящего сообщения и принять уверения в совершенном их к вам уважении.

Бартер (генерал-лейтенант, начальник британской миссии).

Коанда (генерал, начальник румынской миссии).

Ромеи (генерал-майор, начальник итальянской миссии).

Я. Такаянаки (начальник японской миссии).

Лаверн (бригадный генерал,начальник французской миссии).

Полковник Лудкиевич (начальник сербской миссии)» [1].

Установление диктатуры пролетариата, революционный выход Советской России из империалистической войны привели первое в мире Советское государство к прямому непосредственному вооруженному столкновению почти со всеми главнейшими капиталистическими государствами. После того как цепой тяжелой упорной вооруженной борьбы Советское государство разгромило генеральско-помещичью контрреволюцию, отразило интервенцию, борьба не прекращалась ни на один день. Налеты на полпредства и торгпредства, провокационные действия буржуазных правительств в ряде государств против Советского союза, убийства и покушения на полномочных представителей Советского союза, запрещение ввоза советских товаров в капиталистические страны (эмбарго), военные блоки, направленные против Советского союза,—вот факты, характеризующие отношение буржуазного мира к новой системе государства—советской системе.

Противоречия в лагере империалистов мешали им сговориться, для того чтобы объединенными усилиями напасть на Советский союз.

Вместе с тем в обстановке огромных побед социализма в СССР, в обстановке дальнейшего углубления общего кризиса капитализма, в обстановке дальнейшего усиления коренного противоречия современности, противоречия между СССР и капиталистическим миром,—все более нарастает непосредственная угроза контрреволюционной войны против СССР.

Вместе с тем величайшие победы социализма в Стране советов питают во всех странах мира могучие симпатии рабочих и широких трудящихся масс к Советскому союзу. Рост материального и культурного уровня десятков миллионов трудящихся различных национальностей, входящих в Советский союз, питает такие же симпатии сотен миллионов трудящихся колониальных и полуколониальных народов, угнетенных и порабощенных империализмом. Крестовые походы, которые не раз организовывала церковь в союзе с фашистами и белогвардейцами всех стран против Советского союза, вскрыли перед самыми широкими массами роль церкви как прислужницы эксплоататоров. Каждый день существования Советского союза, каждая его новая победа становятся величайшим фактором

[1] «Красный архив», т. XXIII, стр. 201—202.

в деле пропаганды идей советской власти, идей социализма, идей ленинизма во всем мире.

Тов. Сталин приводил в своем докладе об итогах первой пятилетки на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. многочисленные отзывы буржуазной печати о значении первой пятилетки. Подводя итоги этим отзывам, т. Сталин говорил:

«Стоило проделать строительную работу в продолжение каких-нибудь 2—3 лет, стоило показать первые успехи пятилетки, чтобы весь мир раскололся на два лагеря—на лагерь людей, которые лают нас без устали, и лагерь людей, которые поражены успехами пятилетки, не говоря уже о том, что имеется и усиливается наш собственный лагерь во всем мире—лагерь рабочего класса капиталистических стран, который радуется успехам рабочего класса СССР и готов ему оказать поддержку в странах буржуазии всего мира».

* * *

Мы стоим на пороге второго года второй пятилетки. К XVII партийному съезду мы подводим величайшие итоги, итоги 16 лет пролетарской диктатуры, итоги первой пятилетки и первого года второй пятилетки. Успехи, достигнутые нами к моменту XVII съезда, показывают, какие гигантские силы разбудила, организовала коммунистическая партия, партия Ленина, партия Сталина, благодаря тому, что 16 лет назад, 7 ноября 1917 г., власть перешла в руки рабочего класса. Это была победа социализма в одной стране, за которую мы боролись, начиная с первой революции. Величайшие усилия целого ряда революционных поколений не пропали даром. Эти усилия завершились победой социализма на одной шестой части земного шара. Но эта победа является началом победы мировой пролетарской революции.

«Товарищи,—говорил Ленин на VIII съезде, отмечая одну из побед пролетариата, победу венгерской революции и образование советской власти в Венгрии,—за нашей спиной стоит целый ряд революционеров, которые приносили свою жизнь в жертву освобождения России. На долю большинства этих революционных деятелей выпала тяжелая судьба. На их долю выпали преследования царизма, им не дано было счастья присутствовать при победоносной революции. А нам досталось счастье еще более высокое. Мы не только видели победу нашей революции, мы не только видели, как она среди неслыханных трудностей укреплялась и создавала новые формы власти, привлекающие к нам симпатии всего мира, но мы видим также, что семя, посеянное русской революцией, всходит в Европе. Это

создает в нас абсолютную непреклонную уверенность, что как бы тяжелы ни были испытания, которые могут на нас еще обрушиться, как бы велики ни были беды, которые может еще принести нам издыхающий зверь международного империализма,— этот зверь погибнет и социализм победит во всем мире» [1].

Ленин умер 10 лет назад. Он умер в момент, когда страна широким фронтом принималась за построение фундамента социалистической экономики, за выполнение грандиозного ленинского плана электрификации. Ленин совершенно отчетливо предвидел величайшие победы нашей революции последующих лет. Он воспитал армию борцов за социализм, способных осуществить его заветы. Нам, участникам этого великого социалистического строительства, выпало еще большее счастье: мы видим, как построен фундамент социалистического общества, мы участвовали в его построении, мы участвуем в построении бесклассового социалистического общества. Страна советов одерживает с каждым днем все новые и новые победы, превращая СССР в несокрушимый оплот мировой пролетарской революции. Трудящиеся всего мира с уважением смотрят на партию Ленина и Сталина. Величайшей любовью эта партия и пятимиллионный комсомол окружают свой штаб, ленинский штаб большевистской гвардии во главе с его руководителем, любимым вождем т. Сталиным. Оглядываясь на пройденный путь, мы видим, как из маленьких подпольных кружков выросли мы в огромную силу, выросли в ударную бригаду мировой пролетарской революции.

Чувство непередаваемой гордости и величайшей ответственности охватывает каждого трудящегося, перед которым ставятся грандиозные задачи, еще никогда и нигде в мире не решавшиеся.

Тезисы «о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР» являются программой построения социалистического общества в нашей стране.

Эта программа подкреплена организационными мероприятиями, развитыми в тезисах Л. М. Кагановича, которые призваны обеспечить ее реализацию.

То, что во главе нашей партии стоит гениальный вождь мирового пролетариата т. Сталин—является залогом наших побед.

Страна советов, первое в мире социалистическое государство, стоит во всеоружии. Нет в мире силы, которая могла бы помешать нам довести до конца дело Октябрьской революции, дело всемирной победы Октября.

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 178—179.